

Владимир Мищенко

16+

Записки дворянина

Владимир Мищенко

Записки дворянина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48637452

SelfPub; 2019

Аннотация

Военному профессионалу невозможно долго сидеть дома. А это значит – новые приключения, новые опасности. И неизвестно, где и кем ты окажешься на этом пути – пропоют тебе за упокой или прославление, как новому королю.

Исторический роман, где не приврать – и рассказа не написать

Многие ли из нас могут рассказать о своих предках, живших лет семьсот или восемьсот тому назад? Как ни печально, но мои правнуки, по моей скромности и отсутствию значительных подвигов, даже не будут знать моего имени. Как, собственно, и я их (здесь мы в расчёте). Но лично я, так уж получилось, знаю о своих далёких (по временной шкале) чуть больше некоторых. Эти некоторые – истинные потомственные дворяне, но их теперь осталось очень мало, потому как часть из них умерла по старости, а часть – просто казнили или погибли на многочисленных войнах. Остались подобные мне – потомственные, но получившие эту привилегию не по принадлежности ко двору какого-то исторического князя или вождя, а по причине воинских заслуг своих предков. Вспоминая бабушкины рассказы на уровне баек, прямо семейная сага, я знаю, что давным-давно, в старые-престарые времена отряд из пяти кораблей – драккаров викингов спускался по своим делам по одной из славянских рек. На первом драккаре плыл, прошу прощения, шёл на веслах конунг со своим родным братом-ярлом. Ярл был ранен и умирал. С неделю назад его ранили стрелой. Серьёзно – перебили артерию. Но и стрела, видимо, была чем-то смазана, т.к. ему становилось всё хуже и хуже. И вскоре конунгу

пришлось искать стоянку и просить помощи у этих славян, на которых совсем недавно он смотрел лишь как на добычу. В приречном городище их приняли, приняли как гостей, а ярла – на спокойное дожитие оставшихся дней. Жила в том городище вдовушка – мать двух сыновей. Её мужем был сотник, а если выразаться на современный манер, т.е. по-иностранному, центурион. Должность и чин по тем временам солидный. И чтобы не было зазорно для ярла – родственника самого конунга, поселили его в избе этой вдовушки. Думали, не больше седмицы проживёт этот викинг, да нет, одна прошла, другая, а живёт басурман. Живуч оказался. Как потом узнали, не только боевым топором он хорошо махал, но и другими частями тела, потому как через год с небольшим родился у вдовушки ещё один сын, такой же блондин с позолотой, как спелая пшеница, как и его старшие братья. А вскоре, почитай каждый год, ещё такие же да пара девок до кучи. Располнела, конечно, лоза-девица, но и такую сильно любил ярл. Причём настолько, что когда умерла вдовушка, не прожил и недели он и умер от горя. Зависть и жадность людская, да войны разнесли братьев по земле, но не потерялись они и старались помогать друг другу. Бедны были, но отцовская кровь передавалась, и посему были они воины знатные, крепкие, умелые. Со временем появилось новое сословие – казаки, которые потом слились в Запорожскую Сечь. Вот там-то и выбрали за воинскую доблесть в войсковые полковники одного из моих дедов с вручением ему ба-

дика. Это сейчас бадик – тросточка для инвалида, а тогда это был жезл власти, доблести и славы. С тех пор и пошло, что мои деды становились, кто подполковником, кто полковником, а кто и генералом. А это, как известно, воинские звания, дающие право на дворянство с правом наследия сего чина и чести, как написано в Грамоте.

Мой отец не был офицером, но это не помешало ему с Божьей помощью и посредством моей матери произвести на свет меня – очередного наследного дворянина. Я сам честно и добросовестно дослужился до подполковника и по получению ранений, и в купе с ними нескольких заболеваний, был отправлен в запас. К моей радости ранения и заболевания оказались совместимы с моей жизнью, поэтому я в лёгкой депрессии оказался в моём провинциальном поместье. Натура моя, в отличие от нынешнего тела, была тогда неугомная, постоянно жаждущая чего-то нового. Обзаведясь новым знакомым – носителем, как говорят, английского (опять же, как говорят, аглицкого) языка, я стал, от скуки, его, в смысле язык, изучать, выпив при этом с этим носителем чуть ли не бочку хмельного мёду. Сильны же выпить за чужой счёт эти англичане. А чтобы не пропадала зря выпитая медовуха, решил я поехать в это самое аглицкое королевство поупражняться в речи, да проверить, что за наречие – диалекту он

меня обучил. Сказано-сделано. Поменял я свои медные, бумажные, благо не деревянные, деньги на золотые, поднабрал серебрянных и поехал. Миновал германские земли, Бельгию и через Лилль доехал до устья небольшой реки. Мне сказали, что чуть дальше, миль сорок, будет портовый город, но то земли норманнов и нанять лодку будет значительно дороже, и предложили мне по разумной цене уже сегодня отправиться в Брайтон, что на земле аглицкой. Я согласился. Мне говорили, что здесь часто бывают туманы, да и шторма не редкость. И наш день не оказался исключением. Уже часа через два небо затянуло облаками, пошёл холодный осенний дождь, резко усилился ветер. Капитан, он же хозяин лодки, сначала пытался использовать ветер во благо и на парусе добрать до берега, но, видимо, на берегу, мы мало выпили, чтобы наши желания совпали с нашими возможностями, а проще – не помолились и не попросили Господа благословить наш путь. Нас несло и несло, и не к берегу, а вдоль него на запад. Но ничто на земле не бывает вечным, кончился и шторм. Пройдя вдоль берега ещё немного, мы пришвартовались к деревянным причалам какой-то небольшой рыбацкой деревушки с развешенными для просушки сетями. Здесь я уже не совершил ошибки и громко воздал хвалу Господу, что Он нас спас и привёл в эту благословенную (очень хотелось на это надеяться) деревушку. Традиционного английского паба не нашёл, но наткнулся на довольно приличную на вид таверну. Английского спокойствия и джентльменства

я здесь тоже не увидел, но что вы хотите от простых рыбаков. Хотя откровенного хамства так же не было. Грубо сколоченные столы, лавки, в изобилии эль, жаренная и варёная рыба, жёсткое холодное мясо – неотъемлемый атрибут местных забегаловок. Смесь наречий, среди которых английские слова составляли лишь четверть да процентов десять – напоминающие германские слова. Среди моих знакомых было два остгота, от которых я набрался кое-чему, в том числе и словам. Оказывается, голландские слова имеют много слов схожих с германскими, а первыми поселенцами здесь оказались именно голландские моряки, потерпевшие крушение у этих мест.

– Ваша милость, – обратился ко мне хозяин таверны на скверном английском – по моему пониманию, – вы к нам путешествуете или по делам?

– Проездом. Но путешествую. Хочу посмотреть ваши земли – я слышал о них много хорошего.

– О, да, ваша милость, природа у нас действительно великолепная. Простите, ваша милость, но, несмотря на то, что вы богаты, мне кажется, вы хороший человек, поэтому, не сочтите за наглость, дать вам совет?

– Разумеется. Тем более, что последнее слово всё равно остаётся за мной.

– Разумеется, ваша милость. Вы приезжий человек и, очевидно, плохо осведомлены, что сейчас у нас творится. А творится здесь война, кровь, много крови. Если уж вы путеше-

ствуετε, то рекомендую вам проплыть дальше на запад миль сто. Сразу за мысом, увидите деревню и строго на север. Там вы найдёте остров, аккурат вдвое меньше нашей старой доброй Англии, но очень на неё похожий и, самое главное, тихий и спокойный. Там никто, почти, не воюет. По крайней мере, сейчас.

– Хм. А можно спросить почему?

– Ваша милость, это остров. Но это плавучий остров. Его толщина ярдов сто, а может – пятьдесят или двести. Кто знает? Его носит по волнам между нами и землями галлов. Не так давно его прибило как раз к их землям, но там сильное тёплое течение, и там он лишился огромного своего куска с южной стороны. Но, слава Одину, он вернулся в наши холодные воды и теперь обитает между нами и Исландией. Правит там формально молодой и очень простой, – вы понимаете меня? – очень простой король. Его опекуншей является его родная сестра – старая дева тридцати лет, но настолько страшная, что я не беспокоюсь о вашем целомудрии. Езжайте туда. Вы потеряете в дороге пару суток, но хорошо отдохнёте и получите удовольствие. Я рекомендую.

– Собственно, а почему бы и нет. А говорят там, на каком языке?

– Основная масса населения – ливерпульцы разбавленные йоркширскими беженцами. Не завоевателями – беженцами. Но это было уже давно.

– Понятно. Нет проблем. Вернее, одна – корабль.

– Здесь тоже нет проблем.– Корчмарь щёлкнул пальцами и к нему подбежал пацан – оборвыш, сидевший у входа в ожидании милостыни. – Это молодой джентльмен проводит вас к хозяину лодки, который доставит вас, куда вы скажете, и, заодно, донесёт вам запас еды на дорогу и бочонок моего фирменного эля.

Кто знает, что меня ждет на этом плавучем острове, но следовать через воющий остров – самоубийству подобно, а возвращаться несолоно хлебавши, вроде бы не солидно и даже обидно.

Путешествие на остров прошло, как и сказал корчмарь. И погода была чудесная, и ветер попутный.

Высадили меня в такой же, как родная сестра, деревеньке, и корчма была почти на том же самом месте. Стоял чудесный летний день. Жёлтым золотом покрывало землю солнце, стоящее в зените. Маленькие белые барашки стройными фалангами набегали на берег и с легких шипением превращались в грязную муть, медленно размывая илистый берег. Сюда бы с удочкой денька на два.

Таверна была пуста, за исключением пятерых мужчин непонятного возраста, но очевидными деревенскими лицами, при этом старающиеся показаться культурными. Бывшие военные, как выяснилось позже из разговора. Их же я

и нанял для сопровождения и охраны моей персоны. Свита опять же. Здесь же в таверне мы купили и ружья, которые солдаты называли мушкетами, хотя пара мушкетов, висящих у меня дома на стене, совсем на них не были похожи, а также шпаги для них. Я был вооружён саблей одного из моих дедов, что хранилась до поры в сундуке, и двух зарядным пистолетом тульского мастера.

Столица королевства находилась практически в центре острова, что было вполне логично. Вот туда мы и направились. Как сказал один опытный путешественник – желудок такая неблагодарная скотина, что, сколько его ни корми, а на завтра он опять есть требует. Поэтому уже к вечеру мы были вынуждены остановиться в очередной таверне, чтобы удовлетворить запросы этой ненасытной утробы. Мы не были святыми пилигримами, поэтому нам не надо было питаться сухим сыром, хлебом и водой. Если кто-то пробовал эту диету, то согласится со мной, какая это гадость. Благо, моё дворянское достоинство не позволяло мне так себя истязать. Место, надо отдать должное, было весьма красиво и даже романтично. Большое озеро, плакучие ивы, купающие свои ветви-руки в воде, лебеди и на берегу, прям как в моей деревне, рыбаки с длинными удилищами. Есть такое хорошее русское слово – ностальжи. Короче, решил я сделать привал на пару суток, тем паче, что я путешественник, а не командированный какой.

Утро. Поздний завтрак. Как благородному предложили

жареных скворцов, фаршированных перепелиными яйцами. Какая же это гадость. Да, опять гадость, но что я могу поделать, если это самое культурное слово, которое я знаю и могу применить в этой ситуации, хотя так сильно хочется сказать по-русски или, хотя бы, по-татарски. Мало того, что совсем нет мяса, а одни кости и косточки, так они ещё и яйца не очистили. Кошмар. В своей деревне я бы приказал высечь розгами такого повара, а здесь пришлось с глупой улыбкой кивать и говорить гут гешмект, типа очень вкусно. Правильно говорят – что англичанину хорошо, то русскому – смерть. Но ничего, в армии я ещё и не такую дрянь ел и выжил. Через огромное, в стиле модерн, окно вид на озеро. Озеро – это маленькое море, и барашки здесь не бегают отарами со стройными рядами, а разбрелись по всей поверхности, как молодые овечки. И пара лебедей уже подобны строгим сторожевым собакам, что периодически резко опускают голову, как бы наказывая особо озорливых. По тропинке, что извилистой ниткой бежит вдоль берега, медленно идёт паренёк, лет десяти-двенадцати. Не босяк – одет прилично и опрятно. А это плюс. Ещё он мне понравился тем, что откровенно скучал. Скука наполовину с грустью. До боли знакомое пакостное чувство, сопровождающее ещё более мерзопакостную депрессию. Как учёный учёного или сумасшедший сумасшедшего видят издали, так и я разглядел его из-за своего стола. Что-то необъяснимое подняло меня и повело к нему. Всегда надо потакать таким своим первым почти

неуловимым порывам, ибо они чаще всего бывают самыми искренними и полезными. Дети – это зеркала. Глядя на него, ты можешь увидеть зябкую осень или яркое весеннее солнце, а, может, хмурые тучи. Глядя в него, ты видишь своё отражение, так как дети не научились ещё прятать свои эмоции, и на их лицах ты видишь себя настоящего, как тебя видят другие, а не так, как тебе говорят. С ребёнком может сравниться только собака. Она такая же честная, преданная и наивная. Хотя наивностью собак почти не пользуются, а вот наивность детей Увы, я и сам иногда бываю такой. Нет, нет, не в смысле аморалки или извращений, а в смысле.... Ну, типа

– Быстрее ешь кашу. Чем быстрее съешь кашу, тем быстрее придёт твоя мама.

Ага, щаз-з, так она и прибежала, если знает, что дитё и накормят, и напоят, и спать уложат. Обманываешь. Плачешь от жалости и несправедливости и обманываешь. А что делать, если проклятая селяви так выкручивает руки, чтобы как-то выжить, приспособиться.

Я, естественно, случайно вышел с боковой тропинки практически одновременно с этим юношей.

– Здравствуйте. – Кивнул я ему. – Хорошая погода. Люблю такую – не жарко, лёгкий ветерок. Немного грустно, но приятно. Не находите?

– Здравствуйте, сэр.– Слегка замедлив, немного удивлённым тоном ответил он.– Да, я тоже люблю такую погоду. Я люблю здесь гулять, поэтому я часто сюда приезжаю.

– А-а, так вы, молодой человек, тоже не местный? Я тоже. Путешествую. Мне в Англии похвалили эти места, и я решил посмотреть, проверить сам.

– И как, понравилось?

– Да. Весьма. Как говорит один мой знакомый – комильфо.

– Согласен.

– А вы, мне кажется, слегка грустите. Есть повод или просто настроение души?

– Скорее настроение души. Хожу, чего хочется, а сам не пойму.

– О, давайте я вас, для начала, угощу семечками.– С этими словами я достал из штанин горсточку жареных семян. – Угощайтесь.

– А что это? Я такого никогда не пробовал.

– Серьёзно? Это любимая забава на Руси, когда заняться нечем. Обычные семена подсолнечника. Это растение у вас называют проще – солнечный цветок.

– Интересно. Поэтично.

– На самом деле, название просто поясняет, что цветок всегда тянется к солнцу, даже если всё небо затянуто облаками, идет нудный осенний холодный дождь. А его шляпка всегда повернуто туда, где сейчас находится солнце. Это помогает при путешествиях не заблудиться.

– Интересно. Вы, наверное, много путешествуете. Я вам завидую.

– Не стоит. Я бывший военный. Многое из того, что я знаю, я узнал на полях сражений или в военных походах. А там, поверьте, романтики мало. Это в романах пишут красиво, а на самом деле сплошная грязь, кровь и грубость.

– Но вы-то не грубый.

– Я? Просто я давно уже на пенсии. Так уж получилось. Теперь вот путешествую.

– Завидую я вам.

– Мне? Да, я доволен своей жизнью, тем, что произошло. Как пишут в книгах – я любил и меня любили. Ну, а вам-то что. Вы, по-моему, живёте не в бедной семье. Имеете всё, что хотите или почти всё. Но, самое главное, вы молоды, хотя молодость – это такой недостаток, что слишком быстро проходит. Не успеешь оглянуться, как тебе уже дают палочку, чтобы было удобнее ходить, в кресле накрывают пледом, чтобы не озяб, сидя у камина.

– Старые люди все мудрые. Но и мне иногда хочется чего-нибудь такого, чего нет. Как пишут в книгах – полцарства бы отдал за это. Вы не обиделись на меня, что я вас цитирую?

– Я даже польщён. А чего же вы желаете такого сейчас, чтоб полцарства отдать и не жалко? Хотя... я понимаю, что это тоже шутка, потому что вы слишком юны и не сможете этого сделать по причине своей молодости. И, наверное, отсутствия такового. Но это уже мелочи.

– Сэр, в моём королевстве юридическое совершеннолетие наступает в четырнадцать лет, а мне уже больше пятнадцати.

Я уже полноправный гражданин своего Отечества.

– Хм. Впрочем, в стране иудеев совершеннолетие наступает вообще с тринадцати и ничего. Просто в моём королевстве оно наступает с шестнадцати. Поэтому я так и сказал.

– Я, собственно, так и подумал – вы ведь путешествуете и здесь недавно. А у вас, что, своё королевство?

– Нет, что вы. Моё, т.е. там, где я родился и живу.

– Понятно. Кстати, если честно и между нами, я очень хочу шоколадное печенье. Это новинка в королевстве. Эти бобы привозят к нам из далёкой Америки. Вы слышали о такой стране.– Я кивнул.– Но они закончились, а новых не привезли из-за длительного шторма. Ветер утих и я, надеюсь, корабль из Англии скоро привезёт их.

– Хм, кстати, я тоже их очень люблю. Но нам проще – шторма для России не помеха и какао бобы поставляют нам регулярно.

– Как я завидую вам.

– Мо-ло-дой человек, ждите, не теряйте надежду и верьте и всё получите. Мы – христиане, должны верить в Бога, просить Его. Когда мы начинаем верить в Иисуса Христа, мы приобретаем и весь духовный мир Христа, и наша молитва помогает нам достать это из мира духовного и сделать это осязаемой вещью здесь. А как это делается? Да какая разница. Главное – результат. Господь слышит наши просьбы, а как Он это сделает и через кого? Без разницы. Вы согласны?

– Наверное. Да. Согласен.

– Что ж, приятно было познакомиться, но мне пора. Мы с друзьями выезжаем сегодня в столицу. Побывать в стране и не увидеть столицу – нехорошо.

– Прощайте. Впрочем, если вы задержитесь в столице, то мы, возможно, там увидимся. Я тоже вскоре туда уеду.

– Буду весьма рад встрече. Честь имею.

– Прощайте, сэр.

Мы расстались – я пошёл к себе в комнату, а он присел на одну из лавочек, что редкими чёрными чугунными пятнышками были разбросаны вдоль берега.

– Как вам наше Величество?– спросил меня хозяин корчмы.

– В смысле?– не понял я.

– В прямом. Как вам показался наш король?

– Опа. Так это король?!

– А вы не знали?

– Откуда? Это в моей стране портреты королей штампуют и на деньгах, и на листовках, что расклеивают на стенах по праздникам. А у вас и своей валюты-то толком нет – принимаете всё, что дают. Вот те раз. Кстати, понравился. Умный, толковый. И ни грамма заносчивости или чванства. Даже и не подумаешь, что он и король.

– Вот такой у нас король.

– Кстати, любит шоколадное печенье. У вас, часом, нет такого?

– Как же, есть. Любой корчмарь или хозяин таверны должен знать вкусы своего короля и своих постоянных клиентов, иначе он плохой хозяин.

– Согласен. А не могли бы вы продать мне немного такого печенья?

– Почему нет. Мы напекли много. Специально к приезду короля.

– Буду весьма благодарен. Скажите, чтобы мне взвесили кулёчек и принесли в комнату. Пойду, переоденусь.

Зайдя в комнату, я подумал, а почему бы не поохмить и не попробовать хапнуть полцарства в придачу. Я не Иванушка – дурачёк, но всё же. Достал бумагу, перо, чернильницу – непроливашку и задумался. Хоть и хохма, но всё же королевский Указ это не хухры-мухры. Тут раздался стук.

– Ваша милость, печенье, как приказывали.

– Спасибо, служивый. Возьми деньги да на чай за усердие. Постой. Как зовут вашего короля, а то я как-то упустил это из виду?

– Король Карл Девятый, ваша милость.

– Ступай, служивый, ступай. Итак,

У К А З.

Мы, наследный король Карл Девятый, изволяем и приказываем.

За особые заслуги перед нашим Отечеством и мною, королём Карлом Девятым лично, выделить половину всего нашего королевства новому гражданину нашего королевства барону Владимиру фон Рашен, для чего незамедлительно, сразу после прочтения приступить к выделению этих земель. С этой целью посередине всего королевства установить разделительные столбики, начиная с северной оконечности королевства, включая половину нашего королевского дворца и по южную оконечность королевства включительно. Для обеспечения жизни выделить в полное и безвозвратное пользование барону Владимиру фон Рашен всю левую половину королевства и четвертую часть штатного расписания придворной знати и челяди, а также третью часть гвардейской стражи, армии и священнослужителей.

Указ вступает в силу с момента его оглашения и обжалованию или пересмотру не подлежит. На землях, переданных барону Владимиру фон Рашен, барон Владимир фон Рашен обладает всеми правами равноправного и равноценного короля.

Подписано Мною лично король Карл Девятый.

Как хорошо, что здесь джентльменская страна – ни паспорта не спрашивают, ни баронских грамот, только слово джентльмена. Я скатал сие творение в трубочку, схватил кулёк с печеньями и побежал по лестнице вниз, чтобы там превратиться в почтенного и уважаемого гражданина. На выхо-

де стояло четверо богато одетых парней лет двадцати, на которых я посмотрел уже иначе – охрана короля или королевские пажи. Надо же.

– А вот и я.– Я пытался не выйти из роли.– Я же говорил, что если очень хочется, ждать и верить, то сбудется. Помните, о чём мы с вами говорили?

– Да, о том, что я за шоколадное печенье готов полкоролевства отдать.

– О, а печенье я принёс.

– Правда!? Вы не обманываете меня?

– Что вы. Человек должен отвечать за свои слова, а я взрослый человек. Пожалуйста. Вы такие любите? Потому что, если нет, значит, нет.

Он, слегка прикрыв глаза, осторожно, как будто ампулу с ядом, надкусил краешек и немного пожевал. Его глаза распахнулись. Необычайная радость, умиление и ещё тридцать три вида наслаждения плескались в его голубых, словно отражение неба, глазках.

– Как вкусно. Это ещё вкуснее, чем готовят у меня дома. Где вы это взяли?

– О, это уже второй вопрос. Я рад, что смог вам угодить. Вы сказали, я постарался сделать и сделал.

– За такие печенья и, правда, полкоролевства не жалко.

– Вы это честно?

– Конечно. Прямо сейчас бы отдал.

– Ну, если так, то тут случайно под скамейкой лежало.

Посмотрите, пожалуйста.

Карл взял в руки моё произведение и внимательно прочитал.

– Немного не соответствует королевскому этикету, но король вправе писать так, как пожелает.

– Логично.

– А под скамейкой есть перо и чернильница?

– Мне, кажется, в этом королевстве под скамейкой можно и не такое найти. Вот, извольте.

Карл аккуратно обмакнул перо в непроливашку и изящно расписался.

– Хоть документ и недействителен, но для истории сойдёт.

– Как это недействителен?– повысил голос король.– Я действующий наследный коронованный и это моя подпись.

– Да. Но любой документ должен скрепляться печатью, а её у нас нет.

– Как это нет.– Удивился Карл.– А это что?– добавил он с улыбкой, доставая из-под отворота рубахи два мешочка.– Вот это моя королевская печать, а здесь моё королевский воск для печати. В нем специальные добавки, чтобы можно было отличить настоящее от подделки. Здорово, правда?

– Правда. Только это ваш секрет и никто не должен об этом знать.

– Ну, вы же не скажете никому?

– Нет. Обещаю. Ставьте вашу печать, ваше Величество. Ведь так вас надо называть?

– Да. Но теперь вы равны мне, и я этому весьма рад.

– Я тоже рад и, надеюсь, что мы останемся друзьями.

– А вы останетесь со мною ещё на немного?

– В принципе, да. Но мне надо это как-то отправить.

– Не беспокойтесь, ваше Величество.

– Хм, как-то непривычно это слышать в собственный адрес.

– Привыкайте.— Карл повернул голову в сторону своих ждущих придворных. Один из них достаточно быстро, но с достоинством, которое не пропьёшь, подошёл.

–Сир?

– Граф, мне нужно, чтобы вы прямо сейчас отправились в столицу и передали этот документ лично Главному Распорядителю. Там написано, что приступить к исполнению немедленно, но и на словах подтвердите это и ускорьте сами. Вы же знаете медлительность нашего двора.

– Будет сделано, ваше Величество.— Кивнув, он пошел к постоялому двору.

– Ваше Величество, позвольте мне послать с ним своего человека.

– Извольте, сэр. Это логично.

– Благодарю вас, ваше Величество. Я ненадолго отлучусь.— С этими словами я отправился на поиски моих телохранителей.

-Так, лежебоки. – Сказал я, открывая ногой дверь в халупу, где временно проживали мои вояки.– Ситуация резко изменилась и причём в лучшую сторону. Сейчас, кто верен мне, может резко из пешки превратиться в офицера. В шахматы играете?

– Немного.

– Тогда поймёте. Если не дураки. Но вояки с таким военным стажем дураками не бывают – просто не доживают. Короче, сейчас ты, ты и ты седлаете лошадей, падаете на хвост графу, которого сам король послал в столицу, и берёте там всё, что дадут. Ничему не удивляться, в обморок не падать. Всё берите и делайте так, как будто всегда этим занимались. И приглядывайте там, учитесь. Потом мне расскажете. Поняли?

– Нет.

– Хорошо. Тогда езжайте. С Богом. У графа свиток за подписью и печатью короля – умрите, но чтоб документ попал в столицу и его там зачитали прилюдно. Понятно? Кстати, постарайтесь не сдохнуть по дороге, мне кажется, и ваша жизнь, наконец-то, изменится. Валяйте быстрее, граф ждать не будет. Помните – уважение, но вы мои люди, и приказы выполняете только мои. Собственно, кому я говорю, ведь вы солдаты, а я ваш командир. Пошли.

Отправив во дворец своих будущих придворных, я пошёл на кухню. Когда гости такого уровня и ранга, то самое от-

ветственное место – это кухня, потому как, если еда не понравится королю, то придворные отморозки, в угоду хозяину, могут разнести всё заведение, да и незадачливому повару достанется. Я оказался прав.

– Сударь.– Окликнул я корчмаря.– Не хотел бы ты переехать вместе со своею корчмою в столицу? Король благоволил мне выделить кое-какую жилплощадь. Там и тебе место хватит.

– Ваша милость шутит?

– Отнюдь. Я абсолютно серьёзно. Твои печенья понравились королю, и король наградил меня. Не за это, конечно, но и это оказалось кстати. Я добро помню. Так поедешь со мною? Не сразу. Я там обоснуюсь, а через пару недель и подъезжай.

– Ваша милость, я благодарен за такое предложение, но я уже стар и привык к этому месту, к людям, что каждый день приходят ко мне. Спасибо, но я не поеду. А вот, если ваша милость разрешит, то я бы с радостью послал туда своего сына. Он хороший кулинар, любит и умеет готовить. Да и рецепт печенья он знает.

– Знать и уметь выпечь – разные вещи.

– Мы всё варим и печём вместе. Всё, что умею я, умеет и он.

– Да не будет ученик выше своего учителя. Знаю. Читал. Добро. Согласен. А сейчас продай мне ещё кулёчек твоего печенья, а то король сожрал всё, а я даже не попробовал.

Навали побольше. Я тоже не жадный.

С большим кульком я, довольный и с огромной улыбкой, как у того сома, что вывалили из котла на блюдо, подошёл к нынешнему собрату по несчастью – королю соседнего королевства.

– Интересно, ваше Величество, а на чьей территории мы сейчас находимся? Колышки-то пока ещё не вбили.

– На моей, ваше Величество. Моё королевство ещё миль сто пятьдесят в ту сторону будет.

– Я так понимаю, что ещё миль двести дальше мои будут?

– Нет, меньше, но с севера на юг остров чуть длиннее, чем с востока на запад.

– Это хорошо. По крайней мере, нас не протащит по Ла-Маншу вдоль Скандинавии в холодные и суровые северные моря России, и мы с вами будем оставаться добрыми соседями. Всегда буду рад принимать Вас у себя в гостях. Скажу своему повару, чтобы он узнал ваши любимые блюда.

– Не стоит. Вам отошла четверть моего Регламента. Вся моя придворная свита и дворцовая челядь разбиты на четыре равные части и обслуживают меня и весь двор по три месяца. В Англии это разбито на четыре месяца, но должно же моё королевство как-то отличаться. Верно?

– Абсолютно.

– Кстати, а как вы догадались о четверти в своём, в смысле в моём, Указе?

– Случайность. Я не хотел быть скрягой и брать много.

Мне просто были нужны люди на первое время.

– Мудро. Но теперь мне, очевидно, придётся перейти на английский регламент. Ничего. По большому счёту, какая разница, ведь это не я обслуживаю, а меня.

– Тоже верно.

– Я дам вам своего обер-камергера, он будет у вас хорошим Главным Управителем. Это честный и добросовестный джентльмен и герцог.

– Благодарю вас, ваше Величество.

– Мы же с вами теперь соседи и должны помогать друг другу.

– Я запомню это, ваше Величество.

– Это желание возникает от житейской мудрости. Я уже имел возможность убедиться в вашей мудрости. Ваши знания помогают вам жить.

– Ваше Величество, у вас, очевидно, очень хорошие и мудрые учителя, поскольку и вы, при вашем относительно молодом возрасте, и поступаете, и говорите весьма мудро, достойно истинного правителя. Но хотел бы обратить ваше внимание на небольшой нюанс, на то, что наши знания, наука ведут к *фактическому* сознанию; религия, опыт, ведут к *ценностному* сознанию; философия, мудрость, ведет к *координированному* сознанию; Божественные откровения ведут к сознанию *истинной реальности*; координация сознания, которое отражает факты, ценности и истинную реальность, есть осознание реальности личности, максимальности бытия, вместе

с верой в возможность сохранения данной конкретной личности.

Знание ведет к разделению людей, порождая социальные слои и касты. Религия ведет к служению людям, создавая этику и альтруизм. Мудрость ведет к более высокому и успешному содружеству, как идей, так и людей. Божественные откровения освобождают людей, и помогает им встать на путь вечного подвига.

Наука классифицирует людей; религия любит людей – таких же, как мы; мудрость различает людей по достоинству; откровение прославляет человека и раскрывает его способность быть партнером Бога.

Наука тщетно пытается создать братство культуры; религия порождает братство духа. Философия стремится к братству мудрости; откровение отображает вечное братство – нашу вечную жизнь после смерти этой телесной плоти.

Предметом гордости знания является факт личности; мудрость есть осознание значения личности; религия есть опыт познания ценности личности; откровение есть уверенность в сохранении личности после смерти.

Наука указывает на Божество как *факт*; философия представляет *идею* Абсолюта; религия видит Бога как любящую *духовную личность*. Откровение подтверждает *единство* факта Божества, идеи Абсолюта и духовной личности Бога и, кроме того, представляет эту концепцию в качестве нашего Отца – всеобщего факта существования, вечной идеи

разума и бесконечного духа жизни.

Стремление к знанию есть наука; стремление к мудрости есть философия; любовь к Богу есть религия; жажда истины *есть* откровение. Однако именно наш внутренний Дух Божий соединяет в человеке чувство реальности с духовным постижением Бога.

В науке идея предшествует ее осознанному выражению; в религии опыт осознания предшествует выражению идеи. Существует огромное различие между эволюционной волей к вере и *волей, которая верит*, – творением просвещенного ума, религиозной проницательности и откровения.

В процессе эволюции религия часто ведет человека к созданию собственных представлений о Боге; откровение демонстрирует феномен Бога, развивающего самого человека, в то время как в земной жизни Христа Михаила мы видим феномен Бога, раскрывающего себя человеку. Эволюция стремится сделать Бога человекоподобным; откровение стремится сделать человека богоподобным.

Наука удовлетворяется только первопричинами, религия – верховной личностью, философия – единством. Откровение утверждает единство и благотворность всех трех. *Вечная реальность* есть благо вселенной, а не ложные временные представления о пространственном зле. В духовном опыте всех личностей извечна истина о том, что реальное является добром и что добро реально. Поэтому и нам надо смотреть на всех глазами Бога, т.е. через призму любви и всепроще-

ния. Но, разумеется, к тем, кто способен на покаяние.

– Сир, вы имеете духовный сан? Вы говорите, как наш главный раздатчик милостыни кардинал Пьер де Авалон. И ещё. Вы сказали Христос Михаил. Я привык слышать да и произносить Иисус Христос.

– Я понял вас, ваше Величество. Начну отвечать с первого вашего вопроса. При осаде одной из крепостей на севере России, а осада продолжалась без малого три месяца, мне приходилось, сознаюсь, чаще от скуки, общаться со старцем, который относил себя к школе Сифитов. Сиф – это один из сыновей Адама и Евы, о нём даже в Библии написано. Вы, ваше Величество, как истинный христианин, всегда носите с собой Библию, и можете в этом убедиться сами.

– Не стоит. По крайней мере, не сейчас. Продолжайте.

– Так вот, его проповедование достаточно сильно отличалось от того, чему нас учили на уроках Закона Божьего в лицее. Да, оно несколько отличалось от нашего православного учения, и, тем более, от вашего католицизма, превозносящее, в принципе правильно, сначала мирскую мать, а уж потом, как бы попутно, и само Божественное, что она выносила просто, как сосуд. Идеальный, но сосуд. И не надо в данном случае путать жертвенник и дары, возлагаемые на него. Здесь было наоборот – наполняемое освятило сосуд, держащий Его. Этот старец, всего прочего, рассказал нам, что имя Иисус было дано тленному, мирскому, из плоти и костей, телу еврейского мальчика. Бог есть Дух и наш глаз неспособен

увидеть Его, и человек никогда не сможет стать таким духовным, как Бог, поэтому Бог был вынужден настолько умалить, даже унижить себя, чтобы явить себя людям. А небесное Его имя Михаил. Разрешите, ваше Величество, всё-таки я найду это место в Откровениях. Вот, глава 12, стих 7 –

И произошла на небе война: Михаил и ангелы Его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них,

8. но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе.

9. И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый дьяволом и сатаной, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним.

Вот этот самый Бог Михаил и был после вынужден спуститься к нам, чтобы и на земле добить врага рода человеческого, и принеся в жертву своё тело, искупить наш род, и сказать, что кто по-прежнему чтит Его, как Бога и Творца, то и, тот, по-прежнему, остаётся Ему сыном, которого Он любит, и на котором Его благоволение до тысячного рода. Так написано. И ещё один нюанс, написано – обольщающий всю вселенную. То есть у нашего Бога не только наша земля, но есть и другие обитаемые миры, где люди так же живут, радуются и молятся.

– Ух, ты! А мы никогда ни с кардиналом, ни с моим духовником, ни с главой нашей придворной церкви не обращали на это внимание. Ведь это же написано в Библии, поэтому

это есть истина.

– Да, ваше Величество, но почему-то священники, получив приглашение обсудить это, начинают кричать, что это богохульство, происки дьявола, что я поддался влиянию дьявола. Всё это ложь. У меня возникают мысли, что это сами священники поддаются влиянию дьявола, поскольку так агрессивно отрицают написанное в Библии. Написанное там, как вы сами заметили, есть истина. И что крамольного в том, что я знаю, что Бога моей вселенной зовут Святой Михаил. Здесь Он был Иешуа бен Иосиф, там – Михаил.

– Вы сказали Бога вселенной?

– Да, именно так – Бога нашей вселенной. Иисус Христос на земле проповедовал евангелие Своего небесного Отца, который называет себя Я ЕСТЬ. Что странного в том, что Бог Отец подарил и поставил на правление Своего Единородного Возлюбленного Сына, одну из своих вселенных. Даже в Библии написано, что Он отдал Ему вселенную, и ключ ее есть Истина. А Истина, как мы знаем, есть наш Господь Иисус Христос.

– Правильно. Мне это говорил мой духовник, и про ключ я где-то читал.

Откуда-то сбоку послышался лёгкий перестук, словно вывели погулять пони, и вскоре к нам подошёл один из пажей.

– Сир, обед накрыт. Первый гофмейстер просит вас придти на трапезу. Ваш духовник тоже там.

– Передай – сейчас изволим прийти.

– Да, ваше Величество.

– Сир, – обратился Карл ко мне, – не соизволите отобедать с нами я представлю вас моему двору.

– О, сир, именно поэтому и в интересах внешней политики теперь уже моего, простите, государства, я вынужден отказать. Вы – политик и поймёте меня. Сейчас никто пока не знает о вашем Указе, но потом они начнут говорить – да это тот, который..., да он И так далее. Нет. Для них я должен стать загадкой, варягом, от которого не знаешь, чего можно ожидать. Да и предстать пред их ясными глазками я должен своими красными, кровавыми глазами деспота и тирана, чтобы меня не свергли в первую же неделю завистники, думающие, что свой рог изобилия вы должны были излить на него или на них, но не на какого-то пришлого из далёкой России, где медведи бегают по улицам. Это не просто политика, но ещё и способ выживания. Поэтому я пообедаю только в присутствии своих придворных.

– А вы привезли с собою и придворных? А почему же я их не видел?

– Сир, своим устным приказом я, вслед за вами, за верность своему королю произвёл их в различных обер и прочее мастеров, а прощя – в дворян.

– Согласен. После любого дворцового переворота надо более низких по происхождению возвышать и приближать, чтобы иметь у трона преданных людей. Хотя, как читаю в летописях, их преданность сохраняется лишь до второго поко-

ления, а точнее, пока не умрёт предок. Наследник этой милости воспринимает это уже как должное и начинает претендовать на большее, упирая на заслуги своих предков, при этом, самолично не совершив ничего. И тогда преданный становится предателем.

– Ёшкин кот. Простите, ваше Величество, это у нас так иногда выражаются, чтобы не сказать грубее. Вы в очередной раз поразили меня вашей, не погодам, мудростью.

– Сир, как вы сказали – это не просто политика, но и способ выживания. До встречи, сир. Буду рад продолжить наши увлекательные беседы.

– Аналогично, сир.

Обменявшись любезностями, мы пошли на, честно говоря, давно ожидаемый обед.

– Сир, ещё одна просьба.– Произнёс я.– Наши светские беседы – да, но не рассказывайте вашим священникам о наших теологических беседах. Вы, наверное, уже сами знаете, как чревато профессионалу что-то посоветовать. Священники не являются исключением, и мне не хотелось бы заранее настраивать против себя всё ваше духовенство, говоря, что я возомнил, не разбираясь, лезу туда, куда можно только посвящённым. Но мы, в день Пятидесятницы, были все покрыты Духом Истины Господа нашего Иисуса Христа, который ведёт, направляет нас на путь Истины. И, если они прочитали больше книжек, это не значит, что меня не может посетить откровение. Главное, как учил апостол Павел, надо све-

рять его с учение Христа. Гордыня не самый тяжёлый грех, но у некоторых священников он присутствует. Увы.

– Хорошо, сир. Тем более у меня самого уже были такие стычки по духовным вопросам.

– Хотя лезть с советами к воинам, обороняющим крепость, не зная характеристик пушек, не умея зарядить мушкет или пистоль, глупо и опасно.

– И здесь я вынужден согласиться с вами, сир.

– Благодарю вас, сир. Честь имею. Приятного вам аппетита.

Обменявшись лёгкими поклонами, мы разошлись, важные и величественные, словно две здоровенные каравеллы в узком проливе. Придворный этикет это не хухры-мухры. Собственно, я это уже говорил. Король со свитой питался в отдельной, специально для него благоустроенной комнате. Мы же засели в общем зале, где было довольно прилично, по сравнению с российскими кабаками. Впрочем, выпить и напиться любят везде, и это было, скорее, заслугой самого хозяина и его вышибал, проводивших фейсконтроль до и во время пития.

– Так, парни, – сказал я, когда был уже слегка навеселе, – как недавно сказал мне король, при любом дворцовом перевороте надо более низких по происхождению возвышать и приближать, дабы у короля были свои верные люди.

– Дык, мы, что ж, должны того...

– Нить. Ни в коем разе. Именно этого короля, точнее, и

этого короля в том числе, вы должны беречь и защищать. Даже, если муха, какая, зараза, косо глянет на него. Убить! Но, конечно, чтоб потом доказать её виновность. Ну, типа нож или хотя бы камень в её руке, в смысле в лапке. Поняли? В нашей игре кости выпадают пока только одними шестёрками. И мечет их пока король Карл Девятый. Пока. Но вскоре этот стакан будет в моих руках, и нельзя сбить этот фарт по собственной глупости. Поняли? Вы должны понять, что теперь вы не просто нищесборные вояки, а мои слуги, и я присматриваюсь к вам. А за усердие и верность получают благодарность. По делам вашим и получите. Чуть позже. Если я останусь живой. За это и выпьем. Ещё день-два можно будет напиваться, соблюдая благочинность, а потом запомните – пьяниц возле себя не потерплю, потому, как на них рассчитывать нельзя – рано или поздно, но подведут. Ладно, пейте, гуляйте, отдыхайте, пока есть время. Потом его у вас станет значительно меньше.

– Да, ничего, ваша милость, лишь бы денег платили побольше.

– Ну, побольше, чем сейчас, я вам обещаю. Пойду, погуляю, подумаю. За королём в полглаза присматривайте, а то вокруг него одни фазаны разряженные снуют. Совсем расслабились на халявных харчах, ёшкин кот.

Солнце клонилось к западу. Ещё не темнело, но какое-то ожидание висело в воздухе. Да и птицы уже не кричали, а лишь лениво сообщали о своём присутствии. Ветер на вре-

мя стих. Природа замерла, обалдев от своего величия. Наверное, эта тишина и помогла мне расслышать едва слышный шёпот. Я огляделся. Вокруг озера большое поле с мелкой, стриженной под расчёску, травой. Местами декоративно раскиданы молодые, а потому не толстые и не слишком высокие, деревья, не знакомой мне породы. И только в одном месте, шагах в двадцати от тропинки, было излишне, на фоне других, закущенное место. На этот момент я уже прошёл его, поэтому мне пришлось немного вернуться, и сделал я это осторожно. Опасно там было или наоборот, весьма пикантно, не знал, но попасть в неловкое положение или поставить кого-либо из-за своего любопытства, я не хотел. Шагов с пяти разглядел двух молодых богато одетых джентльменов. Пажи короля, подумалось мне, но что они там потеряли? Я чуть не спросил их об этом, но не успел, – они выпрямились и в руках одного из них я увидел взведённый арбалет.

– Что за хрень?! – чуть не сказал я, но удержался по причине своего культурного воспитания. Продлив прицельную дальность своего глаза, увидел, о Боже, короля, идущего в окружении свиты, по тропинке. И, если бы в окружении! Король, как и положено, важно вышагивал впереди, а свита, как и положено ей, раболепно трусила за ним, ловя каждое его слово, и пытаюсь уловить его шутку, чтобы вовремя засмеяться. Из свиты человек в пятнадцать, лишь человек пять-шесть были достойны, чтобы назвать их людьми, а не тварями дрожащими, как остальных. Бравые охранники – гвар-

дейцы короля, на вид довольно крепкие ребята, но отстали от этой толпы фазанов и попугаев чуть ли не на десять шагов. И впереди ни одной сволочи. Точнее, сволочи, числом две штуки были, а охранников – ни одного! Разжирели, коты подзаборные. Всех уволю. Но и я хорош – сам расслабился, военный называется, у самого ни сабли, ни пистолета – зря их, что ли изобрели чукчи для охоты на оленей. Король приближался, стрелки встали в боевую позицию, а я до сих пор не знал, что делать. Поднимать шум, кричать алярм, тревога, поздно, т.к. или меня, или короля, но пристрелят, расстояние уже никакое, не промахнёшься. И я сделал единственное, на что был способен. Два шага вперёд. Удар стопой под колено стрелку и удар по горлу наотмашь большим пальцем распрямлённой ладони другому. Стрела взмыла вверх, чуть не ранив заходящее солнце. Благо, оно было в другой стороне. Теперь можно, да и нужно было привлекать внимание стражи. И я заорал

– Убью, с...! За короля!– Как я закричал о короле, до сих пор не пойму. Видимо и во мне пока сидит это холопское чувство угодить да умаслить.

Дальше охранники уже клювом не щёлкали, а бросились исполнять свой служебный и рыцарский долг, т.к. многие из них были при весьма больших чинах и дворянских титулах. Из всей свиты, как я и предположил, бросились защищать короля только те шестеро, что сразу привлекли моё внимание. Остальные, непостижимым образом умудрились спря-

таться за худенькую спину субтильного паренька, работающего у них королём.

Как ни странно, но эти двое потенциальных убийца были также из свиты короля. Прислуживать такому королю и ещё изменять ему?! Ох, непогодам мудр король. Король, чтобы вы знали, одна из самых опасных профессий. Воюешь ты или нет, но всё равно тебя кто-то постоянно хочет сместить. Просто сместить короля нельзя. Остаётся единственный и самый проверенный способ – убить. А как убить – это не важно, это просто дело техники. Или яда. Наконец, охранники сообразили и, прикрыв своими телами, тело короля, увели его с опасной позиции под защиту стен постоянного двора. Вскоре ко мне в дверь постучал, а потом вошёл уже знакомый паж – какой-то там герцог чего-то. Он сказал, но я, по простоте своей душевной, и всего лишь по высокоблагородию прежнему, не запомнил. Оно мне надо? Но просьбу короля, почтить его своим вниманием, счёл нужным.

На входе в апартаменты короля толпилось человек десять дворян – лоботрясов, а непосредственно перед дверью – ещё четверо стражников в золотых кирасах с вензелями королевского двора. Сравнив эту свору с болотом, я, тем не менее, пронизал её гордо, как ледокол, раздвигая, распихивая, а пару раз и разбрасывая, этих уродов, и лишь в конце, перед стражей, один из них встал, загораживая мне путь. Я спокойно, с надменным взглядом, вживаясь в роль, не спеша, осмотрел его. Кираса из тончайшего чистого золота. Слева

вверху элегантно выдавлен меч, обсыпанный алмазами.

– Богатенький.– Равнодушно мысленно подумал я. – У меня тоже куры денег не клюют. По причине отсутствия этих кур. Да и денег тоже. – Но вслух произнёс – Чьих будешь, воин?

– Я главный Прево отеля короля герцог Олбани.– Паршивец, уел. Не добавил слово сэр, словно говорит с чернью. Что ж запомним. Культурные люди не запоминают обид, но я из военных, поэтому я запоминаю не обиды, а обидчиков. Королевство маленькое – пересечёмся.

– Что ж, то же неплохо. Передай Его Величеству, барон Владимир де ля Рашен собственной персоной и по его приглашению.

– Я предупредён и вас уже ждут,сэр.– Всё-таки добавил он, хоть и с паузой, что можно было выслушать серенаду. – Прошу. – Сказал он, распахивая дверь.

– Хорошо и запомни ЭТО. – Акцентировал я, зная, что он поймёт меня, как надо. Хамов всегда надо ставить на место, будь он хоть граф или алкаш простой. Если уж и горшки за королями убирают графы, то охранять короля надо заслужить и удостоиться чести. Да и я добавил, сам не ожидая, частичку ля. Она же говорит о принадлежности к королевской фамилии. Хотя почему? Я теперь и есть та самая королевская фамилия и король в одном лице.

Я вошёл чинно и благородно, как и подобает королю. По крайней мере, я старался.

Венценосный юноша, увидев меня, поднялся и бросился мне навстречу.

– Барон, как я рад видеть вас. Я давно уже жду вас, чтобы выразить вам свою королевскую благодарность. Вы уже второй раз спасаете мою жизнь.

– Э-э-э, ваше Величество.– Немного затупил я.

– Первый раз вы спасли меня и мою душу, когда я умирал от тоски одиночества и депрессии. И сейчас, снова вы спасаете уже моё тленное тело. А вы понимаете, что без души, как и без тела, человек существовать не может.

– Ваше Величество, жить – не может, а существовать? О, да сколько угодно. Откройте дверь и посмотрите наружу, там вы увидите таких не один десяток.

Король слегка нахмурил лоб, но потом по-детски, наивно улыбнулся.

– Вы очень часто бываете правы. С вами, сэр, трудно спорить. – Король опять, не погодая, оказался не просто мудрым, умным, но ещё и прекрасным актёром, играя со мною в простого барона и обычного светского собеседника. У этого малыша мне и самому есть чему поучиться.

– Да, сир, иногда и в головы военных залетают умные мысли. Главное, чтобы они там подольше оставались и о них могли узнать окружающие.

– Шутите, барон.

– Да, сир. И в каждой моей шутке есть доля шутки. Ведь у меня пока нет персонального какого-нибудь князя, герцо-

га или хотя бы виконта, записывающего за мной мой искромётный юмор и свежие мысли. А чуть задержал эти мысли в голове, так они начинают закисать, словно старый эль, бьют тебе по голове, а потом уже и ты по чьей-то. Таковы мы – простые вояки, которым кроме сражений, битв и моря крови ничего и не надо. Но зато уж своих королей мы защищаем не щадя своей, да и чужой жизни.

– Я рад, что в России такие преданные своей Родине дворяне.

– И не только Родине, но и другим достойным этого людям, сир.

– Познакомьтесь, барон. Мой главный распорядитель герцог де ля Рошель, мой кузен по дядюшке – французскому королю. Мой обер-камергер герцог де Кале. То же француз. О нём я вам уже говорил. И мой духовник кардинал де Пуатье. Да, тоже кардинал, как и наш раздатчик милостыни. Кардинал де Пуатье недавно был нашим главным маршалом, но принял сам и стал нашим духовником. Чем я очень доволен, т.к. он может ответить не только на духовные просьбы, но и высказаться и по светским вопросам.

– Рад познакомиться, ваше Высокопреосвященство.

– Можете называть меня ваше преподобие, сие, впрочем, неважно. Можете просто – падре. Мы все едины перед Богом, и незачем кичиться в мелочах.

– Вам, падре, было бы очень трудно у нас в России. У нас священники очень трепетно относятся к тому, что им дал не

Бог, но их церковный начальник. Вас бы посчитали за еретика и сослали куда-нибудь в Сибирь проповедовать медведям.

– Так у вас и такое служение есть?!

– А как же. Если нет прихожан, то проповедуют медведям.

Такая у нас страна. Мы аж сами иногда обалдеваем. Так и живём.

– К нам надолго, барон?

– Пока не определился. Путешествую, смотрю, иногда спасаю. Везде есть хорошие люди.

– Вы правы, сын мой. Возлюби ближнего своего.

– Полностью с вами согласен, падре. Извините, но мне так привычнее вас называть.

– Не стоит извиняться, тем более это я сам вам предложил.

– Барон, я надеюсь, мы с вами ещё увидимся?

– Непременно, ваше Величество. А сейчас, извините, я уже был на коне, когда ваш посыльный передал мне вашу просьбу, ваше пожелание увидеть меня, поэтому я вынужден откланяться. У меня деловая встреча и уже опаздываю к назначенному сроку.

– Барон! Это король!

– Ничего, ничего, герцог. Барон не является моим вассалом и вправе жить так, как ему заблагорассудится. Как, впрочем, и моим вассалам, когда они не заняты на службе короля.

– Благодарю вас, ваше Величество. Честь имею. До встречи. – И кивнув, как равному, вышел.

– Ну и нахал.– Успел услышать за спиной, судя по голосу, главного распорядителя.

– Да, я такой.– Мысленно похвалил я себя.– Иначе нельзя – должность не позволяет.

Сборы профессионального военного, ставшего полупрофессиональным путешественником, недолги. Закинув вещи на крытую телегу, что здесь называют кэбом, я, в сопровождении двух моих оставшихся телохранителей, отправился покорять столицу. Чтобы они не маячили перед глазами, пришлось купить им лошадей. Логично, охрана должна прикрывать снаружи, а не дрыхнуть вместе со мною на лавочке, к тому же жёсткой.

По моим подсчётам первый шок, а потом и ажиотаж после прочтения Указа в столице прошёл, кто-то пребывает в тихом трансе, кому-то всё по барабану, т.к. они прекрасно знают своё место у трона или недалеко от трона. А ласковый жеребёнок, как известно, может сосать сиську у двух матерей сразу. Короче, это уже их проблемы, а я – новоиспечённый король еду принимать эти тяжкие бразды правления. Раньше я был простым пенсионером, способным поехать хоть куда, хоть на рыбалку, хоть к теще, вглубь, в Саратов или ещё дальше, например, в провинциальный, глухой Коктебель, что на крымском побережье. А теперь я вынуж-

ден, и не буду, а уже, круглосуточно думать о делах и проблемах моего королевства, едрид ангидрид. Но, как сказал сир Карлуша, надо чтобы моё королевство хоть чем-то отличалось от его. Но чем? Может, покрасить всех коров в российский триколор? Неплохо, но это дополнительные траты, чего допускать на данном этапе становления моей власти нежелательно. Перемены нужны, но с минимальными денежными затратами. Такие, чтоб только бумажку написать и хватит. А Указ этот мой будет.. э-э-э... о переименовании королевства в царство. Точно. Придётся только переделать, стоп, печать осталась и останется у Карлуши, т.е. мне всё равно заказывать новую печать. Отлично. Вот, что значит, военная смекалка. Напишу Указ, и все махом из королевства переедут в царство. Сначала в моё – земное, а потом – в небесное. Главное, не оказаться таким правителем, у которого все подданные сбегут вновь в королевство. Хотя я и стал на пенсии гуманистом и либералом, но придётся таких, не желающих жить в моей гуманной и либеральной стране, нещадно казнить и вешать, до тех пор, пока у них не появится такое желание. Кстати, и перепись сразу сделаю, надо же знать с кого налоги взимаю, чтоб никто не уклонился от оказания уважения моему величеству в виде подати, налогов и прочего в денежном и натуральном выражении. Везде должен быть контроль, учёт и порядок. И ещё немецкая пунктуальность. Хотя и в предыдущих трёх пунктах германцы тоже являются для нас образцом для подражания. И, конечно, армия. Повы-

сить денежное содержание офицерам и солдатам, чтобы повысить их преданность мне, как Верховному Главнокомандующему, который поведёт их в бой. Чушь какая-то. Не в какой бой я их не поведу. Глупо. Давно уже прошли времена, когда короли водили за собой войска в бой и погибали там. Максимум, чего они добивались – это выигрывали бой, но войну так не выиграешь, т.к. в пылу боя не видишь, где тебе заходят во фланг, а то вообще и в тыл. Умный в гору не пойдёт, умный посыльного пошлёт. Короче, как в армии, военный порядок, военная дисциплина, а всех этих холуёв и лизоблюдов – в отхожее место. Щаз-з, в том-то и беда, что царство это тебе не казарма, и взял его ты не штурмом и приступом, а цивилизованным способом, вот и мучайся, как баба с коробом полным яиц. Нет, топтаться по яйцам – это как-то не по-мужски.

– Уважаемый, – прокричал я кучеру, с трудом высовываясь из узкого окна, – за сколько можно доскакать нам до столицы?

– Ваша милость, – радостно прокричал мне в ответ кучер, – дак, смотря, на чём ехать. Ежели, например, карьером скакать – то быстро, галопом – чуток помедленнее, вы ж, ваша милость, посмотрите на этих лошадок. Они, конечно, хорошие, могут долго скакать рысью. Могут, конечно, и карьером, но недолго, а потом издохнут, и придётся кэб толкать вашим людям аж до ближайшей деревушки, что примерно в пятнадцати милях отсюда. Но и там мы лошадей хороших не

купим, потому как дороги они больно. Их же, окаянных, из-за моря нам привозят. Не дай Бог издохнет – беда. Но у нас, слава Богу, войн нет. Мой кузен живет в Ливерпуле. Это Англия, может, вы слышали, ваша милость, так там, как война, так всех лошадей милорд забирает. Хоть караул кричи. Но им хорошо, к ним то норманны вторгнутся, то шведы, а они все на лошадях. А нам-то как быть? Вот так и выживаем, ваша милость.

– Да, когда норманны вторгаются, это, конечно, лучше.

– Война, конечно, то же не хорошо. Что и говорить. Вон, говорят, от французского короля зачасти к нам шпионы, все высматривают, расспрашивают, вынюхивают, денег дают.

– И чего же они хотят?

– Как чего, ваша милость? Это же понятно – завоевать нас хотят. Мы ж, сколько лет не воевали, а так не бывает. Люди должны гибнуть, чтобы нарождаться. Иначе наплодится нас, куда девать всех, как прокормить. То-то же. Войны, они ж не просто так, они со смыслом.

– Да уж. Со смыслом. Только каждый свой смысл в неё вкладывает. Так говоришь, война скоро будет.

– Да не-е, не будет. У нас же армии нет. Вы, ваша милость, приезжий, и видите, что у нас, акромя этих павлинов столичных никого и нет. А какие из них вояки. Их и курицы с моего двора заклюют. Это ж хорошо, просто придут французы, и солдаты дома грабить не будут. Нас же завоевать и ротой можно. Короля, конечно, жалко, казнят же. А как же

иначе – законная власть. Да и принцесса – опекунша ничего баба. Политикус. Так говорит мой сосед. Он умный, он служит при дворе стекольщиком, много знает.

Я не ответил. Откинулся на полумягкую спинку и задумался. Пошла баба продавать поросю, а тут волки. Из огня да в полымя. Королевича, однозначно, ликвидируют. Тут мужик прав. И меня ликвидируют. Теперь тоже и однозначно. Они же не будут воевать только с Карлушей, попросив прощения у меня за вынужденный шум от пушек. Да, вся мудрость рождается в глубинке, среди мужиков и не всегда эта мудрость достигает верха, иногда не успевает, как в данном случае. Хотя... у меня что, нет чувства гордости? Я ж русский человек. Офицер, наконец. И король, к тому же. Короче, как ни крути, а воевать и спасти Карлушу придётся. Да я и не против. Хоть что-то изменилось в моей жизни. Наверное, не зря я сюда приехал, не зря Господь меня сюда именно в это время подогнал. Значит, мне и флаг в руки, едрид ангидрид. А флаг, я всё-таки, прапору отдам, пускай держит, ему за это деньги платят. Хотя и отстреливают их на войне десятками. Селяви, как говорят мои нынешние враги – французы.

Я успел немного подремать, пока мы доехали до ближайшей остановки. Лошади тоже человеки и есть хотят, и пить,

и отдохнуть немного. В таверне при постоялом дворе было сильно накурено. Американская цивилизация добралась даже сюда. Нет бы, кофе начали выращивать или помидоры сажать, так выбрали самое паршивое, что можно. Ну, что за народ такой. Прямо, как русские. Только мы в темноте дважды наступаем на одни и те же грабли, лениво наклониться и убрать их. Только мы в голом поле умудряемся вляпаться ногой в свежую коровью лепёшку. Так, хватит хвалить себя и балдеть от собственной исключительности. Все задумываются над загадочной русской душой, не понимая, что вся эта загадочность, таинственность основаны на нашей российской расхлябанности, лени, разгильдяйстве. Не зря у нас и сказки про Емелю, с его волшебницей щукой, да старики с золотыми рыбками. А вот здесь и сейчас расхлябывать придется мне. И, если не расхлебаю, то казнят меня, а не ленивого Емелю. Вот как-то так. Матка Боска, что ж я, пень старый, не пользуюсь моментом и не провожу рекогносцировку местности. Врага надо бить на его территории или, в данном случае, на территории соседа. Только вопрос – осознаёт ли сосед степень угрозы или наивно ждёт своего палача? Скорее всего, второе. Идиотов всегда больше, а наивных идиотов ещё больше. Всё как в России. По крайней мере, и действовать надо, как в России – надеясь только на себя да на мужиков простых, которые и шпионов видят, и судьбу империи наперёд расскажут.

Мы прошли за занавес, где, как я понял, отгораживают

места для благородных. Почти сразу же к нам подбежал вихрастый пацанёнок в чисто стираном фартуке, что приятно меня удивило, т.к. вспомнились наши кабаки и прочие тошниловки, где мне приходилось прежде бывать и не раз.

– Что изволите заказать, ваша милость? Есть молодой запеченный поросёнок. У хозяина большой выбор вин. Ему привозят аж с самой Франции. Есть даже итальянские вина, но те подороже, но вы же благородный сэр, а благородные пьют только вино благородных.

– Ох, пострел. Небось, процент от продажи вина получаешь? Правильно, сейчас время такое. Феодализм канул в вечность. Ему на смену приходит буржуазия. Городской совет – всё, феодал – ничто. Эволюция прирастает цивилизацией. Тащи. Только не поросёнка. Там есть нечего – одни кости. Тащи гуся или утку, что там у вас и кувшин эля. Мы патриоты и едим только своё. А французское вино будешь предлагать французским солдатам, когда они придут сюда. Беги. Мы проголодались.

– Ваша милость, да кто ж их пустит сюда.– Засмеялся малыш и побежал на кухню.

– Да есть, кому пустить.– Прошептал я в ответ удручённо.– Двоих из них, надеюсь, уже пытаются. Да и сами французы – потомки галлов, что не раз надирали задницу знаменитым римским легионерам. Придут и не спросят, а будешь выкобениваться – просто пристрелят. Вот как-то так.

Сначала я почувствовал сногшибательный, слюнькипус-

кательный аромат свежее испечённой дичи, а следом за запахом показался типичный повар – толстячок в белоснежном колпаке и таком же фартуке.

– О-о!– Не выдержала моя душа, и я протянул к нему руки, требуя побыстрее этот шедевр кулинарного искусства.

Повар, увидев мою реакцию, расплылся в улыбке, а вместе с ним и его лицо, превращая всю физиономию в одну большую рукотворную картину счастья, которое иногда возникает у людей, видящих, что их труд оценён по достоинству, по их достоинству.

– Давай! Давай! Иначе я захлебнусь собственной слюной. С важностью, достойной первого гофмейстера, он поставил блюдо передо мною. Как голодные собаки что-то рычали мои сотрапезники, но чтя субординацию, подобно хорошо дрессированным волкодавам, ждали, пока хозяин не отломит себе первый кусок. Я не заставил их ждать ни секунды. Повар с чувством блаженства и умиротворения стоял напротив нас и с восторгом созерцал наше глумление над этикетом приёма пищи, но что есть лучшая оценка его мастерства. Когда мы блаженно откинулись на спинки стульев, я осознал, что мы только что втроём уничтожили гуся килограммов на пять и, к тому же, фаршированного голубями, которые, в свою очередь, были фаршированы грибами. И это не считая томатов, разрезанных пополам и засыпанных какой-то ароматной, слегка горчащей зеленью. На доньшке большого керамического блюда оставалась всего лишь небольшая лу-

жица мясного сока, которую промакивали кусками черного хлеба мои придворные. Опять же, подобно гофмейстеру, повар протянул мне, пускай не салфетку с вензелями, но большую влажную тряпку.

– Отменно. Давно я ел такой вкуснятинки. Да и ел ли вообще. Просто шедевр. Тебе, братец, во дворце служить надо, если и остальные блюда у тебя такие же вкусные. Хотя, нет. Опасно. Как только распробуют такую пищу, не будет отбоя от желающих. Уже будет не спокойный обед, а какая-то цыганская свадьба. Шучу. Гусь, действительно, был великолепен.

– Ваша милость, я их специально зерном откармливаю, не даю много двигаться, и они вырастают толстыми, жирными, сочными.

– Да, мясо буквально таяло во рту.

– Я старался, ваша милость.

– Я это заметил и оценил. Мне сказали, что такой гусь стоит три луидора, возьми десять. Ты заслужил их. А на счёт того, что ты достоин служить при дворе, я подумаю. Так, холодный эль унеси, а сделай нам горячего грога. Кочевники, когда объедятся бараниной, пьют горячий чай, чтобы не было заворота кишок. Нам тоже лучше не рисковать. Тем более мне и сейчас.

Поклонившись, повар убыл.

– Ну, как вам такой повар, если мы его потом вызовем к себе?

– Не, ваша милость, лучше не надо. Вы представляете, какими мы станем, если хотя бы полгода будем питаться у него? Да мы же на коня не сумеем взобраться. Да я уже год так не ел. Помню, чуть больше года проиграли мы сражение французам. Всё бы ничего. Но к ним на помощь подошло два полка германцев. Короче, разгромили нас подчистую. Убежали мы втроём. По дороге домой наткнулись на стадо овец. Пастух, понятно, ни в какую. Естественно, надавали ему по морде. Успокоился. Лежит. Утащили, в смысле унесли двух баранов. Ну, мы ж понимаем, что ему достанется. Мы что ж, не люди что ли. И вот тогда мы поели вволю. Почти, как сейчас. Не так, конечно. Там больше сырого или подгоревшего было, но главное – много.

– Да. Когда много – это хорошо.

– Эх, вы, рабы желудка. Монахи вон месяцами постятся и довольны.

– Хм. Пускай постятся, а мы это мясо за них есть будем, чтобы не пропадало.

– Всё это хорошо, но ехать надо. Генрих, вот деньги. Пускай в дорогу соберут мяса, хлеба, эля бурдюк. Сыр не бери. Его всухомятку не съешь. Лучше мяса побольше. Мы ждём тебя во дворе.

Бросив медную монетку пацанёнку на чай, мы медленно, как два беременных борова, выползли наружу. Солнце уже начало клониться к западу. Ещё немного и первые сумерки известят о приближении ночи. Надо торопиться. Если при-

нимать бой, то, скорее всего, где-то в этих местах. А потом уже только отступить на заранее не подготовленные позиции. А как их подготовишь, если это чужая территория.

Упаковавшись и усевшись, мы тронулись дальше. Я достал из саквояжа тетрадь, грифель и начал рисовать походную карту.

– Ваш милость! – окликнул меня один из моих людей.– Что делаете? Не пойму что-то.

– Карту рисую. И вы тоже запоминайте местность, как военные, с военной хитростью.

– А мы, что ж, воевать их пойдём?

– Да кто ж знает. Мы ж люди военные. Нам ко всему готовыми быть надо. Запоминайте покрепче, потом добавите, если что пропущу.

– Да я запросто. Я и молитвы быстро учу, и здесь запомним, если надо.

– Надо. Очень надо.

Когда уже относительно стемнело, кэб довольно круто свернул налево.

– Э! Я не понял. Куда едем? На постоя становиться не будем. Едем всю ночь.

– Нет, ваша милость, мы и едем. Просто здесь болотистая местность, колёса вязнут, а есть места, что и ямы попадают-

ся. Человек провалится и всё, не достать. Придётся объезжать, ваша милость. Вы уж не сердчайте.

– А как, если вправо объехать?

– Не, ваша милость. Вправо очень далеко. Эти места называют чёртовой пустошью, хотя какая пустошь, это ж болото скорее. Не. Да там и дороги-то нет. Себе дорожке выйдем. А здесь отличная дорога, мощённая булыжником. Немного трясёт, зато в яму не провалишься.

– Ясно. И как далеко объезжать?

– Да миль девяносто будет или побольше.

– Обожди. Так ведь наша дорога и так постоянно уходила влево, а тут вообще круто. Насколько же мы уйдём влево относительно деревни, откуда мы выехали?

– Дык, ваша милость, миль сто или сто пятьдесят будет.

Это точно.

– Так сто или сто пятьдесят?

– Наверное, всё-таки сто пятьдесят.

– Ничего себе. Я спросил тебя, старого хрыча, когда приедем, а ты мне голову задурил этими лошадьями. Так, когда же мы приедем в столицу теперь?!

– Завтра после обеда и будем.

– Не понял.

– Да вы, ваша милость, сами посмотрите. До поворота сто пятьдесят миль с хвостиком.

– Даже с хвостиком?

– Совсем маленьким. Там на постоялом дворе меняем ло-

шадей на свежих, и ещё миль сто двадцать в обратную сторону. А там уж и столица почти.

– Обожди. Если условно остров разделить пополам, то мы, получается, уже на другую половинку передем?

– Получается так, ваша милость. Но здесь ничего не поделаешь – земля наша такая. Раньше-то всё жесткое было, поля были просторные, а нынче хлябей много стало. Особо после того, как нас почти месяц у берегов Франции летом мотало. Много ям образовалось. И всё больше вдоль западного берега, что тёплым течение омывался. Я так понимаю, что под нами лёд, вот он и тает, получается. Видать и все мы скоро растаем. Не знаю, даст ли мне Господь дожить и умереть или на дно пойду, как пират какой. Всё в руках Господа.

– Это ты правильно подметил.

– Да это не я. Это так наш аббат говорит.

– За умным человеком и повторить не грех.

– Согласен, ваша милость, вот я и повторяю.

– Так когда, ты говоришь, мы выедем из постоянного двора?

– С рассветом. Здесь дорога из булыжника, а оттуда будет грунтовая. Хорошая, но грунтовая. Вот мы и выйдем пораньше, чтобы портовые мужики всю дорогу не заслонили. Оттуда же развилка и на портовые города. Оттуда всё везут – и пеньку, и зерно, и лошадей, и оружие для гвардии.

– А на востоке нет портов что ли?

– Да я ж говорю вам, ваша милость, там хляби, плохая

земля. Нельзя там порты строить.

– Странно. Тёплое течение на западе, а хляби на востоке.

– Это сейчас остров так повёрнут. А было время, остров аккурат наоборот был повёрнут. Меня ещё не было, дед рассказывал, налетел наш остров на мель возле берегов Гренландии. Всю зиму там прожили. Многие даже на охоту ездили на тот остров. Он же большой, не то, что наш. Там и животных диких много. Остались от викингов-переселенцев. Промёрзли там, говорят, хорошо. Видать это острову надо было. Потом в сильный шторм, что бушевал почти неделю, крутануло сильно и сняло с мели. Вот с тех пор и плаваем наоборот. Да нам-то, какая разница.

– Вам – да. А мне сосем наоборот.– Ответил я шёпотом.– Получается, я ненароком отписал себе все порты и вправе брать мзду за пользование, как портом, так и дорогами к ним. Что хозяину угодно? Вот только долго ли продлится моё диктаторство? Мало долбили их римляне. Расплодились опять. Места им новые подавай, новые владения. Щаз-з, разбежался. Я вам не Карлуша, и не эта старая дева – опекунша. Мы ещё подерёмся. Но чтобы стать лидером, за которым пойдут на бой, надо создать им стимул, лучше денежный, дать мечту, за которой должны пойти, а проклятые французы им помешают. Пообещать им землю? Но она вся у лордов. Попробуй, покусись на это и тебя свергнут в первые же сутки. Завоёвывать земли у Карлуши не буду. Я не сволочь. По крайней мере, пока. Да и повода нет. Пока. Хотя, если

опекунша окажется стервой, то... тут есть над чем подумать. Но думать о стерве до войны не успею. Судя по неудавшемуся покушению, вторжение уже близко, и неудача только немного отодвинула сроки. Хотя, кто знает. Машина вторжения уже запущена, войска собраны. А крупное войско нельзя долго держать без дела, да и экономически не выгодно, не прокормишь. Выгони его на территорию врага, и оно само себя прокормит. Получается... Получается, что надо сразу же открытым текстом объявить мобилизацию, подготовку позиций, которые надо ещё и найти. Чтобы прочувствовали обстановку, краски придётся сгустить. Или это, как раз, и окажется реальная обстановка. Плохо то, что они забыли, что такое война. Обычно даже у генералов начинается шапкозакидательное настроение. Поправим. Поможем. Снимем. Поставим. Своего добьёмся. Так и никак иначе. Должность обязывает. Вот как-то так.

За своими мыслями государственного значения, я незаметно для себя заснул.

Я проснулся оттого, что кто-то нахально и нудно тряс меня за плечо.

– Якорь тебе в глотку, как сказал бы мой дед, если бы он был корсаром. А, это ты Джон. Что тебе надо? Что ты пристал к человеку?

– Ваша милость, приехали. Вы пройдите на постоянный двор, там вашей милости уже приготовлена комната и постель.

– Уже? Быстро. Да, ты прав, в постели оно как-то приятней и привычней. Такое беспокойство приятно, хотя сон, наверняка перебьётся. Пошли, раз приехали. А Генрих где?

– Он с Жаком говорит. Мы только распрягли лошадей, а тут и Жак собственной персоной на коне. Приделся. Откуда только деньги взял.

– Да, может, сэра какого по дороге ограбил. Разбойникам тоже есть хочется.

– Не, ваша милость, он не такой. Он истинный христианин. Он не будет убивать кого-то из-за денег.

– Конечно. По-моему, и насколько я знаю, он последние пять лет только этим и занимается – никого не убивает.

– Ваша милость, я говорю, что не будет грабить ради денег.

– Ага, а деньги ему платили в армии, чтобы он ячмень на захваченной территории сеял. Или всё-таки убивал врага, захватывал земли и добычу. Это тот же разбой, только организованный королём, а то и просто каким-нибудь графом или бароном. Пошли, политик.

Зайдя в таверну при постоялом дворе, я понял, что заснуть мне в ближайший час – полтора не придётся. Под чутким и строгим руководством Генриха поварята заставили весь наш стол едой и закуской. Если кто не знает, то закуска –

это еда, которой заедают шнапс, ром, водку или хотя бы эль. Сказалась близость международного порта – овощи, фрукты и даже виноград.

– Молодец, уважил. Мой желудок уже как час урчит и ворчит, как престарелая училка в монастыре. К столу, господа. А где этот неуловимый Жак? Почему я его не вижу? Почему он до сих пор не предстал под светлые, отставить, грозные очи своего сюзерена? Разбаловались. Пороть надо. Жаль только, что уже поздно. Баронов и графьев не порют. Да. Им головы рубят.

Дверь в таверну распахнулась и Жак, словно только и ждал этих слов, вошел и с радостной улыбкой подошел ко мне. Ваша светлость, ваше поручение выполнено. Ваши покои в королевском дворце практически готовы, и к вашему приезду всё будет завершено.

– Добро. Только меня моя спальня беспокоит в последнюю очередь. Как насчёт выделения личного состава, армии и прочего? Как среагировали при дворе? Что слышно про сестричку короля? Какие новости?

– Если коротко, то всё нормально. Конечно, все вначале были в шоке. Когда они прочитали Указ, то минут десять стояла абсолютная тишина. Потом начали друг другу задавать всякие глупые вопросы, что, где, за что. Короче, хрень всякая пошла. Но тут вмешался какой-то священник и сказал – воля короля, как и воля Господа, не обсуждается. Все были вынуждены согласиться, тем более Указ зачитали при

всех, как вы и приказывали, и я настоял на этом.

– Молодец. Так, значит, ты говоришь, что четверть дворни передали мне. А что с дворцом? Как поделили здание?

– Дворец поделили поровну. В общих залах я приказал провести черту, чтоб чужаки к нам не заходили.

– В черновом варианте – правильно, но надо срочно сделать перегородки, покрасить, повесить гобеленами. Нет, они стоят очень дорого и их наверняка не хватит. Можно использовать картины. Покрасить и побольше картин, типа, я живопись люблю. Вот такие у меня причуды. Ты ещё не знаешь, но на короля было совершено покушение.

– Как же, ваша светлость, наслышан. Мало того весь двор знает, что именно вы спасли жизнь королю. Весьма своевременный поступок. Сначала многие с недоверием и даже презрением узнали об их переводе вам, но после покушения вы приобрели много поклонников, особенно среди дам.

– Вот это хорошо. Как известно, многие решения лорды принимают под давлением собственных жён. Это мне на руку. Главное, чтобы они не придумали, что это я организовал и сам же ликвидировал заговор.

– Нет, нет. Преступники уже дали показания и сказали, что внедрили во двор по приказу французского кардинала. Так что вы вне подозрений.

– Можно подумать, что и я не могу быть от него.

– Это я не подумал.

– Об этом подумают. Но чуть позже.

– Ваша светлость, а вы действительно приехали сюда по приказу французского кардинала?

– Типун тебе на язык. Нет, конечно. Я русский офицер, дворянин, а не какой-то там шпион. Тем более французский. Тем более, зачем французам начинать войну, если я уже получил полцарства, не сделав ни одного выстрела.

– А французы начинают войну с нами?!

– Увы, да. Причём весьма скоро. Так что времени у нас в обрез.

– А это-то, откуда вы знаете?

– Ты знаешь, что такое агентурная разведка?

– Разведка? Так вы всё-таки разведчик?

– Ёкарный бабай. Сколько тебе можно говорить – нет и ещё раз нет. Ещё раз засомневаешься во мне – повешу за оскорбления короля. Понял?

– Понял, ваше Величество. Так теперь вы король?

– Но об этом при дворе пока знать не должны. Пускай думают, что я простой, скажем, гроссграф. Так, по-моему, звучит должность, когда у графа в подчинение много графов. Не время сейчас противопоставлять себя баронам. На дворе война, и внутренние распри опасны. Сначала победим, потом всех построим, а, если понадобится, то и нагнём, как нам нужно будет. Да и чтобы отличаться от соседей, думаю назвать себя не королём, а царём. У меня на родине в России правят цари. Тоже ничего. Поэтому, ешь основательно и скачи в мои апартаменты. Пускай делят дворец, чтобы ни

одна французская сволочь не проникла или их шпион. Судя по всему, приеду только завтра к вечеру, посему часам к одиннадцати ночи собери всех генералов, командиров и придворных, что имеют отношение к подготовке войны. Ну, типа охотники, фуражиры, пионеры, так, кажется, называются здесь сапёры. Ты теперь не простой солдат, а мой придворный, поэтому думай. И если хочешь что-то сказать, тоже сначала подумай, потом ещё раз подумай и только после этого скажи. Когда отвечаешь не сразу – могут за умного принять. Смотри, меня не подведи и не опозорь. Солдатские привычки и словечки выкинь. Понял?

– Как не понять, ваше Величество.

– На людях называй меня Светлостью.

– Понял, ваше Величество.

– А теперь пошли есть, а то нас сейчас такими словами встретят, и не посмотрят, что я их Величество. Ох, пороть надо, но нельзя, но надо.

Жак полностью проникся ответственностью задания, т.к. среди ужина незаметно поднялся и по-английски, не попросившись, ушёл. Ужин был великолепный, хотя на фоне последнего, конечно, уступал. Как они сосредоточили такое большое количество хороших поваров на таком маленьком островке, оставалось для меня загадкой. И этот повар служит на моей территории. А это плюс.

В конце ужина к нам подошел хозяин постоянного двора.

– Господа желают расплатиться?

– Да, любезный.– С этими словами я бросил на стол мешочек с деньгами.– А теперь проводи меня в мою комнату. Поговорить хочу с тобою.

– Слушаюсь, ваша милость.

– Веди. Я здесь пока гость.

Следом за хозяином я поднялся к себе в номер. Стандартный набор гостиницы – кровать, два табурета и стол под окном. На столе – кувшин и глиняная кружка. Что ж, я пока не король. Хоть дэ юре – да, но дэ факто – увы.

– Присядь, любезный, не стой над душой. Скажи, ты знаешь о последних изменениях при дворе?

– Нет, ваша милость, никаких известий пока не поступало.

– А про покушение на короля ты слышал?

– На короля?! Вы имеете в виду короля Карла Девятого?

– А сколько королев здесь ты знаешь?

– Не может быть!? На короля! На этого мальчика? Кто же эти изверги?

– Как мне сейчас доложили – французы.

– Как французы? Мы же с ними в хороших отношениях.

– Мы – да. Они – нет. Мало того, в ближайшее время они начнут вторжение к нам на остров, и пройдут, как ты понимаешь, по этой дороге, через твой двор и твой дом. Ты понимаешь последствия, хотя бы лично для тебя?

– Ох, ваша милость....

– Можешь называть меня ваша Светлость. Так будет более

правильно. Но это ещё не всё. Уже три дня всё королевство разделено на две равные части. И в левую часть королевства, где мы с тобою сейчас находимся, уже назначен новый равно королевский правитель. Разговаривая со мною, ты можешь считать, что говоришь с твоим новым правителем. И я говорю с тобой его именем. Ты понял?

– Да, ваша Светлость.

– Через несколько дней сюда придут войска для организации обороны. Найди людей, которые хорошо знают местность. Сам в армии служил?

– Нет, ваша Светлость, не довелось.

– Ладно. Ты здесь на своём месте. Хороший организатор. Королевству такие люди тоже нужны. Но нужны и те, кто с оружием в руках будет защищать свою землю от захватчиков, которые разоряют и грабят, будут грабить нашу землю, наши дома.

– Я понимаю, ваша Светлость.

– Это хорошо. Заодно продумай вопросы по организации питания большого количества войск. Денег тебе дадут, ты, главное, вовремя подсуетись, чтобы всю живность с этой стороны переправили на ту. Ты понимаешь, о чём я?

– Конечно, ваша Светлость. Чтобы французам не досталась.

– Правильно. Не им, но нам. Предупреди всех, кто живёт на левой половине королевства. Правая половина, если не дураки, поймут сами. Армии нужны будут дрова, котлы,

еда, вода, лопаты, носилки и прочее, чтобы рыть редуты. Что сможешь заготовить – заготовь. Я тебя не забуду. Ты понял меня?

– Да, ваше Величество.

– Молодец. Ты, действительно, на своём месте. Как я уже сказал, я тебя не забуду. Потом. Когда война кончится. А она должна закончиться нашей победой. Иначе быть не должно. И ещё – здесь много французских шпионов и наших, за деньги продавшихся их. Ходи, слушай. Те, кто со мной за столом, и тот, что был, но уехал, мои преданные люди. В случае чего, обращай сразу к ним. Скажешь, я приказал. Вопросы есть? Нет. Хорошо. Иди, мне надо отдохнуть. К рассвету подготовь еды и хорошего вина нам в дорогу. Путь в столицу долог, сам понимаешь. Иди.

– Всё будет сделано, ваше Величество, и к утру, и вообще.

– Я в тебе не сомневаюсь.– Надо же дать хоть моральный стимул своим подданным. Не всё же время казнить, пороть и вешать. А то я уж больно разошёлся в последнее время.

Проснулся я от грохота грубых солдатских сапог. Прогромыхав и проскрипев досками, кто-то в нерешительности остановился за дверью.

– Джон, это тебя что ли опять принесла нелёгкая?

– Ваша Светлость, как вы узнали меня?– удивлённо спро-

сил он.

– Запах твоих портянок разбудил меня, когда ты только начал подниматься по лестнице.

– Э-э, ваша Светлость. Я спал на втором этаже вместе с Генрихом.

– Не понял, у вас с ним любовь что ли? Почему ты спишь с ним, а не со служанкой, какой хотя бы?

– Бог с вами, ваша Светлость. Скажете ещё. Это ж образное выражение. Нам хозяин поставил две кровати и даже принёс кувшин вина. Слабенького, правда, но дарёному коню в зубы не смотрят.

– Хозяин, говоришь? Молодец, даже здесь подсуетился и успел подумать, чтобы вы не мучились похмельем в дороге, и я потом не ругался. Напомни мне о нём потом как-нибудь. Надо же будет сказать ему спасибо.

– Так мы уже сказали ему спасибо.

– Ты не понял. То вы, а то – я. Короче, просто напомни. Лошади готовы.

– Да, ваша Светлость.

– Говори просто – сэр. Позавтракаем в дороге. Возьми еду и едем. У нас мало времени. Вечером я провожу совещание во дворце, а нам надо будет ещё переодеться. Не можем же мы явиться на совет такими оборванцами. Как думаешь?

– Да я, ваш милость, сэр, всегда готов. Конечно. Во дворце всё ж.

– Вот и я так думаю. Поехали.

Хозяин постоянного двора вышел проводить нас во двор, но я лишь издали кивнул ему, и он, опять же, молодец, не стал проявлять холопски – притворной любезности и подбострастия и сохранил моё инкогнито.

– Запоминайте местность. Здесь воевать уж точно будем. Я рисую, а вы запоминайте. Наверняка у них и карты точной нет, раззявы. Эй, кучер, постарайся нас доставить в столицу хотя бы не затемно.

– Постараюсь, ваша Светлость. Лошадей нам дали хороших. Хозяин двора распорядился. Доберёмся. Не беспокойтесь.

– Хм. И этот с Милости уже перешёл на Светлость. Вот что значит, простые мужики – узнают всё и сразу.

Наш кортеж отъехал всего лишь на пару миль от ночлега, как с юга потянуло сыростью, ветер погнал впереди себя пылевые тучи, а вскоре от горизонта до горизонта небо затянуло серым тяжёлым госпитальным матрасом, под которым было также грязно и противно. Небо опустилось до уровня верхушек и без того хилых деревьев. Было ощущение, что мы попали в пещеру, в которой, вдобавок, со всех сторон дули сквозняки. Дожда не было, но кое-где мелькали искры далёких молний, настолько далёких, что за шелестом колёс и цоканьем копыт вообще не было слышно рокота грома. С недовольной мордой своего лица я высунулся в окно.

– Ваша Светлость, давно такого не было. Повезло нашему острову – южанин подул.

– Ну и что? Не вижу повода к веселью.

– Как же, ваша Светлость, мы сейчас в открытом море, значит, нас понесёт аж до самых вечной ледниковой гряды. Будет холодно, но на земле затянется много ям, земля укрепится, реки станут полноводными. Это значит, что скотину можно будет пасти и на других лугах. Голода не будет. Для населения острова хорошо.

– А болота? Болота тоже затянет или они замёрзнут?

– Болота? А, болота, не-е. Хляби подтянет, что конь пройдёт, но телега завязнет. Но, если айсбергами зажмёт, то и болота могут замёрзнуть. Такое тоже бывало даже в мою бытность.

– Вот так сюрприз. – Прошептал я. – Это я еду до столицы почти триста миль, а французы пойдут всего сотню. Напрямую. И по земле Карлуши, советников которого ещё надо убедить в надвигающейся опасности. Надеюсь, в их тайной канцелярии есть трезвомыслящие люди. Хорошо хоть болота останутся, но левый фланг обнажён. А если они вообще высадутся на восточной стороне острова. Им и одного захудалого пирса хватит, чтобы высадить пехоту. Возможно, и лёгкую кавалерию. А вот артиллерию придётся тащить с юга. Интересно, большой замок у короля и как он укреплён? И Жака отослал, не спросишь. Ладно, французы хотели провести апперкот, а мы сделали пару шагов назад и набрали дистанцию. Если у них войско уже на кораблях, то это дело времени. Под парусом они нас догонят в два счёта. Да-а, и

выкатывай колоду для рубки мяса, в смысле королевских голов. Вот развлечений у черни появится.

Далеко на севере ещё немного потрепыхалась умирающая полоска солнечного света и, пару раз вздохнув, исчезла во мраке. Вскоре остановился и кэб. В форточку загляну кучер.

– Ваша Светлость, сейчас поедем. Я только на глаза лошадей мешочки надену и поедем. Ветер уж сильный больно, глаза лошадям запорошит, вообще встанем.

– Конечно, скотину надо жалеть, это мужиков бабы ещё нарожают, а лошадей с материка возят.

– Правильно, ваша Светлость, вот что, значит, учёный человек.

– Генрих! Джон! – прокричал я. – Завязывайте головы лошадям и давайте ко мне, пересидим немного непогоду и поедем. Да и кучера забирайте сюда.

Позаботившись о лошадях, все собрались в маленькой комнатке кэба.

– Ну, что сидим? Кого ждём? Не знаете, где лежат припасы? Доставай. Наливай. Насколько помню, я дал хозяину команду положить мне бутылку рома. Наши российские моряки иногда привозят его и подторговывают. У нас его нет, так покупают за хорошие деньги.

– Э, ваша Светлость, ром такая же гадость, как и всё. Нет ничего лучше, чем водка, настоящая на можжевельнике да туда ещё мёду чуть-чуть добавить. Сказка. А когда простынешь, так первое средство. Испытанное средство.

– Эх, сейчас бы грога или глинтвейна. Как представлю, что этот горячий комочек спускается по желудку вниз, согревая всё тело. А потом ещё и икнёшь травками. Красота.

– А я, помню, ещё юнгой ходил на военном корабле, пришли раз в Японию, а там купаются в огромных бочках.

– Нашёл чем удивить. Так и наш король купается.

– Да ну, брешешь.

– На кой мне. У нас в роте служил бывший камердинер короля, виконт. Болтал много, вот его и сослали на каторгу. Откупился, но попал в солдаты. Рядовым. Всё лучше, чем в рудниках.

– Повезло. Откупиться денег хватило.

– Да, повезло. Правда, его через полгода убило. Шальная пуля.

– Да, не повезло.

– Почему? Вжик и всё. Я помню, разорвалось ядро возле строя нашей роты, так мне так бок разодрало, что три месяца лечился. Рана ещё тогда загноилась. Короче, чуть не помер. А ты говоришь.

– Всё познаётся в сравнении.

– Э, господа придворные, скажу я вам, не знаете вы, что такое наша русская баня. Небольшая изба из брёвен. Печкой нагревают воздух – плюнешь, аж слюна кипит. На печке огромные камни раскалённые. Плеснёшь на них воды, а воде прежде настоишь трав, или пива хмельного, так этот пар по всей бане. Жжётся, как укус шмеля. В бане делают лежаки,

так на самом верхнем не выдержишь. Хотя есть и такие, что выдерживают. Посидишь в такой бане минут двадцать, а потом гольшом в снег. Вот это красота, я понимаю.

– Прямо в снег? Гольшом?

– Конечно. Не будешь же одеваться – раздеваться десять раз. А можно и в прорубь. Но туда я не рисковал. Мне снега вполне хватало.

– Я думал всё это враки. Ан, нет. А у нас можно такую баню построить?

– Конечно. Хоть я не видел здесь хороших деревьев, но можно и из досок сделать. А внутри желательно берёзой оббить.

– Да. С деревьями здесь тяжело – растут, а потом начинают чахнуть.

– Наверное, маленькая толщина грунта. У деревьев же корни глубоко под землю уходят, а у нас внизу лёд.

– Наверное. Но теперь мы можем даже брёвна на материке заказать. Главное от француза отбиться.

– А мы отобьёмся, ваша Светлость?

– В чём вопрос. Конечно. – Ответил я уверенным тоном с легкой усмешкой великого полководца. – А не отобьёмся – секир башка будет. – Добавил я мысленно. И мне что-то взгрустнулось. – Так, господа, у меня ночью запланировано срочное совещание. Вы, обормоты, всё равно отсыпаться будете или в пабе пиво пить, а мне государственные дела решать, а потом ещё их и делать. Я – спать, а вы – тихо жевать,

не чавкать, мне не мешать. Понятно? Сидим тихо, ждём пока ветер немного не утихнет, и в путь. Задача ясна? Выполнять.

Вытянув свои длинные ноги под лавку, попробовал обратиться в царство морфея. Может там получится вызнать планы коварных французов.

Есть очень удачно приобретённые привычки, несмотря на то, что были приобретены они в армии. Например, засыпать в любых условиях и в любой позе. Не прошло и пяти минут, как уже тихо посапывал, устроившись в уголочке. Сквозь сон я почувствовал, как меня заботливо укрыли одеялом, и совсем разомлел.

Но как же они любят будить меня не вовремя. Вот опять.

– Ва-ша Свет-ло-о-сть, подъём. Приехали. Просыпайтесь, ваша Светлость, мы уже около дворца.

– Уже? А ветер закончился?

– Нет. И, говорят, не закончится всю неделю, а потом течение нас оторвёт ото льдов и понесет назад.

– А куда?

– А кто ж знает, ваша милость. Может, один Господь и знает. Может, к Англии – матушке, а, может, и мимо протасит, аж до самых свеев. И такое бывало.– Вмешался в разговор кучер.

Распрашивать больше было не о чем, и мне пришлось

просыпаться.

– Нас ждут великие дела, ваше Величество.– С таким напутствием самому себе я вытащил себя из уютной каморки и потащился к себе во дворец. Не заблудиться бы в нём. Интересно, есть здесь дворецкий, чтобы сказать ему

– Проводи меня до спальни, голубчик.– Хотя и дворецкий здесь какой-нибудь виконт. Да ну и что. Я король – что хочу то и делаю. Мне всё можно. Сейчас как разозлюсь. Не успел.

Большие дворцовые двери распахнулись и на улицу вышли человек десять в белых париках, красивых расшитых золотом и серебром камзолах. На некоторых из них были разноцветные брюки, а на некоторых – высокие гольфы. Ещё бы я знал, кто есть, кто и почему так одеты по-разному! Всё как в России – те же попугаи. Но в России часть можно хотя бы в Сибирь сослать, а здесь куда? Карлуше в оппозицию? Придётся терпеть. Какая паршивая работа у царя.

– О, знакомые всё лица. Если не ошибаюсь, герцог де Кале?

– Не ошибаетесь, ваша Светлость. Король Карл, милостиво пожаловав вам половину королевства, попросил меня оказывать вам всяческую помощь и, если потребуется, советы. По любому вопросу.

– Весьма признателен Его величеству Карлу Девятому. Я не против, тогда ведите меня, знакомьте меня и со мною. Прошу. Как вы понимаете, я ещё не знаю куда идти. Пока.

По бокам дежурные улыбки и любопытные взгляды моих

новых подданных, с тревогой ожидающих, чего же ждать от этого русского из далёкой Московии, где зимой по улицам городов спокойно гуляют медведи. Да, вот такие мы – русские.

Мы вошли в холл, и пошли по анфиладе помещений, периодически проходя сквозь заранее открываемые ажурно украшенные двери. По ходу дела герцог указывал и называл отдельные помещения и комнаты.

– Герцог, будьте добры, скажите, чтобы всех военачальников собрали у меня в кабинете.

– Не беспокойтесь, ваша Светлость, все уже ожидают вас в вашем кабинете. Ваш человек Жак передал мне ваше распоряжение.

– Прекрасно. Тогда мне надо умыться с дороги, переодеться и я готов.

– Гардеробмейстер и портные ожидают возле вашей спальни, где уже находится подогретая вода для купания.

– Мне приятно, что характеристика короля Карла соответствует вам полностью. Вы умеете организовать и предугадать.

– За столько лет службы, ваша Светлость, и всё одно и то же. Люди редко меняют свои привычки, а элементарные физиологические потребности, так вообще неизменны. Да и низменны тоже.

– Согласен. Всё равно приятно.

– У меня служба такая, ваша Светлость.

– Герцог, называть меня постоянно ваша Светлость долго. Называйте меня просто – сэр. Точнее, сир.

– Но, ваша Светлость, сир относится к королевской категории, а на подаренной вам половине всего два герцогства, а графств ещё меньше, чем ...

– Знаю, знаю. Я знаю, что вы взяли за основу нормы французского короля Филиппа Красивого, где нормой являются четыре герцогства или шестнадцать графств. Знаю. Но я прибыл из Московии, а там у нас по-другому. А раз уж я ваш лорд, а вы мои вассалы, то и правила устанавливаю я. Тем более, мне сейчас нужна будет абсолютная власть. О причине этого узнаете чуть позже на совещании. Кстати, попробуйте найти хорошую, т.е. подробную карту острова. Она нам понадобится. Оберкамергер у меня есть?

– Да, сир. Вот он стоит у входа в вашу спальню. Рядом его камердинеры. Гардеробмейстер со слугою сейчас принесут ваше платье. На случай, если одежда немного не подойдёт, ваш портной на месте устранит недостатки. Разрешите представить вам вашего оберкамергера барона Дуглас, а вот подошёл и ваш гардеробмейстер виконт Стаффорд. Кстати, племянник самого лорда Стаффорда.

– Я не обращаю внимания на заслуги предков. Для меня главное, что из себя представляет сам человек, а не его дед или прабабушка. В дальнейшем представляйте только по фамилиям, без подробностей. Мне они не интересны. Пока.

– Я вас понял, сир. Прошу.

– Спасибо. Я вас не задерживаю. Встретимся в кабинете. Надеюсь, барон Дуглас меня проводит. Кстати, барон, судя по вашему взгляду и поджатым губам, я уже не попал в число ваших любимчиков? Ничего, главное, чтобы вы мне понравились, и мне не захотелось вас заменить на кого-либо. Даже, если я вам не понравился своею прямою, то не надо это так откровенно показывать выражением морды своего лица. По крайней мере, до тех пор, пока я ваш сюзерен. Вы должны лишь угодливо улыбаться мне и любому гостю, что приедет ко мне, или почтит меня своим присутствием. Я имею в виду короля Карла Девятого. – И не дожидаясь, пока он откроет мне дверь, я с силой распахнул её и вошёл в свою спальню.

– Это что? Здесь раньше спала младшая дочка короля? Что за цвета?! Разве настоящий мужчина, рыцарь может жить в таких размалёвочках, в таких цветах? Я вам не английский ублюдок, который больше охоч за молоденькими мальчиками, а не за воинскими подвигами!

– Но, ваша Светлость, это самая лучшая комната на этой половине дворца, и поэтому ваш главный распорядитель герцог де Кале распорядился подготовить её для вас. – Немного надменно ответил мне барон.

– Барон Дуглас, – ещё более надменным тоном произнёс я, – вы, если не изменяет мне память, назначены моим оберкамергером, т. е. ответственным за королевские апартаменты? Или вы хотите, чтобы я требовал выполнения этих обязанностей с виконта, отвечающего за портных, бельё и га-

лантерею? Если да, то скажите, и я сокращу вашу должность вместе с вами. За любой вопрос, за любой промах по вашей службе отвечаете лично вы. Вы, а не конюх. Вы или соглашаетесь и делаете, или объясняете, доказываете неправильность или вредность такого совета тому, кто вам это приказывает. А приказать вам могу только я – ваш сюзерен. Остальные имеют право только советовать или высказывать своё мнение. По крайней мере, теперь так будет. Считаю, инцидент исчерпан. Я не знал вас, а вы не знали моих требований. Теперь вы их знаете. Господа, вы свободны. Ожидайте меня в моём кабинете. Виконт и портной ожидайте меня вон за тем столиком. Остальные свободны. Купать меня не надо. Я ещё не такой дряхлый старик, а на бывшие до меня ритуалы мне... не интересны. В России говорят – новая метла и метёт по-новому. Свободны.

Я подождал, когда эта куча придворных, камердинеров и прочей челяди покинет комнату, после это спокойно, с предвкушением окунания в тёплую воду, разделся и погрузился в огромную, как и мечтали мои преданные придворные, бочку. Я не ошибся в своих ожиданиях. В меру горячая вода, вот что значит обслуживать короля, лёгкий расслабляющий аромат трав и небольшая табуреточка на дне, это как раз то, что мне и надо было. С умилением и умиротворением прикрыл глаза. Так бы и лежал бесконечно, но это треклятое постоянное чувство ответственности всегда держит меня в напряжении. Так и стресс заработать недолго. А мне это надо?

Через силу заставил себя понежиться пару лишних минут и начал интенсивно натирать себя какой-то маслянистой тряпкой. Потом, отшвырнув её в сторону, смыл всё с себя просто руками. Ох уж эти мне аглицкие штучки. В чистом теле – здоровый дух и это правильно.

– Так, кто здесь хочет меня одеть? – Проговорил я, вылезая из бочки.– Давай твои тряпки, что ли. Не май месяц на дворе. – Проворчал я, вытираясь огромным бархатным полотенцем.– Кто вытирается таким? В следующий раз дай что-нибудь попроще, типа льняного или тонкого полотна. Это совсем воду не впитывает. Так, покажи сначала издали, что мне натягивать придётся, может, пугалом выглядеть буду.

– Что вы, ваша Светлость, это камзол по самой последней моде. А размер ваш нам подсказал сэр Иоанн.

– Да вроде бы ничего. Давай, показывай, как туда слезать. Облачившись с помощью портного и виконта в этот последний крик моды, подошёл к зеркалу у стены. На меня смотрел высокий, представительный немного смазливый, но в меру, джентльмен.

– Неплохо. Вышивка ручная?

– Конечно, ваша Светлость. Это единственный экземпляр и специально для вас.

– Ага, прям так за сутки моей езды успели и камзол сшить, и вышивку сделать.

– Ваша Светлость,

– Я, – перебил его, – такой же полновластный сюзерен, как

и король Карл Девятый. И земель у меня ровно столько же. Поэтому называй меня просто – сир. Продолжай.

– Сир, я меня, как уважающего себя портного, конечно же, имеется запас уже пошитых камзолов. Нам оставалось лишь сделать вышивку и подогнать по фигуре, если оно вам не подойдёт.

– Уговорил. Мне нравится. Как со стороны?

– Отлично, сир.– Произнёс виконт.

– Это со стороны восторженных зрителей. Их мнение понятно, а что скажет профессионал? Все подогнано? Всё на месте?

– Да, сир. Я доволен результатом моей работы.

– Отлично, что наши мнения совпали.

– Виконт, банщик, что налил мне воду и портной – это первые люди, что доставили мне удовольствие, найдите способ поощрить их за старание и заботу о короле. Я знаю, что это их работа и обязанность, но пусть и начало моего пребывания здесь, начнётся с приятного для кого-либо. Ведите, виконт, меня в кабинет, нас ждут великие дела.

Как ни странно показалось для меня, но мы прошли через пару смежных комнат и поднялись на второй этаж, ступая по толстой меховой дорожке кроваво-красного цвета. По бокам лестницы на первом этаже по оригинальному замыс-

ду расположились небольшие приподнимающиеся львы, из белого гранита, а на втором этаже – аналогично, уже стоящие и встречающие гостей своими разинутыми пастьями, с вкрапленными туда клыками из красного гранита. Смотрелось эффектно и красиво.

– Виконт, а цвет дорожки, наверное, специально подбирали, чтобы часто не менять после дворцовых переворотов и убийства, при этом, королей – неудачников?

– Что вы, сир. О дворцовых переворотах наши придворные знают лишь из французских романов.

– Понятно.

У входа в мой кабинет, по бокам двери, стояли два рослых гвардейца, а паре шагов ближе, – ещё более рослый и могучий офицер в красивом красном камзоле, расшитом золотистыми львами, стоящими на задних лапах.

– Сир, ваш главный Прево отеля маркиз Истмен.

Как и положено грозному сюзерену, я небрежно кивнул и внимательно осмотрел вначале его, а потом и его солдат.

– Сколько у вас подчинённых, маркиз?

– Во дворце пятьдесят четыре, ваша Светлость, простите, сир. А всего – ровно пять тысяч рядовых, ротмистров и унтер офицерских чинов, триста офицеров, два полковника и шесть гвардейских капитанов при дворе, сир.

– Мало. А впрочем, это только королевская гвардия. У нас же есть ещё и армия, а, возможно, и флот.

– Нет, сир, военного флота у нас вообще нет. И не было.

– Плохо. Ладно, пошли.

По команде солдаты распахнули передо мною двери и тут же, но сразу за дверью, прозвучало

– Сир Владимир Первый де ля Рашен!

– Вольно. Садись. – Ответил я больше по привычке.

Но все остались стоять. Правильно, я же никого ещё не привилегировал своей милостью сидеть в моём присутствии. Пускай стоят. Надо чтобы сразу почувствовали, кто в доме хозяин, тем более, в таком здоровом. Я прошёл сквозь кабинет я занял моё кресло. И никак иначе.

– Герцог? – Обратился я к своему распорядителю, намекая ему, что уже можно и нужно начать представлять мне собранных и собравшихся.

– Сир, по вашему приказу я собрал всех, кто тем или иным образом может влиять на обороноспособность нашей страны. Разрешите представить вам раздатчика милостыни, главу нашей дворцовой церкви кардинала Йоркширского. Обершталмейстер маркиз де Тре.

– Француз? – Сразу же спросил я.

– Настолько далёкий, сир, что я даже не знаю языка своих предков.

– А как к ним относитесь?

– Только дальним родством, сир. А так, что саксы, что бритты, что галлы – мне всё равно, сир.

– Дальше.

– Ваш главный сокольничий граф Хорст. И, наконец, ваш

коннетэбль барон Смит.

– Хорошо. Господа, как говорят у нас в России, сэры, джентльмены, я был вынужден вас вызвать столь срочно, потому что вопросы государственной безопасности должны стоять всегда превыше всего и, тем более, превыше собственных интересов. Наверное, вы слышали о покушении на короля Карла, возможно, вам, как и мне, уже доложили, что покушавшиеся были присланы кардиналом Франции. Слава Богу, покушение не удалось, но угроза с устранением исполнителей не исчезла. Мало того, из источников, пользующихся доверием, стало известно, что устранение короля лишь первый этап экспансии, которое должно было привести к сумятице, неуверенности в наших рядах, возможно, к борьбе за трон. Французские войска или уже начали грузиться на корабли, или сделают это в ближайшее время. И хотя мы несколько отдаляемся от берегов Франции, но для опытных мореплавателей, а таковыми французы являются однозначно, ветер в шесть – семь баллов не преграда. Хуже того, судя по постоянно меняющему своё местоположение солнцу, нас при движении ещё и вращает вокруг своей оси. Мы даже не можем предположить, куда и где причалит противник к нашей земле. Наша армия не воевала. Офицеры не имеют опыта боевых действий. Я видел солдат, вооружённых фитильными ружьями, которыми воевали ещё лет двести назад. У нас хотя бы пушки есть? Нет смысла вам напоминать, что захватнические войны имеют и экономические цели. Поми-

мо корыстных, конечно. Сюда придут новые графы, новые лорды. Им нужны будут новые земли. Вы – владельцы этих земель, в их картинку не вписываетесь, т.е. вас, вместе со мной, однозначно, ликвидируют. Не сошлют, а убьют, чтобы устранить возможный источник угрозы в будущем. Я думаю, вам это понятно. Герцог, что у нас с картой? Расстелите её на столе. Коннетебль, вы, как глава всех наших вооружённых сил, расскажите, что мы имеем, и чем это вооружено.

– Сир, в состав наших войск входят два полка мушкетёров, три полка фузилёров и два гусарских эскадрона, а также восемьдесят пушек.

– Понятно. Каково табельное вооружение полка?

– Пехотных ружей – 1200 шт., шпаг – 1200 шт., пистолетов – 72 пары или 144 шт., пик или копий – 144 шт., алебард – 8 шт.

– Так, обычный табель. Понятно. Что вы имеете в виду под пехотными ружьям – фитильные или кремниевые?

– Фитильные, сир, у нас имеют только королевские гвардейцы – мушкетёры, т.к. на них, в смысле на мушкетах, королевские вензеля и предполагается, что им придётся стрелять лишь, в крайнем случае. Воевать у нас будут солдаты.

– Понятно – бутафория. Стрелять-то они умеют? Когда стреляли последний раз? Не понял? Почему прячем глаза? Ну, хоть раз-то они стреляли? Умеют хотя бы заряжать?

– Сир, заряжать умеют. Но стреляют только когда берутся на службу и всё.

– Доннер вэтэр. Маркиз, вы считает это нормальным?

– Сир, но так было заведено до меня!

– Мальчишка! Папенькин сынок! Или чей ты там родственник? В мирное время я сослал бы тебя в Сибирь. Не исправишь положение, так и поступлю. Позор! Весь двор сидел под юбкой какой-то бабы.

– Сир, это наша...

– Молчать! Повторяю, какой-то бабы, которая по своему статусу женщины не может и не должна заниматься вопросами обороны, подготовки войск и его вооружением. Маркиз, вы на уровне ребёнка, но не мужчины, рыцаря, на что вы, очевидно, претендуете. И не надо так смотреть на своего сюзерена. Вы, наверное, уже поняли, что я не Карл, я немного резче и жёстче. А если недовольны, то я, ссылаясь на начало войны, прикажу вас казнить. Что было, то было и есть. Наша задача – выявить все наши слабые места и успеть их устранить. Нечего обижаться, как леди, которой корова на ногу наваляла. Сами виноваты. Проехали. Теперь армия. С мушкетерами ясно – калибр у них 22,8 мм., длина ствола – 115,6 мм., плюс мушкетный нож – багинет, сошка для стрельбы, а у фузилёров что?

– Обычные ружья с кремниевым замком, калибр 0,8 дюйма.

– Стоп. Это у нас ... да, те же 22,8 мм. Я попрошу, учитывая, что я из России, по – возможности, переводить всё в десятичную систему измерения. Тем более, все более совре-

менные армии живут десятичными числами. Продолжайте.

– Длина ствола будет 118 см., примерно.

– Понятно, практически те же мушкеты. Сколько лет этим ружьям?

– Э-э, больше десяти лет, сир, скорее – пятнадцать.

– При сроке службы – 10 лет. Понятно. У половины ружей вмятины на стволах и при стрельбе они будут наносить ущерб своей армии, помогая врагу. Хотя, если точнее, врагу помогает тот, кто допустил это, кто довёл свою армию до такого состояния. Барон Смит, я прикажу принести десяток ружей, и вы выстрелите из всех. А потом мы посмотрим на ваше холёное лицо и ухоженные руки. Я не слышал о штуцерах.

– Сир, в каждом батальоне имеется один охотник, вооружённый штуцером.

– И всё! И а армии больше нет ни одного штуцера!?

– Нет, сир, у меня в обозе ещё 20 штук имеется.

– Ну, хоть что-то. Граф Хорст, вы у нас распорядитель волчьей охоты, поручаю вам и главному егермейстеру набрать среди местных охотников ещё двадцать, нет – двадцать пять, чтобы с запасом, хороших стрелков. У вас есть такие?

– Да, сир, у нас достаточно охотников на бекасов – это наиболее подготовленные охотники. Мы их называем снайперами.

– Снайпер? Нормально. Коротко и понятно. Барон Смит, скажите мне дальность стрельбы из фузеи и штуцера?

– Из фузеи, сир, до ста шагов, а из штуцера – триста.

– Запомните, барон, что вам скажет боевой офицер. В связи с тем, что на ружьях имеется только мушка на конце ствола, прицелиться точно из него не возможно, поэтому при стрельбе из российского ружья на расстоянии 75 метров и процент попадания только 75%, а из австрийского – вообще только 46%. Только! Поэтому мы и стреляем сразу полутоннами, а батальон – перекатами полутоннов. А штуцер, калибр 15,24 мм., 8-ми гранный с нарезным каналом, имеет и целик, и мушку, длиной в 114 см., бьёт, поэтому, достаточно метко на 300 шагов, а, если противник стоит скученно, то и на 400 шагов. Я думаю, барон, вы найдёте правильное применение этой полутонге снайперов. Да, для подвижности посадите наших штуцерных солдат на лошадей и для самообороны обеспечьте пистолетами и палашами. Кстати, что с вооружением кавалерии? Что у нас плохого?

– Сир, по установленному обычаю, наш эскадрон состоим из трёхсот всадников. Вооружены ружьями, палашами и пиками.

– Понятно.

– Что у нас с запасами вооружения?

– Палашами, саблями, пиками может вооружить ещё пару эскадронов. Новых ружей около пятисот штук. Пистолетов – тысячи две или больше.

– Не густо. Значит так, у кавалерии ружья забрать и отдать пехоте. Взамен выдать по два пистолета. Они у вас с ко-

лёсиковым замков, я видел. Это то, что им надо. Пистолеты, пика и в ближнем бою – сабля. Нормально. Новые ружья выдать тем, кто уже привык к ношею оружия. Поставить под ружьё горожан. Барон, сделайте расчёты что есть, что получите и сколько надо, включая людей. Завтра я должен написать Указ о мобилизации. Понятно? Герцог де Кале, возьмите этот вопрос под контроль и принесите мне на подпись не позднее завтрашнего обеда. Дальше. Карта. Так, вижу, остров наш называется Хатайленд. Неплохо. Норд – ост – зюйд – вест. Понятно. Так? Я не вижу, когда вносились изменения в карту и на карте. Барон Смит, маркиз Истмен, как же предполагали воевать, вывозить Его Величество, если у вас нет карты? Даже на земле туманного Альбиона за десять лет вырастет на пустыре целый лес! А у нас то потепление у материка, то похолодание. Вы уверены, везя меня по дороге, что я не провалюсь в яму или в какой-нибудь овраг, что проделал ручей за десять лет? Или мне теперь постоянно посылать вас обоих впереди моей кареты?

– Сир...

– Молчать! Главный Прево отеля короля, мне кажется, нам уже надо построить помост на дворцовой площади, в сторонке, установить там плаху и держать неподалёку палача, чтобы он казнил быстренько, пока я не передумал. А? Не пора? Согласен, баронов и даже виконтов вешать как-то не престижно – дворяне! А отрубить голову – нормально. Это даже честь. Как же, положить голову на плаху, на ко-

торуую вскоре положат и голову короля, почётно. Ещё как. Но, прежде чем на неё положат мою голову и голову короля Карла, я наложу туда ваших голов. Доннер вэтэр, что за подчинённые. Короче, даю вам обоим срок неделю. Высылайте топографов во все стороны. Найти и нанести на карту все болота, ямы, овраги, берега, особенно, где можно высадить лошадей и артиллерию. Барон Смит, подготовьте приказ о создании при вашем главном штабе отдела по выполнению секретных военных приказов. Отберите с десятков толковых офицеров и придайте им полутонгу солдат. Всем ходить в гражданском платье. Зашлете офицеров и на территорию соседей. Кстати, герцог де Кале, подготовьте мой Указ о переименовании нашего государства в Вестленд – Западная земля. А наши соседи, соответственно, будут Остленд или Истленд, как они пожелают. Они об этом ещё не знают, но это их проблема. Описать все дороги и побережье и там тоже. Ещё, поговорите с кардиналом, у него есть свои люди за проливом, пускай поможет вам советом, хотя бы. И последнее на сегодня, герцог, подготовьте ещё один мой Указ о запрещении ношения на территории королевства Вестленд моими подданными париков. Да! Плевать я хотел на ваши ритуалы и обычаи. Нечего мне разводить в королевстве блох, вшей, гнид и прочую живность. Запрещаю! Ввести в армии и гвардии обязательную помывку солдат и офицеров раз в десять дней. Командирам следить за этим неукоснительно. Буду проверять. И буду снимать, разжаловать в солдаты. Из

унтер – офицеров всегда можно найти толковых младших офицеров. На сегодня хватит. Все вопросы в письменном виде. Свободны, господа.

– А вас, герцог де Кале, я попрошу задержаться. Герцог, война войною, но еда по расписанию, как говорят в армии. Шучу. Хотя в каждой моей шутке есть доля шутки. Я пока не знаком и не вижу моего, как бы ни ошибиться, первого гофмейстера. Он же отвечает за внутреннее состояние дворца и, в том числе, за мою трапезу.

– Вы правы, сир.

– Ну? Ну?

– Я понял, сир. Сейчас я передам вашему гофмейстеру на смене, что вы освободились и желаете кушать.

– Именно. И пригласите ко мне на трапезу кардинала Йоркширского.

– Хорошо, сир.

– И ещё секундочку. Состыкуйтесь с бароном Смитом и скажите ему, что начальником отдела по выполнению секретных военных приказов я назначаю виконта Шерлока. Ему придётся решать вопросы важные, а с виконтом особо не церемонятся, поэтому, добавочно, Указ о переводе виконта Шерлока из виконтов в бароне. Именно так. И плевать, что он безземельный. Пока. Если и дальше так пойдёт, то земель

бесхозных будет много. Кушать я изволю в кабинете. Это не для барона, а для гофмейстера и кардинала. На барона я сердит. – Кивнув, я отпустил его.

Карты – это моё любимое развлечение, особенно – топографические. Я внимательно всматривался в значки и обозначения, которые уже в ближайшее будущее станут театром боевых действий. Раздался стук.

– Ваше Величество, разрешите? – робко спросил камергер – юнкер.

– Называй меня сир. Принёс поесть? Так заходи. С этим вопросом не стесняются.

Камергер – юнкер поклонился и пропусти вперед двух юнкеров с подносами. На одном стоял пузатый кувшин и два больших, покрытых белой глазурью, стакана. Для меня и кардинала, как я догадался. Третий лишний и пить не будет. Молодцы. На втором подносе – чаша с виноградом и яблоками, рядом блюдо с сыром и хлебом. Не густо.

– Не понял? Это и всё?

– Сир, это в ожидании основной трапезы, для выработки живительных соков. Так учит нас наш, простите, сир, ваш медикус.

– Ладно, уговорил, ставь. Чем сухой сыр, так уж лучше мяска бы накидали. Из сыра я люблю бутерброд делать с маслом и хлебом. Но к нему нужен горячий чай, а не вино, опять же. Разберёмся.

Вновь приоткрылась дверь, капитан гвардейской стражи

громко произнёс

– Сир, к вам кардинал Йоркширский.

– Зови.

Капитан отошёл в сторону, и в дверь вошёл высокий, статный мужчина в бархатном тёмно-красном одеянии и с лицом российского старца, что так сильно отличаются ликом от местных аборигенов. Уже одно это мне сильно понравилось.

– О, ваше Высокопреподобие, раздатчик милостыни! – Улыбнулся я и протянул к нему руки, чем, возможно, и нарушил этикет, но мне всё можно, – я же сюзерен. – Проходите, кардинал. Как к вам лучше и привычнее обращаться? Я только знакомлюсь с королевством и не хочу менять то, что уже устоялось, и не противоречит моему духу. Проходите, присаживайтесь, где вам удобнее, а, может, привычнее.

– Спасибо, сир, здесь нет моего привычного места, потому как, во-первых, с королём Карлом Девятым общался его духовник и глава придворной церкви, а не я. Я до сего времени отвечал всего лишь за церковную переписку и архив.

– Хм. Мне кажется, от того, как и что будет написано в письме, во многом зависят отношения, особенно, людей общающихся только при помощи писем. А архив, так это же вообще здорово. Тем более, церковный. Насколько я знаю, церковь всегда изымала из мира все ценные и редкие рукописи. Только у вас можно найти древние фолианты и артефакты. Хотел бы я немного поработать на вашем месте, но некогда, – дела.

– А в общении, сир, я не буду против, если вы скажете Падре или, опять же, кардинал. Простое обращение к священнослужителю у нас приветствуется, подчёркивая отсутствие гордыни. А к членам паствы мы обращаемся – сын мой.

– Хм. Если скромность украшает, то это уже не скромность. Падре – это, по-моему, по латыни будет отец. А вы в ответ сын мой. Скромно. Особенно, если вспомнить Новый Завет, где Господь наш обращался к своему Отцу, а Он, в ответ, говорил – Сын Мой возлюбленный, и пару раз добавил – на Нём Моё благоволение. И, называя вас отец, я непроизвольно ощущаю себя, нет, конечно, не Христом Господом, но где-то рядом, а вас, соответственно, ... ну, вы понимаете.

– Сын мой, всё намного проще. У нас же отношения схожи. Все мы – дети Божьи, как и учил нас Учитель в своих проповедях. Ведь в Библии написано, что, если сын попросит у отца хлеба, то не получит в ответ на свою просьбу змею или камень, а уж тем более небесный Отец проявит заботу и любовь к нам. А вас, кстати, дети есть?

– Да. Но они далеко – в России. Согласен. Против Падре ничего против не имею. Простите.

– Бог простит, сир.

– Эй, капитан!– Прокричал я.– Там не видно этих с подносами? Или они там пробу снимают с королевского стола? Сколько можно ждать!

– Сир, – важно произнёс капитан,– юнкера ждали, пока вы не откушаете сыр и не выпьете вина для аппетита.

– Королевский этикет, короче? Понял. Считаю, откушал и выпил, тащи поесть, а то мы с его Высокопреосвященством уже оголодали.

Обе половинки дверей распахнулись и в кабинет величественно вошли сменный гофмейстер и пятеро юнкеров. На столе появились новый кувшин с вином, блюда с дичью, с поросёнком и миска с холодцом. Гофмейстер с королевской помпой положил рядом со мною салфетку, расшитую королевскими вензелями, а на неё положил ложку и два ножа, разные по длине.

– Приятного аппетита, сир.– Мне оставалось лишь милостиво кивнуть в знак благодарности. Как правильно должен поступать король, я пока не знал. Когда гофмейстер закрыл за собою дверь, я продолжил

– Падре, церковь всегда была наиболее информирована о состоянии дел в государстве и о положении дел при дворе. Я думаю, вы уже знаете, что Франция готовится к вторжению на наши земли.

– Да, сир, но скажу прямо, мне не очень верится в это, но результаты допроса говорят сами за себя. Увы.

– Я рад, что по этому вопросу у нас нет разногласий. Ваши священники на местах, не только знают, что творится на земле, но и могут мягко, не навязчиво, но убедительно подготовить народ к этой войне, возбудить патриотизм и желание встать всем, как один, на защиту Отечества, своих жён, дочерей, домов. Нам будут нужны новые рекруты, но не про-

стые исполнители, которые при определённых обстоятельствах могут бросить оружие и бежать, а защитники Отечества, защитники своих домов. Вы понимаете меня?

– Конечно. И уже утром я разошлю письма по всем церквям, а также переговорю по этому вопросу с кардиналом Истленда. Ведь, по-моему, так вы назвали соседнее королевство?

– При всей моей предполагаемой осведомлённости церкви, вы меня удивили. Я доволен вашим пониманием, как и меня лично, так и обстановки. Вы же понимаете, что все люди очень разные. И я даже не имею в виду внешность, сколько характеры, живость, духовность. Господь заключил Завет с нашими прадедами, но сколько раз люди его нарушали, вызывая гнев Божий. Хоть мы и не иудеи, распявшие Господа, но есть ли среди нас те, кто сохраняет у нас этот завет?

– Сир,— сказал кардинал, разжёвывая с хрустом мелкие косточки рябчика.— Скажите, у вас в России говорят, показывая на радугу после дождя, что это видимый Завет Господа нам — людям?

– Да. Конечно. Я много раз на утренней службе слышал от нашего батюшки это.

– Всё правильно. Я много раз думал над смыслом этого выражения. КА может быть радуга видимым Заветом? Этим ярким полукругом над землёю? Или самими красками этой радуги? Много читая, анализируя, сопоставляя, я, кажется, понял истинный смысл. Но его можно понять, если видеть

всю картинку сразу. Обождите, сейчас поясню. Увидеть всю картинку мы, живущие здесь и сейчас, не можем. Это могут только бессмертные ангелы, но, читая древние книги, можно попробовать догадаться. Начну немного издалека. Сир, вы наверняка слышали, что недавно из материка Америка привезли аборигенов, и что цвет их кожи имеет достаточно яркий красный оттенок. Не ярко красный цвет кожи, а именно оттенок. В далекой азиатской стране, называемой Поднебесной, проживают жители с достаточно жёлтым оттенком кожи. Об этом тоже теперь все знают, и этим никого не удивишь. На Африканском материке живут, как тёмно – фиолетовые, так и очень темнокожие жители. Это тоже не новость. В манускрипте о пирамидах я прочитал, что главным строителем был, оказывается, раб с оранжевым оттенком кожи. И таких рабов на строительстве пирамиды было много. Собственно, красный оттенок, оранжевый оттенок – разница не большая, согласитесь. А теперь вспомните, какие цвета у радуги? Красный, жёлтый, оранжевый, фиолетовый, который иногда бывает тёмным, что приближает его к цветам некоторых африканских племён. Не удивлюсь, если очередной путешественник из Португалии или Испании привезут и образец человека с зелёным оттенком кожи. Остаются синий и фиолетовый. В наших рунических свитках есть описание детей Адама и Евы. Вы знаете, что после изгнания Каина у них родился сын Сиф, и пошло, и поехало. Их дети женились между собою, входили в дома земных женщин, но

ни к чему хорошему это не привело, а только разозлило Бога, и Он покарал их. Так вот в этих письменах говорится, что дети Адама были не просто высокого роста по сравнению с людьми, но с удлинёнными лицами и фиолетового цвета. Там указано незнакомое слово, но по аналогии с другими местами, это фиолетовый цвет. К тому, что может быть косвенным подтверждением моей гипотезы, это изображения богов в древнеиндийских храмах. Там они нарисованы светло-синей краской, которую можно трактовать, как фиолетовую. Дальше. Теперь немного истории. Я имею в виду, историю человечества. Я почти год собирал книги и старые фолианты по этому вопросу. Послушайте, что я вам расскажу. Кушайте, кушайте, сир. – Сказал кардинал, вытирая руки о край скатерти. Совсем, как рыцарь, времён короля Артура.— Мне не терпится, если честно, с кем-то поделиться. Давным-давно, может, даже тысячи лет назад, по книгам этого не поймёшь, откуда-то с севера Индии стали прибывать многочисленные племена более организованных, более совершенных людей, которые имели луки, стрелы, копья, что помогало им в войнах против местных племён. Они отличались и по цвету кожи. Часть из них пошла вдоль берега моря, и дошли до Междуречья, где тогда находился Эдемский сад и проживал Адам с Евой и их потомки. Они миновали их, и ушли на земли Африки. Часть племён пошло севернее китайских и афганских гор и вышли на территорию современной Европы. Там в то время проживали племена перво-

людей, которые внешне были больше похожи на обезьян, но уже многое умевшие. Многие из тех племён были низкорослые, смуглокожие, некоторые – серые. Лица округлые. Понятно, там было всё – и войны, и кровосмешения. Жизнь есть жизнь. Они пришли даже к нам на полуостров Альбиона. В то время Англия соединялась перешейком с Францией. Потом при землетрясении он опустился. Так вот в Европе, в основном, были племена, как бы я сказал, людей с явно синим оттенком кожи. Проще говоря, синекожие. Это был великий народ, если верить записям. Но потом, как я уже сказал, произошло землетрясение, и перешеек ушёл на дно. Англия навечно отделилась от материка. Часть тех племён, что пришли и смешались с полуостровитянами, сохранилась и живёт до сих пор отдельными поселениями на южном английском берегу пролива.

Примерно в то же время, когда происходили эти климатические изменения, и Англия отделилась от континента, Дания поднялась из воды, в то время как перемычка Гибралтара, защищавшая западный бассейн Средиземноморья, рухнула также в результате землетрясения, что привело к быстрому подъёму воды в этом внутреннем озере до уровня Атлантического океана. Вскоре погрузился сицилийский мост суши, превратив Средиземноморский бассейн в одно сплошное море и соединив его с Атлантическим океаном. Эта природная катастрофа вызвала затопление огромного количества поселений и привела к самым большим человеческим

жертвам за всю мировую историю наводнений.

Европейская цивилизация этого раннего периода уникальным образом сочетала в себе энергию и мастерство синего человека с творческим воображением этих далёких потомков Адама. Синие люди были необычайно энергичной расой, но они привели к огромному упадку культурного и духовного уровня потомков Адама. Пришельцам было чрезвычайно трудно привить свою религию перволюдям из-за того, что столь многие из детей Адама тяготели к обману и растлению девственниц. В течение тысяч лет европейская религия пребывала в упадке по сравнению с успехами того же Египта.

Во всех своих поступках синие люди были исключительно честными и полностью свободными от сексуальных пороков смешанных браков. Они уважали девичество и прибегали к многоженству только тогда, когда война приводила к нехватке мужчин.

Эти люди были отважной и прозорливой расой. Они выработали эффективную систему воспитания: детьми занимались оба родителя при активном участии старших детей. Каждый ребенок получал хорошую подготовку в уходе за пещерой, искусстве и обработке кремня. Уже в молодом возрасте женщины прекрасно владели домашними ремеслами и навыками примитивного земледелия, а мужчины были умелыми охотниками и отважными воинами.

Синие люди занимались охотой, рыболовством и собирательством, а также строили прекрасные лодки. Они изготов-

ляли каменные топоры, рубили деревья, возводили крытые шкурами бревенчатые срубы, частично врытые в землю. Существуют народы, которые до сих пор строят аналогичные жилища в Сибири. Южные племена обычно жили в пещерах и гротах.

Около пятнадцати тысяч лет тому назад происходило широкое разрастание альпийских лесов. Европейские охотники вытеснялись в речные долины и на морские берега, гонимые теми же климатическими изменениями, которые превратили Райские охотничьи угодья в высушенную и голую пустыню. Вечные льды уходили всё дальше и дальше на север. С перемещением влажных ветров на север огромные открытые пастбища Европы покрылись лесами. Эти широкие и относительно внезапные климатические изменения заставили европейские расы, занимавшиеся охотой на открытых пространствах, перейти к скотоводству и, до некоторой степени, рыболовству и земледелию.

Хотя эти перемены привели к успехам в культуре, они выразились в некоторой биологической деградации. В течение предшествующей охотничьей эры члены высокоразвитых племен вступали в смешанные браки с высшими типами пленников, неизменно убивая тех, кого считали низшими. Но с появлением поселений, земледелия и торговли многих посредственных пленников стали оставлять в живых, превращая их в рабов. Именно потомство этих рабов стало впоследствии причиной столь значительного регресса всего это-

го типа людей. Упадок культуры продолжался, пока она не получила свежего подкрепления с востока, когда, в результате последнего и массового вторжения, месопотамцы прокатились по всей Европе, быстро поглотив синих людей и положив начало цивилизации белых рас. То есть мы, считающие себя расой белокожих людей, есть всего лишь результат кровосмешения многих и многих рас и народов. И белого цвета на радуге нет. И нам нечем гордиться, кроме того, что именно нам – белокожим и бледнолицым потомкам, явил себя наш Господь. Принеся Себя в жертву, Он отпустил нам грехи наши и наших предков, заключив с нами Новый Завет накануне Своего распятия. А в день Пятидесятницы, кроме того, как Он и обещал, покрыл всех нас и каждого Духом Своим, Духом Истины. И Дух Божий теперь в каждом из нас. Аминь.

– Аминь. Вот, что значит, книги. Не зря мне так хотелось поработать в архиве.

– Всему своё время, сын мой.

– Согласен. Сначала надо разбить французов. Спасибо, Падре, за беседу. Надеюсь, мы с вами ещё не раз встретимся, и вы поведаете мне что-нибудь интересное из ваших запасников.

– Несомненно, сир. Да прибудет с вами Господь.

– Аминь.

Дверь за кардиналом закрылась, а я оторопело остался сидеть, пытаюсь переварить полученную информацию. Не зря

говорят на Руси – век живи, век учишься и дураком помрешь.

Как-то моментально, будто снежная лавина, обрушилась на меня усталость. Очень сильно захотелось спать.

– Куда я попал? Где мои вещи? И это тихая спокойная пенсия? Мне, что не хватило моей бурной молодости или лихой зрелости? Сколько моих друзей погибло, чтобы у меня была спокойная старость, и на что я это всё променял? Придут одни, победят других, кто-то погибнет, кто-то станет богаче, – это жизнь. Куда я влез? Но ведь уже влез, так что говорить. Поплакаться, пожалеть себя? Сколько можно. Надоело. Всё, хватит хандрить. Сейчас выплусь, и жизнь снова станет прекрасной. – И я, надев маску надменного, уверенного в себе монарха, распахнул двери.

– Капитан, вы здесь поставлены охранять мой кабинет или моё тело?

– Сир, конечно, ваше тело. В первую очередь.

– Тогда охраняй моё тело по дороге в спальню. Веди моё Величество.

После практически пяти стаканов хорошего выдержанного вина, мне показалось, что дорогу в спальню, я мог бы и не найти, а спрашивать дорогу у случайно шатающихся придворных, не по – королевски, хотя они, зараза, собственно за этим и маячат перед глазами – этому дай это, тому хочется

то. Тьфу, дворня, она и есть дворня. Выноси горшок, постели постель и получишь графа. Тьфу. Мы шли по коридору, который я уже смутно, своим немного затуманенным взором узнавал. Слева появилась слегка приоткрытая дверь.

– Стоять! Что это? Почему дверь нараспашку? Это что, приходи, кто хочешь, бери, кто хочешь? Не порядок. Пошли, посмотрим. – И, дожидаясь услужливого капитана, я распахнул обе створки. – Почему темно?

Следом за мной вошли два гвардейца с большими подсвечниками в руках, и только, посмотрев на горящие свечи, я понял, что темно, и, следовательно, поздно по времени.

– Свети. Нет, дай мне. – Я забрал один подсвечник и стал обходить стены. Стены были увешаны гобеленами и большими, явно старинными, картинами. На столе у окна, сквозь стёкла которого можно было увидеть блеклую луну, стыдливо спрятавшуюся за полупрозрачные облака, лежало четыре серебристых панциря и столько же шлемов с поперечным расположением перьев в плюмаже. – Похоже на снаряжение римского центуриона. Но откуда это здесь?

– Сир, вы правы. У нас во дворце служили придворными четверо, чьи далёкие родственники были центурионами в легионе, что стоял в Англии. После роспуска легиона, они остались жить в Англии, но позже переехали к нам на остров. Они все погибли в одном из сражений с пиратами. Но это было уже очень давно.

– Прекрасно. Нет, не то, что они погибли, а то, что при-

везли с собой эти вещи. А алебарды? Нет, алебарды сюда не в тему. Интересно, а мечи сохранились?

– Нет, сир, из всего снаряжения – только это.

– Жаль. А тогда алебарды мы найдём?

– Да, сир, этого добра у нас много. В подвале штук двадцать будет. Принести?

– Пожалуй. Да, принеси. Не сейчас, конечно. Шлемы придётся убрать, они ж явно центурионовские. А вот доспехи, алебарды будут смотреться красиво. Передай Прево, пускай подумает над этим и что-нибудь сообразит. В его положении это будет не лишне. Всё, спать. Меня не тревожить и не будить, в прочем, если высадятся французы, то – да. Остальным – цыц! Понял?– И, сунув канделябр в чьи-то руки, вышел из зала, чтобы почти сразу войти в свою спальню. Почти сразу же за моей спиной открылась дверь, и показался гардеробмейстер, а за его спиной ещё и пара слуг.

– Стоять. Ничего не надо. Я сам. Сам. Понятно. Вот когда напьюсь в зюзю на военном совете – тогда. Что-то я притомился сегодня после военного совета и разговора с кардиналом.

– Сир, кардинал после вашей беседы, притомился ещё больше, но ушёл в весьма хорошем, я бы сказал, радостном настроении.

– Да? Хм. А будет ли ему так же хорошо утром? Тогда скажи... ну, кому надо, чтобы утром отнесли кардиналу бутылочку того же вина, что мы пили сегодня. Только пускай обя-

зательно дождутся, пока кардинал проснётся, а потом сразу к нему от моего имени с ней. Пускай скажут, типа... А, придумайте сами что-нибудь. Что мне вас учить – все мы одинаковые, все из одного места вылезли. Это раньше короли были от Бога и с кровью Бога в теле, а сейчас... Кто раньше кого зарежет, тот и король. Т-сс, только не принимай это, как инструкцию к выполнению. Понял? Идите, все идите. Король почивать изволит, ядрёный корень. – И не обращая больше ни на кого внимания, я бухнулся на кровать.

Проснулся, когда назойливый, неугомонный солнечный зайчик, безжалостно истоптав своими лапами мне веки, промчался по всем переходам моих глазных нервов, и атомным взрывом вломился в мой мозг.

– Вот зараза. Поспать не даёт. Сегодня же поеду на охоту, хоть в лесу этих гадов постреляю. Хоть им отомщу. – Оглядывая, всё еще сонным взглядом комнату, зацепился им же за неподвижные фигуры у стены. – Что за хрень, не понял?

– С добрым утром, сир? Как отдохнулось?

– Виконт Стаффорд, если не ошибаюсь, что вы и эта банда здесь делаете? А же вчера сказал вам идти отдыхать.

– Сир, я уже отдохнул и готов вместе со слугами помочь вам одеться. Позвольте предложить вам одеть сорочку.

– А это кто с ножницами и бритвой? Цирюльник?

– Так точно, сир, цирюльник.

– Тогда какая сорочка? Сначала приведи мне голову в порядок, подбрей шею, потом умоюсь, а уж потом – сорочку. Я же потом весь счешусь от этих волосков. Давай табурет.

Предоставляя себя цирюльнику, я сел на табурет и закрыл глаза. Пустячок, но приятно вот так посидеть немного и подремать.

– Что у нас там насчёт гофмейстера?– не открывая глаз, спросил я.

– Ваш завтрак, сир, хлеб и вино, уже на вашем столике. Хлебом вино закусывать? Что я, алкаш, какой? Шумните там, чтобы пару кусочков мяса организовали. Сами, небось, уже наелись, пока я здесь весь в государственных делах и заботах.

Недостаток профессионалов в том, что свою работу они делают слишком быстро. По-крайней мере, сейчас я был готов посидеть ещё минут двадцать. Но дела, дела. Царь я всё – таки или не царь? Потом позволил слугам одеть меня в королевское платье. Подремал ещё пару минут.

– Так, где мой завтрак?

– Сир, он перед вами.

Тут я сообразил, что по-прежнему стою с закрытыми глазами. Пришлось открыть, но тут я понял, что слегка оконфузился – прямо передо мною стоял небольшой столик, сервированный вином и закуской.

– Ишь ты, надо же мне было так задуматься и всё о боль-

шом, и важном. И что? Все так и будут стоять, и смотреть, как я трапезничаю? Или вы будете мне пищу в рот класть? Свободны. Как поем – крикну.

– Сир, вот колокольчик на столе.– Подсказал виконт и закрыл за собою дверь.

– А ты что стоишь?

– Сир, я ваш виночерпий. Я буду подливать вам вино в бокал.

– А-а, в бокал. Тогда ладно. Стой. Впрочем, видишь, стаканчик? Налей в него себе вина и вместе выпьем.

– Но, сир, я не могу.

– Не понял? Вино отравлено?

– Что вы, сир, конечно, нет. Но я...

– Правильно. Ты обязан выполнять мои приказы. Пей. Обожди, сначала чокнемся. У нас так в России пьют. За здоровье. А сейчас и за поправку здоровья после вчерашнего.

Живительная влага нектаром пролилась в мою утробу, а потом прыгнула в виски, снимая боль и гася болезненное напряжение.

– О, ляпота. Хорошо быть королём, скажу я тебе, но одно плохо – приходится постоянно решать государственные дела. Особенно, когда враг под окном. Ну, ничего, прорвёмся. Не впервой. Правильно?

– Да, сир.

– К сожалению, всегда только, да и так точно. Всегда, везде и во всём. Никто не хочет брать на себя ответственность,

даже я. Но я вынужден. Ладно, зови остальных.

Вновь вошёл гардеробмейстер и с ним два камергер – юнкера. Один из них вручил мне шпагу, а второй накинул на плечи плащ.

– Што ж, вперёд без страха и упрёка. Вперёд, господа!

За дверью меня ждал уже новый капитан гвардии.

– А где вчерашний?

– Выполняет ваше приказание, сир.

– А я ему ничего не приказывал делать. А! так он ничего и не делает? Да?

– Нет, сир. Он по вашему приказу готовит алебарды и новую форму для гвардейцев, что будут стоять возле ваших апартаментов.

– Оп, что-то припоминаю. Римские центурионы, как же, помню. Хорошо. Хорошо, что моим капитанам не приходится повторять дважды. Это уже приятно. Молодцы.

– Рады стараться, сир.

– Старайтесь. И защищайте. Собственно, в этом ваша работа и заключается. Вперёд! Куда идти, знаешь?

– Так точно, сир, в кабинет, на завтрак. Королевский совет уже собран.

– Утренний развод войск. Всё как в армии.

Вновь анфилада комнат и я в кабинете. За мной следом важно входят мои, как я понимаю, собутыльники по совету.

– Прошу, джентльмены, сначала разомнём наши мозги лёгкой жевательной гимнастикой и приступим к обсуждени-

ям и докладам. Не стесняйтесь.

На столе опять худющий молочный поросёнок, рыба нескольких сортов и способов приготовления, дичь, варёное мясо и зелень.

– Смотрю, много зелени. Она растёт на острове или приходится завозить?

– Завозим, конечно, сир, – ответил мне коннетабль, вгрызаясь зубами в гусиную ножку.

– У нас, что же, вообще ничего не растёт?

– Почему же. Грунт холодный из-за близкого льда, у нас даже деревья большими не растут, а всё остальное выращивать можно, только вырасти не успевает – остров относит ко льдам и всё мёрзнет.

– А теплицы, парники строить пробовали?

– А это что?

– Как что? Укрытие от непогоды, заморозков.

– Нет. У нас на острове такого нет.

– Ладно, будем живы – не помрём. Французов разобьём и разберёмся. Если не забудем. Маркиз Истмен, барон Смит, как идут дела с подготовкой Указов по набору рекрутов и прочее? Кстати, маркиз, вам капитан доложит, я ввёл некоторые изменения по форме одежды моих охранников.

– Мне уже доложили, сир. Я всё держу под контролем.

– Приятно слышать. Итак, мой главный распорядитель сможет представить мне на подпись то, что я ему приказал?

– Уже всё готово, сир.– Ответил мне герцог де Кале.–

Осталось вам только прочитать, сделать замечания и утвердить.

– Ночь прошла, как понимаю, интересно? Хорошо. Я рад, что вы прониклись важностью момента. Тем более, не гоже менять лошадей на переправе. Это так, оборот речи, и я не хотел вас сравнивать с лошадьми. Кстати, барон, после нашего последнего, он же и первый, разговора, у меня в голове не отложилось – какими патронами пользуются наши солдаты?

– И деревянными, и бумажными, сир.

– Конкретнее.

– У мушкетёров – деревянные, а у фузилёров – бумажные.

– Их сейчас стали называть гильзами. Скажите, барон, что, один из командиров – мушкетёров любовник вашей жены? Вы же, как офицер, прекрасно знаете, сколько времени нужно солдату, чтобы зарядить фузею бумажной гильзой, и сколько времени нужно, чтобы из деревянной коробочки насыпать на полку порох, закрыть коробку, взвести курок, переставить ружьё, затолкать двадцати восьми граммовую пулю и забить всё это пыжом, стараясь не повредить пороховые крупинки, иначе пуля может пролететь всего лишь пару десятков шагов?! Опоздание на двадцать секунд и полутонга нет! Один батальон из восьми полутонгов, стреляя перекастами, всего за одну минуту освобождает свои ружья. Минута и считай, батальона нет. Жалкие остатки добьют штыками в рукопашной. Подставляя своего соперника, вы подставляете

весь полк, всю боеспособность армии на этом участке фронта. И вы коннетабль моей армии?!

– Сир, – испуганно – визгливым голосом ответил барон, – но это всё досталось мне по наследству от предыдущего коннетабля!

– Предыдущего? А кем были вы, до того, как стать моим?

– Я занимался разработкой наступательных операций и оборонительных действий. Сир. Да и вообще, нам передали офицеров, весьма далёких от боевой работы.

– Опаньки. Вот это новость. Извиняться не буду – не царское это дело. Вообще мог повесить. Так кто же тогда они, наши полководцы?

– Пионеры, что оборудовали флешы на путях возможного наступления врага, баталёры, штабные офицеры, что просто сидели в штабе и занимались бумажной работой.

– Ёшкин кот. И это против практически самой сильной и обученной армии Европы? Не хило. А кто командиры полков?

– В мушкетёрах, как раз, боевые опытные офицеры, а остальные – из потомственных, которым уже при рождении присваивалось воинское звание.

– Знакомая картина. А как мужики-то они хоть нормальные или так, только туфельками пошаркать перед дамами?

– Один такой. Да простит меня граф Хорст. Он его племянник и протеже. Это понятно. И в мирное время это прокатывает, но не сейчас. Граф, без обид, ничего личного, но

вашего протеже, на время боевых действий, назначаю помощником командира. Не заместителем, а помощником. Барон, вы поняли разницу?

– Да, сир. И ещё, барон, не обижайтесь на меня. Я прошёл столько батальев, а здесь армия на уровне разбойничьей ватаги, что оружием запаслись, а как воевать не знают. Приказываю, организовать, если не было, отливку пуль непосредственно в расположениях батальонов. А также изготовление бумажных гильз, в том числе и у мушкетёров. В первую очередь, у мушкетёров. Их командиры, с их опытом могут спасти бой, а, может, и всё сражение. Что у нас с побережьем наших соседей? Много ли мест, где враг может высадиться у них?

– Сир, позвольте.– Вмешался мой распорядитель.– Я, будучи ещё на службе короля Карла Девятого, неоднократно выезжал на восточное побережье острова. Могу доложить, сир, что высадка десанта со шлюпов там возможна. Потеряют несколько штук, но это не повлияет на общий итог. Но там невозможно высадить лошадей и, тем более, сгрузить артиллерию. Всё побережье представляет собою сплошную полосу рифов. А высаживать кавалерию и артиллерию в одном месте, а пехоту – в другом, я думаю, они не будут. Хотя я сугубо штатский человек, и в военных вопросах не разбираюсь, сир.

– Но, тем не менее, вы правы, как и то, что дробить свои и так не многочисленные войска они не будут. На такой тер-

ритории и с учётом местности здесь можно и придётся воевать только кулак на кулак. И скорострельность наших батальонов играет практически ключевую роль. А что у нас пороховом и пулями?

– Только две недели пришли два корабля. Наши казематы полны.

– Наши или короля Карла?

– Наши, сир. Казематы находятся под нашей половиной и полностью достались нам.

– Наконец-то хорошая новость. Может, кто-то ещё хочет сказать нам что-то приятное? Нет? Жаль. Тогда, по окончании завтрака, расходимся, готовимся и завтра поутру встречаемся на постоялом дворе, что на повороте дороги на юг. Это касается барона Смита, графа Хорста, маркиза Истмен, а также всех командиров полков, батальонов и эскадронов. Проведём рекогносцировку местности. Герцог де Кале, попрошу вас, организуйте сбор лопат, мотыг, леса, камня. Короче, всего, что может потребоваться при фортификационных работах. А сейчас, джентльмены, я вынужден покинуть наш военный совет. Не вставайте. Продолжайте трапезничать, только чтобы завтра не болела голова. Особенно, у тех с кем я назначил встречу.

Перед во входом в кабинет стояло десятка полтора человек.

– Лоботрясы и бездельники. – Подумал я, но вслух сказал ближайшему, что попался под руку. – Мне нужны дворяне

Генрих, Джон, Жак, Иоанн и Шерлок, те, которые со мною прибыли. Скажите, чтобы их нашли и прислали ко мне. А сами проследите, чтобы выполнили побыстрее. Можете выполнять, сэр. – Мне бы ещё научиться отличать этих пажей от юнкеров, обычных дворян и прочих и прочих камергеров. Насколько проще в армии с этими нашивками, эполетами и прочей военной атрибутикой. – Нормально. – Сказал я сам себе. – Кабинет занят, а куда бедному царю податься? По-моему, должен быть зал для аудиенций. Капитан! Охраняйте меня до зала для аудиенций. Заодно узнаю, где он находится.

– Сир, давайте я вас проведу дальней дорогой. Заодно вы познакомитесь со своим дворцом. Всё равно ваших дворян ещё найти надо.

– Молодец. Люблю разумную инициативу. Веди. Заодно и рассказывай.

Экскурсия по дворцу затянулась, но это была вынужденная мера – негоже хозяину не знать своего дома. Даже не помужски как-то.

– Ну, что, орёлики? – Сказал я, когда камердинер доложил, что вызванные мною дворяне, ожидают за дверью, и я дал команду их впустить. – Некоторые из вас уже неплохо взлетели. Я слышал, барон Шерлок уже назначен на весьма

ответственную должность.

– Сир, я даже не знаю, что сказать.

– И не надо. Лучше послужили преданно и верно. Что ещё нужно командиру от своего подчинённого. Что делать и как примерно представляешь? Ведь об этом мы с тобою как-то говорили. Дерзай. Становись пауком. Создавай свою сеть. Оплети ею и весь остров, и Англию, и Францию. Я думаю, ты справишься. А ты, Генрих, скажи, до каких чинов ты дослужился в мушкетёрском полку, пока не случилась с тобою та оказия?

– До командира батальона, сир. Но я не люблю вспоминать об этом, сир. Вы знаете почему.

– Знаю. Потому и спросил. Джон, ты свои навыки не забыл?

– Сир, да за столько лет войн и боёв, разве забудешь. Да я хоть сейчас любому командиру полутонга всё, что угодно подскажу.

– Подскажешь. Куда денешься, а не подскажешь, не научишь, лучше на глаза не попадайся, а это трудно на таком маленьком острове. Короче, Генрих старший, идёте и находите моего коннетабля барона Смита. Докладываете ему, что командир фузилёрского полка маркиз Генрих и командир фузилёрского полка ополчения маркиз Джон, это чтоб тебе обидно не было, прибыли для прохождения дальнейшей службы. Завтра придёте с ним в таверну, где мы ели, ну, та, на повороте. А сначала находите моего главного распоряди-

теля герцога де Кале, и предаёте ему мой приказ немедленно подготовить Указ о производстве вас в маркизы, да и в командиров полков сразу. Как-то так. Идите. И молчите! Благодарить потом будете. Не в тыл, а на войну вас подписываю. Идите. Всё-всё, идите, не мешайте. Жак и Иоанн, ну, во-первых, наверное, и вас тоже пошлю сразу после нашего разговора к распорядителю с известием, что и вы теперь маркизы. И назначаю вас моими личными оруженосцами. Знаю, что такого уже нет. Но будет. Надо же мне вас куда-то пристроить, чтобы вы жалование получали, а то пристроились здесь, корми, пои их. Станете маркизами, будете получать жалование от короля. А там, глядишь, и землёй обзаведётесь, деревушками. И моему кошельку полегче. На деле всегда будете со мною. Везде и всегда. Наряду с гвардейцами охраны. Когда начинается война надо, чтобы с тобою рядом были люди, которым ты доверяешь безоговорочно. Я могу вам так доверять и верить?

– Сир, надо будет, умрём.

– Надо будет, нас и так убьют и не спросят. Нам выжить надо и победить. Вот как-то так. А как? Пока сам не знаю. Французы хорошие солдаты с хорошим вооружением, а у нас игрушечная армия. Как успеть подготовить, научить стрелять, подготовить оборону? Столько вопросов, столько надо, а времени. Французы могут высадиться в любой день. Ладно, идите, повышайте свой социальный статус. Вы оказались в нужном месте в нужное время. Пользуйтесь. И используйте.

те свой шанс. Свободны.

– Сир, – обратился заглянувший в зал капитан стражи, – гофмейстер просил передать, что обеденная трапеза готова. Сейчас у вас обед по расписанию. Дворяне уже собрались возле малого обеденного зала.

– Уже обед? Это во сколько же я проснулся, если только позавтракали, а уже обед?

– Сир, так перед самым обедом и проснулись. Гофмейстер и так обед перенёс на час позже.

– Хм. Ладно, ничего не попишешь. Только сидеть в этом обезьяннике, где тебя будут рассматривать со всех сторон и громким шёпотом обсуждать.

– А что сделаешь, сир? Вы король.

– При желании – можно. Пошли солдата, пускай позовет гофмейстера.

– Сир, у вас для этого пажи. Смотрите, вон на отдалении идут.

– Действительно, а я думаю, что они за мной увязались, бездельники. Позови одного и озадачь. А я пошёл.

Эти комнаты и залы я уже начал узнавать и запоминать. Красиво, конечно, помпезно и гламурно. Не плохо. В моём родовом домике немного скромнее, надо признаться. Война закончится, надо детей сюда истребовать, пускай привыкают к новому дому. Красиво жить не запретишь. Главное, чтобы красивой жизни не лишили. Как и самой жизни. Но здесь, по-моему, с этим попроще. Мода травить, душить, закалы-

вать ещё пришла сюда. Поэтому придётся мне самому трапезничать и закалывать, чтобы никто не перехватил инициативу.

– Сир, вызывали?

– Да. Когда проведём официальную часть, и эти начнут сметать еду с королевского стола, я перейду в кабинет и там продолжу трапезу. Смотри, чтобы я не остался голодным, а то после наших дворян может ничего и не остаться. Они, как я вижу, любят повеселиться, а, особенно, поесть.

– Будет сделано, сир. На самом деле, придворные, сир, едят не много. Шумят сильно – да. Я всё приготовлю. Пройдёмте.

Перед входом в обеденный зал столпилось человек пятьдесят. Как и положено монарху, я с гордым и независимым видом, не глядя ни на кого, царственной походкой прошествовал в зал. Длинный зал вдоль него широкий стол, что можно усадить целый полк солдат. В дальнем торце – небольшое возвышение и уже на нём – мой трон. Точнее, кресло с высокой спинкой, прикрывающей спину монарха от предательского удара сзади в случае чего. По бокам – в снаряжении римским центурионов и с начищенными алебардами в руках мои орлы – гвардейцы. Вид получился отменный. И, судя по массовому вздоху удивления, понравилось не только мне. Я занял свое место. Двери распахнулись, и вовнутрь повалил народ, в смысле придворные. Гофмейстер с помощью камер – юнкеров рассаживал их за столом. Наконец-то все расселись и в ожидании уставились на меня. Мне и речь

надо произносить? Мы так не договаривались. А что делать? Они ждут чего-то, заразы. Я встал, взял золотой кубок в руку. Виночерпий моментально наполнил его вином.

– Леди и джентльмены, – начал я, – может, кто-то ещё не знает меня. Я ваш новый сюзерен, ваш король. Неудачное время выпало мне встать у кормила власти. Вы уже знаете, что французы пытались убить короля Карла Девятого, но Бог не допустил этого. Вы также знаете, что французы готовят вторжение на наш остров с целью захвата власти со всеми вытекающими отсюда последствиями. Поэтому нам всем надо приложить максимум усилий, чтобы встретить и разгромить врага. Мы это сделаем. Я это сделаю, но мне нужна будет помощь. Но об этом позже, не сейчас. А сейчас давайте поедим, кто знает, сколько ещё таких спокойных обедов нам осталось до начала войны, до начала вторжения. Приятного аппетита, господа.

Я сел, за мною присели и все остальные. Гофмейстер положил рядом со мною традиционную салфетку. Я кивнул в знак благодарности и, а, возможно, и по этому сигналу заиграли музыканты, что сидели на небольшом балкончике слева от меня. Трапеза началась. В принципе, мне понравилось, но я уже дал отмашку, и давать отбой было не серьезно – короли должны отвечать за свои приказы. Вскоре я встал и по-английски вышел. Обедать одному всё-таки приятнее.

Как хорошо, когда эти придворные заняты обедом – никто не плетётся сзади, не пытается что-то сказать, не раздражает. Капитан и четыре мушкетёра хорошо вышколены и не мозолят глаза. Вроде бы они есть, и вроде бы их нет. Молодцы. Не знаю, только есть ли в этом заслуга моего Прево. Наверяд ли, этим или прапора занимаются или ротмистры. Прогуливаясь, подошёл к большим входным дверям. Говорят, парадные ворота остались на той стороне у Карла, но ничего, я и через такие пройду. Я не гордый. Стоп, я гордый, но не настолько. К тому же, дарёному коню в зубы не смотрят. Дворецкие предупредительно распахнули створки. Перед мною были ступеньки, ведущие в моё королевство. Через небольшую дворцовую площадь виднелись аккуратные двухэтажные домики, будто вырезанные из книги сказок, что я, незадолго до отъезда, купил своей маленькой внучке. А по небу с юга наваливались светло-серые облака, переходящие в грязно-синие, а вдалеке, так вообще, лилово-чёрные тучи. К дождю. Представляю, сколько воды сейчас там. Если бы наш остров плыл не по этому, а по пятому океану, такое столкновение грозило бы нам катастрофой. Но Господь всё предусмотрел. Даже наш дрейф на север спасает нас от моментального разгрома и плена. Пока Господь даёт время, надо им воспользоваться, чтобы потом не было мучительно больно за то, что пропьянствовал и не подготовился к войне.

– Капитан, дай команду подготовить экипаж. Через час я

и свита выезжаем на рекогносцировку местности. – Столица никуда не убежит. Ха, я до сих пор не знаю, как же она называется. Но и это тоже подождёт.– Передайте гардеробмейстеру, пускай подготовит меня к поездке. Да и герцога де Кале оповестите. Я буду у себя в кабинете.– Мне надо было еще раз внимательно изучить карту, хотя изменения в неё ещё продолжали вносить. Я перевернул часовые песочные часы и углубился в карту, делая небольшие пометки для памяти.

Ровно через час, будто подглядывали за моими часами, раздался стук и вошел виконт Стаффорд.

– Сир, карета подана, вещи и провиант загружены, полускадрон сопровождения на конях.

– Добро. Тогда не будем тянуть. Поехали.

Камер-юнкер протянул шпагу, а второй накинул мне на плечи плащ, подбитый мехом.

– Сами не забудьте потеплее одеться. Там, возможно, дождь будет.

Решившись на что-то, всегда начинаешь действовать, да и ходить решительнее. Миновав раскрытую дверцу, поднялся в карету. Никого. Но это и лучше. Не знаю, как по этикету, но я предпочитаю ездить один, чтобы можно было и ноги, куда протянуть да и пукнуть, если приспичит.

– Поехали. Кто не успел, тот опоздал.– Откинувшись на полумягкую спинку, я огляделся. На лавочке напротив, свёрнутое трубочкой одеяло из волчьей шкуры. Не удержался, потрогал – приятно. Шкура выделана, будто шевретовая на

перчатках. Сбоку – ящик, обит бархатом с вензелями Карла. Приподнял и приятно удивился – два кувшина с вином (или во мне подозревают скрытого алкоголика, или рассчитывали, что поеду с кем-то), серебряные рюмочки, наверное, подсуетился медикус, помня о свойствах серебра. А, может, меня проверяют на нечистую силу, думая, что она боится его. Ещё блюдо из тонкого золота с фруктами, и свёрток из вощёной бумаги, а в нём – уже нарезанные буженина, карбонат и две сваренные курицы. Неплохо. Я выглянул в окошко, чтобы хоть мысленно посочувствовать служивым. На небе ни грамма серости – лишь сплошной антрацитово – чёрный массив.

– Капитан! У вас плащи есть на случай дождя?

– Сир, дождя не будет. Когда нас гонит на север, всегда так. Холодный южный ветер, но и не более того. А от ветра у нас есть чем защититься, сир.

– Хорошо. Будем надеяться на ваш опыт. Добро.

Проявив заботу о верноподданных, можно и расслабиться бокалом хорошего вина. Только в осеннем лесу, наполненном разноцветными листьями, озорливо слетающими с деревьев при лёгком ветерке, и переполненным светом бабьего лета, человек может и расслабляется душой и телом. А когда за бортом экипажа только марь грозových туч, что почти касаются своим брюхом верха цилиндра дворецкого, сидящего на облучке рядом с кучером, единственный и многократно проверенный способ – это бутылка хорошего вина и не

менее хорошая компания собутыльников. А что ещё делать зимой? Наши лошади – это не олени, способные добывать ягель из-под снега в походе, их кормить надо. Поэтому походы, по техническим причинам, переносятся на весну. Армия распускается по домам, чтобы не кормить дармоедов, а рыцарство пирует, да ходит на балы к королям. Накрылся, для полного счастья, одеялом, бокал с вином, кусочки мяса. Много ли для счастья королю нужно? Всё-таки жизнь короля иногда бывает легче казённой армейской жизни офицеров, и, тем более, солдат. Просто во всём нужно находить правильные стороны и получать удовольствие. Вот, как-то так.

Я, как обычно, задремал и несколько раз просыпался, когда колесом наезжали на камень. Надо будет, как разобьём французов, заняться дорогами. Римляне не были дураками, поэтому их легионы, как наши пионеры, занимались строительством и благоустройством дорог. Вообще, странное какое-то название у этих англичан – пионеры. У нас таких солдат, работающих сапой, и называют – сапёры. Или, исходя из того, что ими командуют инженеры, – инженерными. Но с волками быть – по – волчьи выть. И волчьим одеялом укрываться. Тёплое, кстати.

Светало. Сквозь щель между занавесками пробивались лучики солнца, в которых отплясывали хоровод пылинки.

Было тихо. Невдалеке заржала кобыла.

– Молчи, дурёха, чего расшумелась.– Громким шёпотом начал успокаивать её кучер. Заскрипела дверь и кто-то спросил

– Ваша милость, так на столы накрывать или как?

– Пока или как.

– Ну, почему же? Если лошади поели, то и нам уже можно. В походе главное коня накормить и напоить. От него жизнь походная зависит. – Громко проговорил я, подтверждая пробуждение моего Величества. – Король изволит завтракать и другие тоже, ежели кто ещё не успел.

– Вот, курва, расшумелась, разбудила.

– Не ругайся. Кто рано встаёт, тому Бог даёт. Да и времени у нас нет, если честно. Кто знает, когда эти басурмане полезут. Всё правильно. – Позёвывая и потягиваясь, я пошёл в корчму. – Хозяин, где здесь можно лицо умыть да сон прогнать? Где умывальник?

– Пожалуйте, сир. Французское новшество – прибор для умывания.

– Ха, да этим новшеством у нас в России уж лет десять пользуются. Нашёл чем удивить. Наливай воду, да похолоднее. – Показывать русскую удаль, так уж до конца. Я разделся по пояс и, кряхтя и пофыркивая, стал обтираться холодной водой из-под умывальника. Действительно стало намного бодрее и приятнее. Заметно улучшилось настроение. – Надеюсь, бычка уже успели зажарить? Мне, кажется, я и

один его съем.

Возможно, по причине раннего утра, хотя для деревни какое это раннее, возможно, просто убрали простолюдинов, чтобы не мозолили глаза монарху, но обеденный зал был пуст. Капитан, бери командира полуэскадрона, пажей и кто есть из дворян, садитесь за стол. Трапезничать будем. Лейтенантов, прапоров – за тот стол. Ротмистры пускай с солдатами едят, контакт налаживают. Едим и едем в гавань. О, кого я вижу – барон Шерлок, маркиз Иоанн, маркиз Жак! Рад вас видеть, джентльмены. А вы как здесь?

– Сир, как же мы без вас и вы без нас. Мы, как ниточка за иголочкой.

– Похвально. За стол, господа. Солдат никогда не знает, когда сможет в следующий раз хорошо поесть, поэтому каждый раз наедаемся до отвала. Начнём.

Наваристая уха на первое, большие куски мяса, тушёные с овощами и картофелем, салат из свежих овощей, просто блюда с жареной и отварной птицей и рыбой. Ко всему этому прилагались кувшины с вином и элем. Не зря на Руси говорят, что большая работа начинается с большого перекуса. Наш завтрак затянулся больше, чем на час. Только тяжело откинувшись на стенку за моей лавкой, я понял, что мы явно засиделись.

– Господа, немного покушали и хватит. Не будем сильно наедаться, чтобы осталось место и для обеда, а обедать мы будем на берегу моря. Через десять минут отправляемся.

Народ, весело и благодушно переговариваясь, начал расходиться. Я отыскал глазами хозяина постоянного двора и кивком подозвал к себе.

– Ну, любезный, во-первых, спасибо за завтрак. Уважил. Молодец. А как насчёт французов? Что-нибудь слышно?

– Всегда рад служить вам, сир. А насчёт французов? И слышно, и сами можете увидетьь.

– Это как?

– Сир, по моему навету, как вы и приказали, взяли одного, что больно сильно ругал короля Карла, грозил нам карами всяческими. Военный комендант арестовал его и держит в карцере. Хотели вам вести, но вы, сир, сами раньше приехали. Если прикажете, можем привести его вам.

– Сомневаюсь, что там я увижу что-то новое. Повести его на видном месте. И табличку ему – предатель Отечества. Я сейчас еду в порт, а вернусь – проводишь меня по окрестностям. Надо найти место, где баталии быть. А никто кроме тебя лучше эти места не знает. Жди моего возвращения.

Тяжёлые грозовые тучи по-прежнему, опережая нас, плыли на север. И не поймёшь, то ли в благодатные края летят, то ли спасаются от кого.

Усевшись на скамеечку в карете, укрылся одеялом, прислонился к стеночке и, закрыв глаза, погрузился глубокие думы о делах государственных. Пару раз просыпался. Один раз остановил кортеж, чтобы оросить здешнюю землю королевской влагой. Влево и вправо сплошная степь, хоть маке-

донской фалангой воюй. Как оказать сопротивление, как перерезать путь, где найти мои Фермопилы? Где? Тиш и гладь, и вечная благодать над братскими могилами солдат. Ну, не должно же быть так, Господи! Помоги, научи, наставь на путь истины. На Тебя уповаем мы, дети твои! Ты сказал – кто взовёт к Имени Моему, не оставлю вовек. Так я взываю сейчас. Помоги нам, Господи, ради имени Твоего. Помоги нам победить врага, что хочет придти к нам со злом, хочет убивать детей Твоих, христиан невиновных. А, если кто и согрешил, то прости нам, Господи, грехи наши. Я прошу о прощении грехов, ибо я отныне король земель этих, сюзерен моих вассалов. Помоги нам, Господи. А после победы, я прикажу на месте сражения воздвигнуть часовню, во славу Твою, и в память о погибших. Подскажи, где, что и как сделать. Только на тебя уповаю я, как король земли этой, ибо врагов много больше, чем солдат у меня, и без Тебя мне не одержать победы. Прошу Тебя во имя Твоё. Аминь.

Приехали в городишко ещё засветло.

– Ну и как называется это место?

– Вестендорф, сир.

– Западная деревня? Хм. Логично. Просто и со смыслом.

Ладно, пошли, посмотрим, что здесь у нас.

С небольшой возвышенности открывался вид на обычную поморскую деревню. Деревянные избы с небольшими двориками. В некоторых дворах на кольях сушатся сети. Чаше – латанные, перелатанные, что говорит о соответствующем

достатке. Живут у моря и голодают? Непонятно. Широкий песчаный пляж, и от него четыре пирса, уходящих далеко в море.

– Здесь, что? Мель? Почему пирсы так далеко уходят в море? Кто здесь есть из местных?

Ко мне подвели мужчину – типичный англичанин в сером сюртуке и шляпой – треуголкой в руке.

– Кто таков?

– Сир, я глава городского совета Антуан фон Готье.

– Германец, што ли?

– Сир, и француз, и норвежец тоже, сир.

– Понятно, как и все.

– Да, сир.

– Расскажи мне, любезный, о своей деревне. А, да, ты глава городского совета. Тогда расскажи о своём городе, о пирсе.

– Сир, в городе постоянно проживает не больше пяти-сот человек. В основном – моряки. Один постоянный двор с корчмою и два паба. Но народ много не пьёт – норму знают, и я слежу. А пирсы длинные, сир, так это мы можем принимать и большие корабли. Здесь чуток и уже глубина.

– А что насчёт земель вокруг? Болота, скалы?

– Нет, сир, плоско везде. Трава растёт. Народ там своих овец пасёт.

– Понятно. Хреново.

– Что, сир?

– Ничего. Это просто русское слово. Не переводится. Пошли на берег, посмотрим.

Отличное место. Сюда бы с внуками приехать, покупаться, позагорать на тёплом песочке. А вот отпор врагу здесь давать совсем негде. И флота своего нет. Причалият восемь огромных корабля, сгрузят пехоту, лошадей, пушки и размажут нас на этих просторах. Даже, если солдаты будут стоять насмерть, обойдут с обеих сторон и уничтожат. Нельзя допустить выгрузки конницы и артиллерии. Чем? Этими шлюпами и рыбацкими лодками? Остаются пирсы.

– Маркиз Иоанн!

– Я здесь, сир.

– Маркиз, назначаю вас военным комендантом этого города. В военное и предвоенное время вы являетесь полноправным главой города. В мирное время, ваша должность подчиняется главе городского совета. Но не сейчас. Сер Антуан, приказы маркиза выполнять, как мои. Вы поняли?

– Да, сир, когда военная угроза, приказы маркиза выполнять, как ваши.

– Молодец. Понимаю, почему главой города выбрали тебя. Теперь слушайте оба. Мимо нас провезли телегу с бамбуком. Я так понимаю, его везут во дворец. Вернуть. Пионер! Ко мне, бегом. Слушай и ты. Запального шнура у нас много?

– Здесь одна бабина, сир.

– Мне это ничего не даёт. Сколько раз можно протянуть его от дальнего пирса к вон тем камням?

– Раз шесть, сир.

– Отлично. Слушайте все трое. Вон те строения разобрать и нарастить пирсы по высоте. Надо сделать их двухэтажными. Снаружи тоже обить досками, чтобы издали не было видно, что там. А там будут бочки с порохом. В бочки – запальные шнуры. Шнуры вставишь, маркиз, тебе это делать и поджигать их, в полый бамбук. Выкопаете канавки от пирсов и до тех камней, где и укроешься. Канавки засыпишь песком и замаскируешь. На пирсах сверху поставить бочки с нефтью. Я видел, их везли в ту сторону. Найдёте. Потренируешься, считаешь. Главное, чтобы только корабли причалили, и взрыв. Не допустить высадки пехоты на берег. Горящая нефть добавит огня. Но кораблей будет явно больше восьми. Остальные будут стоять на рейде неподалёку, ожидая своей очереди. И как раз там будут готовиться к высадке кавалеристы и артиллеристы. Их тоже надо достать как-то. Но своего флота нет.

– Да, сир. У нас сейчас только эти две шхуны и несколько рыбацких лодок.

– Кстати, почему рыбаки так бедно живут, что денег на новую сеть нет, ещё спрошу. Эти шхуны убрать. Загрузить едой и всем самым ценным и перегнать на север острова. Пирсы должны быть свободны все. Ты понял, маркиз. Восемь кораблей французов должны пришвартоваться к этим четырём пирсам. И не меньше. Поэтому посчитай отдельно, сколько будет гореть шнур до каждого пирса отдельно. Никто не ска-

жет точно, к какому причалит первый, а какой задержится. Сам понимаешь – сперва подожжешь первый, а последний никуда не денется. Таковую громаду не удержишь. Она, как лошадь, назад не ходит. А насчёт рыбацких лодок поступим так. Адмирал увидит возле берега рыбацкие лодки. Рыбаки ловят рыбу. Это нормально, это приморский город. Считай деревня. Пара кораблей лавирует, и с бортов обстреливают город, дыбы вызвать панику. Восемь кораблей, а что здесь четыре пирса, они, разумеется, уже знают, высаживают десант, чтобы блокировать и уничтожить местный гарнизон. Остальные корабли в отдалении ждут своей очереди. Логично. А вот тут-то мы их и поджарим. На пирсах. А в море мы поставим штуки три лодки. Изымите всю нефть и любые вещества, способные гореть на воде, т.е. те, что легче воды. Понятно? На лодки загрузить бочки, а поджечь их надо будет с помощью наших, как вы их называете, снайперы? Вот, именно они. Одновременно с тобой они стреляют в бочонки с порохом, что надо будет установить и замаскировать подо что-то на этих лодках. Учтите, на кораблях будут опытные солдаты, и они могут понять, что это порох. А чтобы корабли не заслонили своими бортами обстрел, снайперов надо будет положить или поставить в окопы прямо напротив лодок. Линия просматриваться будет только вдоль пирсов, поэтому и стрелков надо класть в створе с пирсами. И лодки ставить на якорь мордой к морю, чтобы корабли не раздавили их своей массой, а только слегка задели бортами. Потренируйте ма-

нёрв со шхунами, пока они здесь. На случай, если прошляпишь, и вовремя не подорвёшь бочки, оставлю тебе десяток солдат, помимо четырёх снайперов. По двое пускай бьют по одной лодке. Времени на перезарядку не будет. Как сделаешь дело – уходите. Так. Что ещё подленького можно здесь сделать? Ага. Где барон Шерлок?

– Я здесь, сир.

– Хорошо. Слушай меня внимательно, глава отдела по выполнению секретных поручений. Найдёшь местного медика. Сначала с ним. Возможно, у него есть то, что нам надо. Нет или мало, найдёшь дворцового. Но делать надо тоже очень быстро. Кстати, при появлении неприятеля, всё население эвакуировать и подальше. Куда, решите сами. Итак, в таверне, в пабах, в близ лежащих домах не должно быть никакой еды, но иметься закупоренные бочонки с вином, элем. Но не простым вином, а отравленным. И чтобы яд начал действовать не сразу, а через полчаса, чтобы одни успели напиться и уступить место другим. Пускай отметят свою успешную высадку, думая, что, если не сгорели в огне, то выжили. Ошибаются. Война для них только начинается. Восемь кораблей пехоты плюс отравленных человек хотя бы сто – это уже хорошее подспорье при сухопутной баталии. Резерва у них не будет. Просто не успеют подвести из Франции. Это нам надо использовать. Вопросы есть? Тогда приступайте к подготовке и тренировкам прямо сейчас. И не медлить! Никто не знает, когда прибудет их флот. Рыбацкие лодки

и снайперов поставить уже сегодня, пускай хоть они что-то сделают, если с остальным не успеете. Выполнять. Прямо сейчас. Вы свободны. Джентльмены, с этим участком баталии всё ясно, поехали искать место для сухопутной баталии. Здесь маркиз задержит их максимум на два часа. Основное придётся делать нам и в другом месте. Да, барон Шерлок!

– Да, сир.

– Барон, то же самое сделаете и в той деревушке, где мы с вами встретились. На юге они, по идее, тоже должны высадиться. Хоть оттуда до столицы и дальше. Действуйте от моего имени и по моему приказу. Для солидности и, чтобы избежать недовольства, возьми с собой туда одну полутонгу. Я думаю, такого количества солдат хватит, чтобы им не требовать о вас письменного моего указа. Выполняйте. Обождите, барон. Организуйте наливку вина в как можно меньшие бочонки, чтобы фельдфебели их пораздавали в свои полутонги и количество отравленных увеличится. Надеюсь, мой приказ не вызывает у вас никаких моральных порывов?

– Никак нет, сир. Это война. Тем более, их и больше и они лучше вооружены. Мы просто выравниваем силы.

– Правильно. И бережём своих солдат. А это чьи-то отцы, мужья. И последнее, пока. Прочешите весь город, выявите всех, кто приехал сюда в последние два месяца, и повесьте их. Исключением может быть, если приехали к родственникам, и родственники в них уверены. Но предупредите, окажутся шпионами французов – повесим всю семью вместе со

шпионом. Чужаков потихоньку изъять из общества, потом также потихоньку казнить, как шпионов, но чтобы без лишних мучений. Вообще-то, мы любим людей, а кто сомневается – повесим рядом. То же самое сделай на юге, а потом и в столице. Но в столице сначала разберись, могут оказаться купцы. Всё, удачи. – Я оглядел свою свиту. Не хило народу за мною мотается. Нужных – всего с десятков, остальные – Регламентники. – Капитан! Веди в харчевню. Война войною, а обед – по расписанию, потому как голодающий воин – слабый воин. Кто не кормит своих солдат, тот будет есть похлёбку пленных у своего врага. А потому, всем в харчевню и побольше наестся. Не забудьте накормить своих слуг. Капитан, подсуетись немного, заплати тем, кто сейчас там за сорванный обед, и гони в шею. Только заплати. Я проверю!

– Сир, не сомневайтесь, я не буду экономить на этих рыбаках.

Не прошло и десяти минут, как экипаж остановился у здания постоянного двора. На крыльцо выбежал хозяин заведения.

– Ваше Величество! Это такая честь для меня, но я не был предупреждён о вашем приезде, поэтому у меня всего лишь простая рыбацкая еда.

– Это нормально. Солдату в походе некогда есть деликатесы. А мы в походе. Веди и корми. Мы голодные.

– Сир, если вы подождёте полчаса, то я успею пожарить птицу.

– Не суетись, милейший. Впрочем, ставь. Может, успеешь к моему отъезду. Еда, знаешь ли, никогда лишней не бывает.

Хозяин услужливо распахнул дверь, пропуская меня вперёд.

В зале шесть столов. Прислуга носится как угорелые, готовя столы для нашего Величества. Молодцы. Я прошёл за дальний стол и сел лицом ко входу. И сразу же открылась дверь на кухню, и повара потащили на стол кувшины, кружки, миски, плошки, тарелки с хлебом и сыром. Передо мною поставили чашку с парящей жаром тушёной капустой и крупными кусками курицы. Рядом плюхнулись миски с варёной и жареной рыбой. Горкой лежали огурцы и томаты. Рядом – деревянная солонка. Капуста была не досоленная. Хотел поругаться, но вспомнил, что недосол в котле, а пересол на столе. Тем более что меня, вообще, последнее время тянет на солёненькое, но не по причине беременности, а по причине ослабления жизненной энергии, как сказал мне наш полковой медик. Посему, посоветовал он, надо больше двигаться и есть подсолённую пищу, что задерживает воду в организме. Своим медикам я доверял полностью, не то, что эти аглицкие медикусы.

– Барон, вам не кажется, что это вино больше походит на пойло для лошадей?– Я взмахом руки подозвал хозяина.– Милейший, что за гадость ты мне подсунул?– Недовольно произнёс я, помахивая перед его носом кувшином с вином.

– Сир, ваше Величество, это лучшее французское сухое

вино. Выдержка три года.

– А-а, сухое. Тогда понятно. А нормального нет? А эль у тебя тоже французский?

– Нет, сир, эль наш, островной.

– Неси. А эту французскую кислятину отдай солдатам. Кстати, к тебе, возможно, скоро придут за вином. Постарайся им выдать его во много и самой мелкой таре. Понял? Если для этого надо будет купить маленькие бочонки у соседей, купи. Я тебе потом заплачу и за это тоже. И совет от короля, что беспокоится о своих подданных, сюда идёт французский флот с войною. Ваш город мы сдадим. На время. Советую, как мы поедим, так собирай семью, и прячьтесь в глубине острова или в болотах. Не знаю. Но, сам понимаешь, захватчики за вино не платят. Это военная добыча. Всё по закону военного времени. Сам понимаешь. Отдашь вино в бочонках и съезжай. Положи что-нибудь перекусить мне в карету и иди. Если французы что подпортят, обратись ко мне, немного помогу.

– Понял, сир. Всё сделаю. Не беспокойтесь.

Я уже потихоньку начал приспособливаться к этой тяжёлой профессии короля и неудобствам, которые выпадают на его долю. Откинув шёлковую расписную занавеску, тихо и тупо смотрел на монотонно уходящие назад мрачные голые

поля. На небе хмарь иногда менялась скромным выглядыванием маленького тускло-красного солнца, которое вскоре опять затягивало рваными облаками. И так до самой дереушки, знать бы её название. Добрались до места, когда на западе горизонт окрасился кроваво-красным закатом, так и не видимого светила.

– Всем спать. Утром выезжаем на рекогносцировку. До утра объявляю выходной. Можете пить, гулять. Но утром, если кто будет мучиться с похмелья, прикажу отрубить голову. Шутка.– Но слово шутка я произнес шёпотом.

Рядом с моей комнатой уже стояли, как на страже, сменные гофмейстер и гардеробмейстер с камердинерами.

– Что, ожидаете вноса тела в апартаменты? Что там?

– Постель и сменное бельё, сир, подготовлено. Лёгкий ужин – на столе. Если изволите чего-то ещё, камер – юнкер принёсёт.

– Хорошо. Давай посмотрим, что там.

Широкая кровать, застеленная шёлковым бельём, на столике – поднос с едой и напитками. У двери на табурете жбан с водой. Всё чистенько и аккуратно. Прямо как в армии. Даже плюнуть не куда.

– Терпеть не могу шёлковые простыни. Они и холодные, и скользкие какие-то. Днём, для красоты, застилайте такими, но на ночь – простую ткань.

– Будет сделано, сир.

– В остальном – всё хорошо. Молодцы. Умоюсь сам. Раз-

денушь – тоже. До утра, джентльмены.

Как хорошо плюхнуться в кровать, вытянуть ноги и расслабить тело после многочасовой поездки в жёсткой, хоть и на мягких подушечках, карете. Хотя на моей заднице ещё не сошли мозоли после армейских сёдел. Наверное, всё-таки начинает сказываться возраст. Так и надо – послужил Родине честно, а потом – в короли, на заслуженный отдых.

Я думал, только в России такие подлые петухи. Нет же, и здесь достали, поспать не дают. Знают же, что не могу я вставать с первыми петухами, так ведь орут же, козлы проклятые. Война закончится, прикажу к моему приезду или зарубить их всех, или пускай прячут от меня подальше. Как я страшен в гневе. А вставать всё равно надо. Но только я перекинул ноги, чтобы встать, как почувствовал сильный толчок.

– Матка Боска. Что это? Землетрясение? Эй, кто там есть живой?

Дверь приоткрылась, и показалось лицо камердинера.

– Что за шум, а драки нет? что за толчок такой был?

– Не знаем, сир.

– Так иди и узнай. Зови остальных, одеваться будем.

Камердинер внес жбан с подогретой водой и полил мне из ковшика. Виконт растянул сорочку за плечики, помогая мне одеть её. Цирюльник усадил меня на табурет и занялся моей причёской, где-то подстригая, где-то подбривая. Потом приподнял зеркало, чтобы я полюбовался на себя красивого. Как только он снял салфетку с моей шеи, вошли два

камер-юнкера с подносами. Что положительно, на подносе не было сухого сыра, а лежали, аккуратно нарезанные кусочки мяса. После лёгкого завтрака камер-юнкер протянул мне шпагу, которую я прикрепил к поясу, а второй накинул мне на плечи меховой плащ.

– Сир, сегодня на улице холодно.

– Настолько?

– Да, сир.

Я спустился по ступенькам на первый этаж. В корчме пир шёл горой. Правильно. Кто знает, когда солдату удастся поесть ещё сытно. Так и надо. Увидев меня, все встали, приветствуя своего сюзерена.

– С добрым утром, джентльмены. Позавтракали? Впрочем, кто не успел, тот опоздал. Кто рано встаёт, тому Бог даёт. Думаю, к обеду вернёмся. Мне нужны будут – коннетабль, Прево короля, все полковники и их помощники, все капитаны, как пехоты, так и артиллерии, и кавалерии. Будем искать место для баталии. Мы хоть уже и не рыцари, но их наследники. А что нужно настоящему рыцарю кроме хорошей драки, военного трофея и хорошего пира после победы. Я прав, господа?

В свите восторженно закричали, прославляя битву и меня. Кто бы сомневался.

Я вышел на крыльцо первым и обалдел. Не просто обалдел, но был вынужден и зажмуриться – земля была покрыта свежим пушистым снегом, а нежные снежинки, миллионами

крохотных солнц, слепили глаза. Зима пришла, как обычно, неожиданно. Точно как в России. Надеюсь, хоть метровых сугробов не будет. А жаль, французы подмёрзли бы, да и по снегу пока бы добрались до нас.

– Кстати, господа, а что это за толчок такой был поутру?

– Скорее всего, сир, это наш остров причалил к чему-то.

Изволите послать гонца?

– Изволю. И еще пошлите гонца в Вестендорф. Где здесь помощник полковника? Этот, что племянник графа Хорста?

– Ко мне приблизился высокий, статный лет двадцати пяти мужчина.

– Сир.

– Что тебе? Кто такой?

– Сир, я помощник командира фузилёрского полка, племянник графа Хорста, вы приказали явиться к вам.

– Является только чёрт блудливым монашкам, а офицеры прибывают, когда их вызывают. Прибывают и докладывают о прибытии. Понятно? Офицер должен быть профессионал во всём. В том числе, и в выполнении Уставов и наставлений. А уж о том, что офицер обязан знать и уметь пользоваться любым оружием, даже не обсуждается. Полковник, после этой военной компании я приму по вам решение. А сейчас для вас у меня поручение, которое нежелательно поручать простому капитану. Езжайте в Вестендорф, найдите сначала одного капитана шхуны и прикажите ему определить наше местоположение. Наш остров – это большой корабль. Пус-

кай напишет координаты и нарисует на карте, где мы сейчас, куда нас прибило. После этого – на другую шхуну. Там не показывая труд первого, потребуйте того же. Потом сравните. Если расхождения небольшие, не страшно. Если уж сильно различаются, то арестуйте обоих и выясняйте, кто шпион и вредитель. Ежели кто окажется им, повесьте. Жду вашего доклада. Идите.

– Есть, сир.

– Джентльмены, а мы поедem в обратную сторону. Наша задача найти удобное для баталии место. Поехали. Полковник, я не вижу эту старую каналью – хозяина двора. Я же приказал ему ехать со мною и показывать местность. Притащите сюда этого прохвоста, что забыл о приказе своего короля.

– Сейчас сделаю, сир. У меня запомнит, что приказы выполняются быстро и в срок.

– Правильно. Но он нужен мне живой.

– Не беспокойтесь, сир. Я не первый год в армии.

– Я буду ждать его в карете.

Не успел я поудобнее устроиться на скамеечке, как дверка открылась, и тело хозяина постоянного двора, вспорхнуло вовнутрь.

– Какие люди, милейший. Едем осматривать достопримечательности ваших краёв. Хвалитесь, что и где. Особенно, узкие места, чтобы мы могли задержать противника. Показывайте всё, а я решу.

– Сделаю, сир. Всё покажу. Здесь неподалёку есть неплохое место. Я думаю, вам понравится.

– Ты показывай, милейший, а думать буду я. Эй! Поехали!

Белый снег до неузнаваемости изменил местность. Мрачная и унылая равнина стала праздничной и искрящейся, как подвенечное платье невесты, или саван покойника. Вот такой армейский юмор. Нам же здесь воевать, здесь же и хоронить погибших. Проехали чуть больше мили.

– Сир, приехали. Посмотрите это место, может, оно вам подойдёт. Это самое удобное из того, о чём говорили ваше Величество.

– И чем же оно примечательно?– спросил я, вылезая из кареты.

– Болотом, сир. Слева и справа сплошные болота. Дальше опять пустошь миль на двадцать, и там опять похожее место.

– И как широка эта полоска? А сейчас оно не замёрзло, подморозило же?

– Не больше десяти миль, сир. Тот, дальний пяточок, чуть шире по общей ширине, но там больше заболоченных островков. Здесь же всего один. Пройдёмте, сир.

– Джентльмены,– обратился я к сопровождающим меня офицерам,– от той кромки болота до той, на том конце, около десяти миль. Господа полковники, я предлагаю вам, вместе с вашими офицерами, проскакать от и до, отмечая каждую милю. Посмотрите место, измерите расстояние. Потом мы, вместе с коннетаблем, подумаем, и я приму решение.

Выполняйте, господа. Ну, что, барон?— Обратился я уже к своему главнокомандующему.— На десяти милях остановим врага, превосходящего нас по численности и вооружению?

— Смотря, сколько у него будет пушек, сир.

— Не это главное. Хуже то, что у нас пушек мало. И вглубь пускать врага нельзя, и широкое горлышко не закроем. Сейчас посчитаем и будем думать. А вы пока вспоминайте про наши пушки. Пойдёмте навстречу нашим, барон.

Офицеры возвращались довольные, с улыбками на лицах.

— Что случилось, господа? Пришло сообщение, что французы сдаются?

— Пока нет, сир, но хвост им мы здесь прижмём.

— Тогда поделитесь со мною и с бароном.

— Да, сир.— Начал доклад командир мушкетёрского полка, на лице которого был глубокий шрам после удара саблей.— Расстояние между болотами около шести миль. Спокойно можно будет поставить по тридцать шеренг, а по бокам пустить кавалерию.

— Как вариант. Барон, что мы имеем из артиллерии? Где ваш офицер — специалист по артиллерии?

— Я здесь, сир, капитан Рантье.

— Слушаю вас, сэръ. Доложите нам чего и сколько мы имеем, дальность, запас выстрелов?

— Сир, у нас в наличии восемь двухтонных пушек на четырёхколёсных лафетах. Дальность стрельбы чуть меньше двух миль, простите, сир, около двух километров. И семьдесят

две большие кулевины, весом тонна семьсот килограмм. Дальность стрельбы тысяча сто – тысяча триста метров.

– Старые пушки?

– Нет, сир. Не больше двух лет.

– Стреляли? Пристрелены? Как пушкарский наряд, обучены?

– Да, сир. Пушкарский наряд обучен. Боеприпасы имеются.

– Конкретнее.

– Артиллерийские гранаты с разлётом осколков в двадцать – двадцать пять метров, шрапнель и разрывные ядра.

– Разрывные? Хорошо хоть не каменные. Хорошо. Капитан, сломай вон там веточку и принеси мне. Жаль, бумаги нет и пера, но ничего. Спасибо, капитан. Отдохните пока, джентльмены, а я пока подумую.

Я, вооружившись веткой, начал мыслить и мудрить, как использовать ту малость, что у нас есть, в смысле – артиллерию.

– Господа, внимание! Где Жак? Маркиз, вы у нас человек с большим боевым опытом. Не подскажите, чем отличается редут от флеша?

– Да без проблем, сир. Всё просто. Редут – это земляное укрепление прямоугольной или многоугольной формы. Ров, над ним земляной вал. Сверху – места для орудий и фузилёров. Внизу тоже места для фузилёров, чтобы не допустить захвата пехотой врага. Флеш – тоже земляное укрепление,

но имеет, как правило, и тупой угол, и острый, направленный в сторону противника. Внизу – ров, глубиной два метра, выше – земляная ступенька, на которой площадка для пушек. Остальное – то же самое.

– Молодец. Исходя из этого, мы с коннетаблем бароном Смитом подумали, и я принял решение. Пушки ставим по классике, т.е. батареи по восемнадцать орудий. Уточняю. Левый фланг – болото. Дальше – километр и первый редут. Тысяча двести метров – второй. Тысяча метров – третий. Тысяча двести – флешь. До правого фланга ещё чуть больше километра, но на флешь поставить все восемь самых дальнобойных орудия. Они же начнут стрелять по врагу на самых дальних подступах, нанося ему максимальный урон и не давая ему возможности как-либо защитить свои орудия. Французские современные орудия, господа, бьют уже до трёх километров. А как нас оценивают их генералы, знает только Господь. Если к нам отнеслись серьёзно, то нас расстреляют издалека, не вступая с нами в контакт. Тогда придется жертвовать кавалерией, которая должна будет прорваться на артиллерийские позиции и испортить орудия. А это можно будет сделать, если, пожертвовав собой, пожечь фитиль на ядре и положить его под пушку. У нас найдутся таки герои, которые не пожалеют своей жизни за Отечество?

– Да, сир, несомненно.

– А вот это надо будет уточнить. Заодно пообещать этим героям, что их семьи получат денежную компенсацию золо-

том и денежную пенсию жене пожизненно. Если у них не будет таких пушек или получится их вывести из строя, то мы повоюем и победим.

– Сир, – обратился ко мне коннетабль, – а вы уверены, что мы победим их.

– Конечно. Конечно, я уверен, только у меня нет полной уверенности. Но иначе нам нельзя. Враг будет разбит. На этом рубеже или дальше, но разбит. Остальные пушки надо будет выдвинуть на южном направлении, чтобы нам не ударили с тыла или не произошло объединения. Пионерам возводить сооружения в тесной связке с пушкарскими нарядами. Им же, сразу после установки орудий, пристрелять на дальность, используя прицельные клинья. Особенность артиллерийского огня в том, что большинство снарядов перелетают через пехотные шеренги. У вас будет время пострелять и отметить на поле места падения ядер при помощи клиньев. Кто у нас главный пионер? Вы, барон? Оставьте здесь толкового офицера, а вы со мною поедете на рекогносцировку южной баталии. Так, где корчмарь?

– Я здесь, сир, весь во внимании.

– Молодец, если так. Скажи, так можно перейти по болоту, пока подморозило?

– Нет, сир. Я не знаю почему, но даже в сильные холода наши болота не замерзают. Может, сказывается близость солёной морской воды?

– Хорошо. Но проверить надо. Барон, не забудьте, пожа-

луйста. Пионеры и канониры остаются и начинают работать!
Остальные – за мной!

Я вылез из кареты возле крыльца корчмы, и тут же поймал себя на мысли – или харчевни? Недостаток моей профессии, что королю нельзя проявлять такую неосведомлённость в таких вопросах. Ответить-то ответят, но что подумают сразу, и что будут говорить потом и в каких тонах, тоже понятно. Распогодилось. На голубом небе наконец-то появилось и засветило ласковое солнышко. Снежинки на земле, отражая свет, слепили снизу так, что приходилось щуриться.

– Джентльмены, дорога на юг почти двести миль. Сегодня нет смысла выдвигаться в путь, т.к. неизвестно, где и когда мы найдём подходящее для баталии место. Сегодня отдыхайте. Завтра с первыми лучами солнца выдвигаемся. Маркиз, предупредите кого надо о подъёме и обо всём, что может потребоваться в пути. А я пойду, почитаю. Пока есть оказия, хочу ознакомиться с трактатом “Искусство войны. Хроники баталий“. Там пишут о новых вариантах использования фузилёрских полков. Весьма своевременная книга. А вы пока отдыхайте. – Кивнув на прощание, я поднялся к себе в комнату. Камер – юнкеры забрали шпагу и помогли разоблачиться. Облиться тёплой водой, помыть ноги. Не подозревал, что тёплая вода такая приятная. В бане – да. С венич-

ком, с крутым паром. Но мне и в голову не приходило, что можно умываться или мыть ноги холодной водой. Видимо, старею. Бросил подушку к стене и улёгся полулёжа. Щёлкнул пальцами и показал, чтобы поднос с мелко нарезанным мясом поставили рядом. Потом то же самое – на книгу на столе. Интересно то, что описание этого военного искусства начиналось с России 1240 года. Чем были вооружены наши воины, и кто ими командовал. А начиная с битвы при Калке, текст был дополнен ещё рисунками и схемами, по которым наглядно было видно, кто и какие ошибки допустил. Это ещё раз подтвердило то, что командующий не должен сам лезть в драку, а отслеживать ситуацию с возвышения. Хотя в России привыкли по несколько раз наступать на одни и те же грабли. Здесь даже не поймешь – то ли природная лень, то ли природная тупость. Но, при этом, какое огромное количество сражений мы выиграла. По мановению руки и карта тоже оказалась рядом со мною. Не знаю, что там напридумает мой командующий, но уповать на его теории, ни разу не проверенные практикой, чревато. Лучше отработать несколько вариантов. В том числе и отступления. Не заметил, как в комнате оказались зажжённые свечи. И только когда внесли еще пару светильников, и сквозняк на стене начал показывать театр теней, я понял, что что-то упустил.

– Что? Уже стемнело?

– Да, сир. Уже глубокая ночь.

– Ни хрена себе. Сворачиваем. Утром будите, даже, если

буду ругаться и звать палача, чтобы отрубил вам головы. Он свою жизнь до конца отдал службе королю. Как романтично. Менестрели потом будут петь о вас песни. Счастливики.

Взбодлив своих подданных, я рухнул на подушки.

Мои внутренние часы разбудили меня за несколько секунд до того, как моя дверь, слегка скрипнув, пропустила через себя моего камергера.

– Что, крайнего нашли? Остальные испугались, что я их с палачом познакомлю? Правильно. Нельзя, чтобы служба мёдом казалась, иначе выходной день будешь воспринимать, как наказание или оскорбление. Зови наших героев, одеваться, умываться будем. Наше Величество пробудилось.

Я так и не понял, или у них с юмором напряг, или у предыдущих королей? Но вид у них был какой-то зашуганный.

– Стоп. Утром умываться тёплой водой?! Давай холодную. Можно туда немного снега добавить, чтобы позлее была. Я же не проснусь!

Облившись по пояс холодной водой, растёрся докрасна полотенцем.

– А теперь горячего чая с пирожками да пирогами. Здесь не пироги, а объедение. Все за стол. Сегодня у короля званный завтрак. А кто не пришёл, тот опоздал. Не забудьте положить пирожков в дорогу. Да укутайте их получше, чтобы

тёпленькими остались.

В приподнятом настроении легко сбежал по лестнице. За столами сидели придворные, как будто и не уходили с вечера. А, может, кто и не уходил. Я в молодости сколько раз гулял по ночам, а утром шёл на службу. Молодость, что тут скажешь. Только вздохнёшь об ушедших безвозвратно годах.

– Джентльмены, по коням. Остальные пускай догоняют. Где хозяин двора?

– Я здесь, сир.

– А ты почему не одет?

– Сир, я на юг ездил, только когда мне было двенадцать лет. Больше ни разу. Вестендорф и королевский дворец – эти места, куда мне постоянно приходится ездить. У рыбаков я закупаю рыбу, а на королевскую кухню сдаю. Сир, там я вам не смогу помочь.

– Ладно. Оставайся на хозяйстве. Сами справимся. Поехали.

Почти рассвело. За моей каретой слышалось радостное разноголосие свиты, изредка прерываемое ржанием лошадей, впрочем, мало отличаемое от ржания молодых здоровых мужиков, выехавших на увеселительную прогулку. Сколько их останется в живых к концу месяца? Никто не знает. Правильно, что в православии не практикуется гадание и предсказания. Разве было бы такое хорошее настроение у моей свиты, если бы половина из них знала, что не прожи-

вет и месяца. И именно моя забота сократить безвозвратные потери. Сквозь распахнутые занавески лёгкий морозец покусывал нос и щёки, но всё равно было хорошо и приятно. Мы ехали уже больше часа, когда я обратил внимание, что редкие деревца исчезли, а вместо белоснежного поля появилась какая-то грязная степь. Я подёргал колокольчик, давая понять, что хочу видеть и слышать кучера. Окошечко на передней стенке открылось, и показалось лицо камергера.

– Что изволите, сир?

– Тормози. Вылезти хочу.

Слегка кряхтя, вылез, потянулся.

– Капитан, проверь, что там за грязь.

Капитан кивнул и гусар, слегка пожав коленями лошадь, послал её вперёд. Но уже в десяти шагах от дороги лошадь стала проваливаться чуть ли не по брюхо в грязную жижу. Рядовой попридержал лошадь и оглянулся на меня. Я махнул рукой, возвращая его назад.

– Теперь туда. Постарайся посчитать расстояние. Начнётся болото – поставь вешку.

Я пошел на правый фланг возможной обороны. Метров через сто я увидел деревце.

– Капитан, пошли ещё. Пускай объедут кругом. Видишь дерево. Надо узнать насколько за болотом далеко простирается степь. Возможно, ли будет обогнуть это место, если здесь будет стоять батарея? Езжай сам, оцени обстановку.

– Есть, сир.

Когда я вернулся к дороге, первый гусар уже стоял возле лошади, обтирая её от грязи.

– Ну, что?

За гусара ответил коннетабль.

– Сир, около пятисот метров. И, судя по виду местности, болото идёт далеко вглубь и в стороны.

– Отлично. Теперь всё зависит от результатов, что доложит капитан. А это что за столбики?

– Сир, так по Указу короля Карла вся земля острова разграничена такими столбиками.

– Так мы стоим на границе наших земель. Чудесно. Ишь ты, как совпало. О, и капитан возвращается. Ну, что, капитан, что плохого?

– Плохого ничего, сир. Справа от дороги болото метров сто – сто пятьдесят, судя по цвету. Дальше – пятьдесят метров суши и начинается заболоченная местность. Дальше вообще видны участки воды. С фланга не обойдут, если там поставить флешь и хотя бы пару пушек на неё.

– Вот только где взять эту пару. У нас всего их восемь. Одну ещё поставить можно. Но учитывая это, там и штурмовать в основном будут. Нужно будет хорошее пехотное прикрытие. – Я оглянулся в поисках знакомого лица. – Сэр! Полковник! Да, да, вы.

– Сир, командир первого мушкетёрского полка вашего Величества барон...

– Стоп. Мне сейчас не нужны бароны. Бароны пускай на

балах танцуют. Мне сейчас нужны офицеры, полковники, капитаны, лейтенанты. Причём боевые офицеры, коим являетесь и вы, как мне доложили. Герцог де Кале! Когда вернёмся, подготовьте Указ, и я подпишу. Моим Указом от сего дня я, король Вестленда Владимир Первый де ля Рошен, присваиваю полковнику барону Лившиц очередное воинское звание генерала от инфантерии и назначаю первым заместителем коннетабля.

– Сир, но у нас такого звания нет.

– Точнее, не было. Теперь есть. Генерал, ваш первый мушкетёрский полк остаётся с вами и под вашим командованием. А вы остаётесь здесь. Мы люди военные, поэтому скажу прямо. Если не прав, поправьте. На юге место для высадки десанта удобное, но выгрузка лошадей и тяжёлых пушек, проблематична. Сколько-то пушек выгрузят. Скорее всего, это будут лёгкие фоконы. Они весом 300 кг. Или даже фоконо. Они вообще весят всего 200 кг. Но у них и заряд весит всего пятьсот грамм. Основным вашим противником будут фузилёры и копейщики. Сколько? Не знаю. Возможно, тоже полк или два. На этом участке, при наличии восьми пушек, составом полка задержать можно. У вас есть крестьяне. Может, вы привлечёте их. Поскребите по сусекам, как говорят на Руси, наберите арбалетов, луков. У вас же, как мне доложили, свой хороший сокольничий. Подключите его. Время у вас пока есть. На оборону этой дороги я даю вам чистый лист или, как говорят французы, карт-бланш. Принимайте реше-

ния, но и отвечать за них придётся тоже вам. Впрочем, этим вас не напугаешь. Я попробую поговорить с королём Карлом, и попросить его выставить свои войска. Тем более, это уже его земли. Но не гарантирую результат. Не всегда логика побеждает амбиции. Не его, конечно, а его опекунши и прочих вокруг него. Чтобы избежать обхода справа, я имею в виду восточное побережье острова, поставьте заслон и там. Плевать, что это чужая территория. Я не собираюсь из-за этих соплей проигрывать войну. Про триста спартанцев читали?

– Конечно, сир.

– Не повторите их ошибку. Тем более, вы знаете, чем это закончилось. Если переговоры с Карлом завершатся удачно, то по мере прибытия его войск, собирайте свои в один кулак, а потом отходите к основной нашей армии. Попробуйте найти местных. Может, кто из них знает тайную тропу сквозь болото. С началом боевых действий ваш полк будет отрезан с двух сторон. Как, собственно, и ваш кордон в сторону восточного побережья. Уводя свои войска, убедитесь, что ваш сменщик боевой умный офицер, а не шапкозакидатель. Есть у нас в России такие генералы, что сначала бахвалятся будущими подвигами, а потом солдат губят тысячами, типа русские бабы ещё нарожают. Я, пока король и сюзерен, таких генералов и командиров полков буду отстранять от командования. Помните, что пушки страдают перелётами. Пристреляйте местность заранее. Прицельный клин придумали не зря, так используйте его умело. Флешь ставьте на дороге, раз-

резайте вражеские шеренги. Если будут наступать швейцарской баталией, т.е. по тридцать – пятьдесят шеренг, бейте картечью. Если отдельными полками – попробуйте артиллерийские гранаты. У них почти пятьдесят осколков разлетаются на тридцать метров. В пушки пороха не жалейте – ядра дальше полетят. Жаль, нечем ударить с фланга по шеренгам. У меня в полку были переносные наряды. Ядра у них маленькие, но урон наносят. Я их перевозил на вьючных лошадях, а на поле – носили люди пушечного наряда.

– Сир, у меня во дворце четыре таких. Я их для красоты перед входом установил.

– Отлично. Есть время привести их в порядок и опробовать. Вопросы есть? Собственно, какие вопросы. У вас власть практически коннетабля. Дерзайте. По-возможности, обменивайтесь посыльными с коннетаблем. Пока мир, держите меня в курсе хода подготовки. Переживаю всё-таки, хоть и не будет меня здесь. Мне докладывают, что у Карла есть те, кто очень недоволен разделом королевства. Они могут помешать нам. Не исключено, что они тайные шпионы французов, и сделают всё, чтобы он не послал войска. Я на вас очень надеюсь, генерал.

– Я сделаю всё, что возможно, и даже больше, сир. Вы можете быть уверены во мне. Всё будет хорошо, если... И этих, если слишком много. Удачу держите в уме, но рассчитывайте, прежде всего, на себя, на свой опыт, на подготовку позиций. Помимо штатных пятидесяти зарядов на мушкет, под-

везите еще столько, чтобы держать оборону несколько дней, а то и недель. Не забудьте о питании, воде для людей и лошадей, о перевязочных материалах. Вам никто ничего не подвезёт. Поняли?

– Да, сир, я сяду, продумаю и запишу.

– И это правильно. Самая лучшая память – это бумага и гусиное перо. Хорошо. С этим участком обороны ясно. Главное теперь – это успеть построить флешь.

– Успею, сир. Я сгоню сюда всех со своих земель. Справлюсь.

– Надеюсь и благослови вас Господь на эту подготовку и саму баталию. Просчитайте варианты размещения ваших рот или полутонгов. Надо продумать, как защитить своих солдат от огня противника, и нашей флешки от фузилёров – бегунов, что бросятся штурмовать её. Короче, думайте, генерал.

Кивнув на прощание, я пошёл к карете.

– Всё, джентльмены, возвращаемся. Основное сражение у нас будет там. Не будем терять времени. По коням!

Подъехали к постоялому двору с первыми сумерками.

– Джентльмены, все свободны до утра. После завтрака выезжаем к редутам.

– Сир, к вам полковник Хорст с докладом.

– Значит, Хорсты братья, а не брат с сестрой. Зови.

– Сир, разрешите доложить? Полковник Хорст, по вашему приказу.

– Слушаю, полковник.

– Сир, наш остров стоял у островов Северной Шотландии.

– Стоял? А сейчас не стоит?

– Так точно, сир. По докладам капитанов шхун, мы потихоньку дрейфуем к берегам Франции.

– А вы допрашивали капитанов вместе?

– Сир, согласно вашего приказа, я прибыл на первую шхуну и потребовал определить наше местоположение в море. Капитан сказал, что определял его сразу после толчка, и определил его, как остров Кьмал, что на самом севере Шотландии. После этого я переплыл на вторую шхуну и потребовал того же. Капитан в моём присутствии произвёл измерения. У него получилось, что мы на несколько миль южнее. Я арестовал обоих и доставил на постоянный двор. Там их развели по разным комнатам, где они повторили замеры. На этот раз их показания совпали. Я решил выяснить причину расхождений. С бароном Шерлоком мы их допросили. Капитаны объяснили, что остров регулярно, достигая севера Шотландии, сталкивается с одним из островов. Иногда налетает на остров и потом, раскачиваемый течением, сползает за месяц или полгода. Иногда ударяется о скалистый остров и отскакивает от него. Разница только во времени. Потом начинает дрейфовать к югу Англии. Потом может уйти по

Ламаншу ближе к Скандинавии или прибуёт к берегу Франции. И опять погонит на север. И так уже несколько сотен лет. Сейчас мы где-то посередине Шотландии. В тот момент дрейф был пять – семь узлов в час. Но скорость меняется – чем ближе к краю, тем медленнее.

– Доступно и популярно. Хорошо. Я доволен. Хотя известие не очень радостное. Мы плывём навстречу французскому флоту. Земляные работы надо активизировать. Барон Смит? А где наши войска, артиллерия, обоз?

– Сир, кавалерия перевооружается. Завтра после обеда прибудет на место. Артиллерия – в одном переходе отсюда и так же завтра будет здесь. Пехотинцы будут только послезавтра ближе к обеду.

– Должны успеть. Ускорить работу на редутах и флешах. Объявить мобилизацию. Со всех дворцов, охотничьих домиков собрать арбалеты и луки и всех, кто умеет ими пользоваться. Мужиков вооружить вилами, косами и всем, что можно придумать и быстро изготовить. Мужиками усилить оборону флешей. Естественно, их ставит позади копейщиков и в бой пускать, когда уже завяжется драка, и вражеские копейщики будут не опасны. Реквизировать всех лошадей. Мобилизовать всех мужчин-дворян от восемнадцати лет и до пятидесяти пяти. Если в семье один ребёнок, сына не брать. Тоже касается и крестьян. Полковник Хорст, по прибытию сюда артиллерии, забираете восемь кулеврин, запас пороха, шрапнели и гранат, а также бумагу, порох и пули для

мушкетеров на неделю боя и убываете в распоряжение генерала Лившиц на южную дорогу. Ему как раз нужен командир полка мушкетёров. Скажете ему – я прислал. Теперь он зам. коннетабля. Пойдёмте, я дам вам на вечер трактат по теории военного искусства. Почитаете новинки, расскажете генералу. Французы тоже могут изменить тактику боя. Вы должны быть готовы к неожиданностям. Не бойтесь показать свою образованность и способность обосновать свою мысль. Последнее слово – за генералом. Но, если вы считаете себя правым, продолжайте обосновывать. В крайнем случае, просчитайте и подготовьтесь к действиям, если обстановка сложится по вашему замыслу, чтобы вы оперативно смогли повлиять на ситуацию.

Вручив книгу, я отмахнулся от юнкеров, сел на кровать и задумался. На улице штиль, но течение не остановишь, а оно неумолимо несёт нас в пасть к врагу. И ничего не изменить. Господи, помоги. Ведь погибнем. Народ настроен решительно. Все хотят и будут воевать, но позиции не подготовлены, взаимодействие войск не отлажено. Армия чуть лучше партизанской бригады. Сколько народа погибнет зря. Что делать? Господи, помоги.

– Ну, что, заботливые вы мои. Давайте, раздевайте своего монарха. Умыться, поесть, а потом, как говорят на Руси, на горшок и спать. Утром разбудите пораньше.

Отработал все положенные мероприятия, лёг спать, но сон не идёт. Как здесь заснёшь, когда такое. Поднялся, на-

кинул на плечи тёплый плащ и спустился вниз. Потихонечку говорят, потихонечку поют, потихонечку пьют. Молодцы, чтобы не мешать спать сюзерену. Стараясь не привлечь внимания, вышел на улицу. Совсем уже стемнело. Луны не было. Всё покрыто мраком и тихо, как на кладбище. Под ногами громко поскрипывал снег, а мороз потихоньку кусал за нос и щёки. Почему-то пахло гарью. Не хватало ещё пожара.

– Часовой! Чем так пахнет? Не горит ничего?

– Ваше Величество, пахнет давно. Если б горело у нас, давно бы увидел. Это с ветром тянет. Наверное, это там где-то, вдалеке на севере горит, а сюда доносит.

– А там деревни или поселения, какие есть?

– Да какие поселения? Там одни болота. Может, что в болоте загорелось.

– Ладно, главное – не мы горим. Но видишь, какое красное зарево?

– Да, ваше Величество, но видать уж больно далеко оно. Почти на севере острова деревеньки есть, но пожарище уж за десяток миль не видно. Значит, в болоте что-то подпалилось. Всё равно не проверишь – топко там больно.

– А, и леший с ними. Пойду спать, завтра рано вставать. Будем диспозицию на местности изучать, как лучше француза разбить.

– Не беспокойтесь, ваше Величество, мы им покажем, не дрогнем.

– Пушек мало, а у них много. А пушки стреляют далеко.

Вот и ломай голову, как поступить.

– Ваше Величество, мы победим.

– Не сомневаюсь.

Поговорил, вроде бы, как душу успокоил. Наверное, мне была нужна моральная поддержка. Крутой монарх не может показывать слабость или неуверенность, а душа-то всё равно трепещется, мучается и сомневается. Но, если Бог с нами, то кто против нас? Вот то-то и оно.

Я поднялся к себе, лёг спать и сразу же заснул, чего уже давно не было. И сны мне снились цветные и радостные.

– Сир, вы приказывали вас разбудить пораньше. Солнце уже взошло, сир. И вам, сир, возможно, будет любопытно взглянуть, что сейчас на улице.

– И что же там может такого произойти?– Недовольно – сонным голосом поинтересовался я.

– Сир, вам лучше взглянуть самому. Трудно объяснить.

Я встряхнулся, как собака, вылезшая из воды, взбодрился, накинул плащ и пошёл следом за юнкером.

– Батюшки мои.– Не удержался я от восклицания. Только вчера я топтался по белоснежному полю, а сейчас вся земля, дома и даже деревья были покрыты сажей. – Что за трубочист постарался? Старожилы есть? Кто знает, что такое случилось?

– Сир,– подошёл ко мне хозяин двора,– мне дед рассказывал, что, когда он был маленький, далеко на севере начал извергаться вулкан. Тогда тоже всё вокруг засыпало пеплом, а потом раздался грохот и полетели огромные камни. Некоторые были даже больше домов. Они до сих еще валяются в разных местах острова. Но тогда остров был намного севернее, хотя тоже уже плыл на юг. Тогда сильно досталось острову. Много строений было разрушено, что-то сгорело. Не дай Бог, чтобы опять такое повторилось.

– Так помолись, чтобы нас не накрыло, а всё отнесло на французский флот. Гляди, какие огромные чёрные тучи, как девятый вал, несутся над нами, опережая нас. И ведь эта чернота где-то обрушится вниз.

– Не приведи Господь, чтобы это рухнуло на нас.

– Я думаю, не рухнет, т.к. я только вчера молился, чтобы Господь хоть как-то задержал нашу встречу с французами. Господь услышал меня и дал мне по молитве моей. Молитва верующего многое может.

– Да, сир. Наш капеллан тоже так говорит.

– Только перед молитвой надо покаяться и простить братьев своих, чтобы и Бог мог простить тебя. И тогда уже с чистой душой начинай молиться. Молись о духовном, а остальное приложится. Так учил апостол Павел.

– Сир, вам бы священником к нам в костёл.

– Был военным. Ушёл на пенсию. Стал королём. Уйду на пенсию опять, тогда, может, и приеду к вам священником. А

пока французов разбить надо. Веди, угощай своими деликатесами. Когда ещё хорошо поесть придётся?

И опять грех обжорства. Опять придётся каяться, что не удержался и набил свою утробу этими отварными в вине кусками мяса, курицей, фаршированной грибами, жареной, вареной и печёной рыбой разных сортов и размеров. И опять ругал свой ненасытный желудок, который только вчера вечером объелся, а сегодня кричит, что его морят голодом. Воистину, дух мой твёрд, но плоть моя слаба. Насилу заставил себя выползти из-за стола.

– Всё. Хорошего понемногу. Пора и делом заняться. По коням, джентльмены.

Чёрный дождь практически перестал.

– Коня! Карету потом подгоните. Вперёд, джентльмены.

Любой вид транспорта в удовольствие, если к нему привык. Помню юнкером, какие мозоли натирал о седло, часами отрабатывая джигитовку и рубку на скаку. Я же не мог опозорить свой древний род потомственных воинов слабой физической или воинской подготовкой. А сколько раз это потом спасало мне жизнь. Кто проливает свой пот на тренировках, тот в бою проливает только чужую кровь. Но это осознаёшь только со временем. Многие ленивые этого осознать теперь не смогут. Да и имена их я теперь тоже не помню. Помнят героев.

Очертания наших будущих укреплений уже начали проявляться на поле, как шляпки молодых грибов после дождя. Но и дождь выпал чёрный, и поля даже без боя уже покрыло пеплом. Я гарцевал на коне там, где, скорее всего, будет находиться командующий французского экспедиционного корпуса во время баталии.

– Барон Смит, как вы думаете, сколько человек будет под командованием командира французской экспедиции?

– Сир, это зависит от...

– Барон, я знаю, от чего это может зависеть. Мне не нужна абстрактная теория. С каким войском оптимально надо прибыть к нам на остров, чтобы разгромить наши неполные двенадцать тысяч и захватить остров. Согласен, весь остров захватывать не надо. Но всё же?

– Учитывая, что мы на своей земле, мы можем поставить под ружьё население городов, а это увеличит численность войск. Поэтому им нужно будет высадить здесь, как минимум, двойной перевес, т.е. тысяч двадцать.

– Да уж. Я тоже где-то так подумал. Плохо, что мы сошлись во мнениях. На Руси говорят, что просто шапками забросают. В битве при Фермопилах спартанцам сказали, что персидские стрелы закроют солнце. У нас его могут закрыть французские пули и ядра. Хорошо хоть, что трёх метровые пики метать нельзя. Но дотянуться через ров до защитников редута, можно. Дайте команду, чтобы рвы рыли и глубже и

шире. Для нас потеря хоть одного редута есть провал всей войны. В этот проход ринется всё французское войско, блокируя остальные сооружения с тыла. Их просто заблокируют, как средневековую крепость, а сами устремятся в столицу. Барон, вы планируете оставить резерв, которым будете латать дыры в обороне?

– Да, сир. Один полк будет в резерве.

– После третьего редута небольшое болотце. Для нас это, как ещё один редут. Он хоть и не стреляет, но и позиций своих не сдаст. Но за ним чуть больше двух миль, которые должна прикрыть флешь. А помощь им можно будет оказывать только объезжая вокруг этого болота. Это минус. Это минус один полк, т.к. там придётся ставить полк целиком. Причём полк будет разорван на две части, каждая из которых будет оборонять по одной мили. Я боюсь, что на каждой этой мили мы увидим по одному французскому полку. А если ещё и кавалерия подключится? Кстати, барон, какую тактику боя вы предпримите?

– Сир, весь мир уже давно признал самой эффективной швейцарскую баталию, т.е. развёрнутый строй полка. В центре пикейщики в тридцать или сорок пять рядов. По бокам – фузилёры. А ещё дальше – кавалерия.

– И такой строй – лакомый кусок для канониров. Учитывая стабильные перелёты ядер. Шрапнелью ваши полки сократят вдвое ещё до рукопашной. Хорошо бы, если они стали так наступать. Мы бы тогда почти сравняли бы численность

войск. Но французы не дураки. Они знают о наших пушках, об узких дорогах, о болотах. Они не пойдут так, чтобы тупо подставить свои войска под губительный огонь нашей артиллерии. Прикажите, чтобы на побережье поставили наблюдательные посты. При появлении флота противника, сосчитают паруса и на перекладных лошадях моментально сообщат вам. Вы останетесь здесь и будете контролировать ход строительства редутов и прочего, что вы придумаете, чтобы задержать кавалерию. Под словом побережье, я имел в виду и южное, которое будет оборонять ваш заместитель. Он всё-таки ваш заместитель и вы должны беспокоиться о нём. При первом же известии, шлёте посыльного с докладом мне. И ещё. Поиграйте в войну, пока нет врага. Если вы поставите наши полки так, как вы планируете, то вас легко обойдут с фланга. Вы сами сказали, что у них будет солдат вдвое больше, чем у нас. Поиграйте целыми полками, потом – по-батальонно, потом – поротно. Отработайте команды на перестроения из одного строя в другой. Почитайте строи римских легионов, когда они быстро перестраивались из каре в черепаху и наоборот. Пока строят укрепления, между ними можно спокойно тренироваться. Вы поняли меня?

– Да, сир.

– Но и это не всё. Нас отсюда, скорее всего, выбьют. Мы будем вынуждены немного отступить. Но куда? Поехали смотреть место для новой диспозиции.

Пришпорив лошадей, мы поскакали в поисках нового по-

ля для сражения. И только проскакав миль тридцать, практически загнав лошадей, мы, наконец-то, нашли более-менее подходящее место. Ещё с десятков миль дальше и дорога заворачивает круто налево и уже практически прямая идёт в столицу, оставляя слева болота и открывая чистые поля справа, почти до самого берега, оставляя позади болота юго-востока острова. Воевать на просторах хорошо, когда у тебя тысяч сто или сто пятьдесят. Но это не Россия.

– Проводим рекогносцировку. После этого я уезжаю во дворец, а все офицеры – возвращаются. Пока не победим, забудьте о доме. Как раз для того, чтобы ваши дома не сжёг враг, вы должны быть там. Барон Смит, этой позиции вам надо уделить внимание не меньше, чем первой. Кто знает, какая из них окажется решающей в войне. Выиграв одно сражение, можно поиграть войну. Капитан, разведите костры, вскипятите и заварите чай. Организуйте ужин для всех. А мы пока посмотрим местность.

Справа было всё обычно для этой местности – десять метров от дороги и болота, в которых вязнет и лошадь, и человек. Слева, в паре километрах, небольшое озеро, опять поле, метров сто и начиналось болото.

– Герцог де Кале, пометьте себе – пригнать сюда крестьян. Женщин оставить дома, пускай за хозяйством присматривают. Живность тоже кормить надо. А вот, если есть вдовы, даже с детьми, гоните. Всех кормить за счёт королевской казны. Проиграем войну, и казна не нужна будет. Барон, до озе-

ра поставите два редута. Но редуты не простые. Исходя из того, что артиллерии у нас уже не будет, сначала ров. Два метра глубиной и два шириной. Над ним земляная ступенька высотой в полтора метра. Неширокая. На ней – из плетня двойной забор шириной в полметра. Промежуток засыпать землёй, чтоб пулей не пробило. Потом – под уклон плавный спуск. На земле за ступенькой будут стоять солдаты, и заряжать фузеи. Шеренга выстрелила, уступила место, спустилась вниз и перезаряжает. От пикейщиков и стрелков защитит, но пушка с полкилометра пробивает два метра грунта и потом ядро взрывается. Значит, ступеньку делать шириной три метра. Здесь или победим, или умрём. Дальше отступать некуда. Да и нечем будет. На том и порешили. Крестьян нагнать и на те позиции, чтобы солдат не отвлекать от тренировок. Барон, герцог? Вам всё понятно?

– Да, сир.

– Я запомнил, сир, и по прибытию во дворец сразу всё исполню.

– Барон, мою карету пришлёте во дворец. А сейчас небольшой перекус. Когда отдыхаешь на природе, всегда аппетит разыгрывается. Помню в детстве любил хлеб поджаривать на костре. Наткнёшь кусок на веточку и в костёр. Вкусно. Полевым офицерам не привыкать есть на земле, а остальные – попробуйте. Может, у вас изменится отношение к военным. А то смотрю, при дворе всё больше брезгливое отношение видел. Вырождается народ, изнежился. Ночевать в

поле? Как? А вот так! Шушукаются за моей спиной! Недовольны. Тренируйтесь! Завоюет нас француз, поработаете в каменоломнях, узнаете. Если думаете, что дворяне, так вас пощадят? У них своих девать некуда. Всем землю дай, замки, дворцы, крестьян. Вы губы-то не раскатывайте, а то вам французским прикладом закатают назад.

– Сир! Но мы же молчим!

– Слышу я, как вы молчите. Вы забыли, что я офицер? Значит, отличное здоровье и слух тоже отличный. Ох, разлили меня. Не хочу с вами есть. Капитан! По коням. Едем во дворец. Барон, жду известий. Что будут неприятные, не сомневаюсь. Главное – вовремя.

Как быстро привыкаешь к хорошему. Лишь чуть-чуть пожил в отставке в своём имении, поспал на перине, а теперь моя пятая точка категорически не хочет четвёртый час стучаться об седло. Но надо. В суровые дни ожидания, я, как сюзерен, должен показывать образец мужества, стойкости и быть, опять же, образцом для подражания. Ну, не такой же ценой, ядрёна вошь. Периодически оглядываясь, вижу, что моя свита чувствует себя также хреново, и, наверняка, материт меня в три этажа. Ничего, пускай отработывают свою привилегию быть постоянно со мной.

Хоть и крайне медленно, но дворец всё-таки приближал-

ся к нам. Зараза, оставшийся отрезок дороги прямой, как стрела. Хоть бы, какой изгиб, чтобы использовать, как повод остановиться, отдохнуть, размять ноги. Так нет же. И что разозлился? Так бы посидел, поел мяса, отдохнул. Ага, тут же встряло моё второе я, которое помнило меня ещё бравым воякой, посмотри на землю – черное ледяное месиво, которое завтра растает и станет жижей. Но, как бы в ответ на мои слова, с неба посыпался мягкий и пушистый снег. Ветер стих. Погода стала как в новогоднюю ночь. А до дворца ещё скакать и скакать.

– Тпру-у. Стоять. Джентльмены, немного отдохнём и порадуемся жизни. Какая погода! Только на войне, да ещё и лёжа в лазарете с раной, начинаешь обращать внимание на природу и на то, как здорово жить. До этого жизнь просто катится себе колесом, и не обращаешь на неё никакого внимания. А в природе, как и в жизни, всё время что-то происходит. Позавчера – белый и пушистый снег, вчера – чёрная копоть, а сегодня опять радость от белого снега. Так и в жизни. Даже здесь. Мы только что неслись несколько часов, загоня лошадей и себя. А теперь бродим, разминая ноги, получая удовольствие от этого неожиданного снега. При этом осознавая, что это ненадолго и вскоре надо будет опять впрыгивать в седло и нестись дальше по жизни.

– Сир, удовольствие можно продлить. – Сказал капитан, подходя ко мне с узелком. – У меня здесь хлеб и порезанное мясо.

– Опа. Как здорово. Разделите сначала на всех и угощайте.

Два рядовых гусара положили на землю свои ранцы и на них капитан кинжалом начал делить мясо и хлеб.

– Дели поровну. Мы в походе.

– Есть, сир.

Разделив, капитан стал класть куски на кусочек материи и, как на подносе, разносить по офицерам. Потом подошли солдаты и разобрали остальное. Я простоял до конца у пункта раздачи пищи, убеждаясь, что все накормлены. Или, по крайней мере, не забыты. Король должен проявлять свою заботу о подданных. По крайней мере, на людях. Я стоял, жевал кусок жилистого мяса. Как по закону подлости, он достался именно мне. Снег всё сыпал и сыпал. Как всё это обернётся для нас? Сильно ли помешает работать? Если завтра начнёт таять, то копать будет проблематично. Вводная за вводной. Как хорошо было быть простым лейтенантом – тупо выполняешь приказ капитана и всё. Не о чём не беспокоишься. Тебя и накормят и напоят. Благодать. Чем больше чин, тем больше забот и ответственности.

– Передохнули? Больше не просите, не остановлю. Отдыхать дома будем. По коням, джентльмены.

Сейчас скакать было намного приятнее. Много ли человеку для счастья надо?

Прискакали уже в глубоких сумерках. Полная луна огромным жёлтым глазом проследила наши шаги аж до самых дверей дворца.

– А вот тебе, больше не подсмотришь.– Сказал я ей, чтобы хоть кому-то насолить.

В спальне уставшие, буквально шатающиеся от усталости юнкера попытались помочь мне раздеться.

– Джентльмены, я ещё не ветхий старик. Идите. Вот есть камердинеры. Они просидели всё время дома. Они помогут.

Только ради таких глаз, такого благодарного взгляда можно было так мучить себя многочасовой скачкой. Но повторять это, ради этого, мне не хотелось. Хорошего понемногу. А то от любви до ненависти всего один шаг. Красиво жить не запретишь. Старенькие, лет шестидесяти камердинеры заботливо помогли умыться, подвинули поближе к кровати столик с кувшином и закуской, и также заботливо подоткнули со всех сторон одеяло, чтобы не дуло. Сон не заставил себя ждать.

Я проснулся, потянулся и громко зевнул. Этого оказалось достаточным, чтобы меня услышали. Дверь открылась и вовнутрь ввалилась целая делегация.

– Что ещё, джентльмены? Только не говорите, что показалась французская эскадра.

– Нет, сир. Слава Богу, нет. Сир, согласно дворцового этикета, вы должны дать разрешение на открытие дверей апартаментов. Капитан дворцовой стражи ждёт вашего приказа.

– Считайте, он его получил. Что ещё?

– Умываться, сир.

– Я уже говорил, что я не обезьяна, чтобы меня так рас-

смаатривали. Не надо набиваться ко мне в спальню. Джентльмены, без обид, понимаю ритуал, есть ритуал. Но, как говорят в России, новая метла по-новому метёт. Подождите меня в зале для аудиенций. Сюзерен не должен показываться перед своими вассалами сонным, небритым и в неглиже. Меня приведут в порядок, и мы выйдем к вам.

Дождавшись, пока они уберутся из спальни, я приступил к утреннему туалету, который начинается, как и у большинства людей, с туалета в прямом смысле этого слова. Камердинеры уже заранее принесли тёплую воду, поэтому спокойно умылся, обтёрся, пофыркал и только после этого позвал гардеробмейстера со слугами. Платье короля – это ещё та процедура. Мне кажется, рыцарям было проще нацепить на себя свои многопудовые доспехи, чем королю облачиться в свои одеяния. Оглядев себя в зеркало, остался доволен. Теперь можно и показаться народу. Цирюльник слегка подбрил шею и подравнял височки. Это раньше носили парики, которые всё скрывали и закрывали. Я отменил им эту лафу, пускай стригутся, делают причёски, моют головы. Им даже помыться лень, сразу ссылаются на медикуса, что это он им запрещает. Кстати, надо будет вызвать его да хоть познакомиться. Нормально, король уже столько дней у власти, а медикуса еще и не видел. Да и название, какое придумали – медикус. Всё, как у не русских. Доктор – какое хорошее слово. Сколько ещё надо менять и ломать. Ничего, побьём француза, я им наведу порядок. Традиционный завтрак из кубка ви-

на и мелко нарезанного мяса. Камер – юнкера подали плащ и шпагу. Теперь наше Величество может прошествовать в кабинет на официальный завтрак и работу с секретарями и королевским советом.

– Виконт, передайте гофмейстеру, что в связи с военным положением, совместные с королём завтраки отменяются. Герцога де Кале ожидаю на завтрак в моём кабинете. Там же будем и работать.

– Есть, сир.

Лакей открыл дверь и я вышел.

– Его Величество король Владимир Первый де ля Рашен.– Громко прокричали за моей спиной.

– Да, это я, джентльмены.– Шёпотом подтвердил я. – Собственной персоной.

Приятно, конечно, когда ты идёшь, а все угодливо склоняют голову, при этом выжидательно смотрят на тебя, надеясь на какую-нибудь королевскую подачку. Фиг вам, джентльмены. За три шага до кабинета дверь, как по волшебству, открылась, пропустила меня и закрылась. Мягкое кресло, кувшины с вином и элем, всяческая закуска. Как хорошо быть королем, а не коннетаблем, строящим укрепления в поле. В дверь постучали, и вошел герцог де Кале.

– Разрешите, сир?

– Да, конечно, герцог. Тем более что вы всё равно уже зашли. Шучу. Присаживайтесь. Сначала позавтракаем, потом займёмся делами.

Сто грамм вина перед едой хорошо стимулирует аппетит. Горячая корочка гуся с треском лопалась под руками, обжигая пальцы горячим соком. Аромат мяса растёкся по всему кабинету, заполняя запахом пряностей все уголки. Обжигая губы, мы с жадностью стали вгрызаться в плоть. Жаль мне вегетарианцев, они не понимают прелести этого момента. Овощи могут только разнообразить и дополнить букет вкуса мяса, но никак не заменить его. Уж лучше быть хищником, чем травоядной коровой. По крайней мере, для меня. Впрочем, каждый сам выбирает себе судьбу. Этим мы – христиане и отличаемся от язычников, у которых всё уже предсказано и заранее определено судьбой. Господь дал нам право выбора, и мы каждый день совершаем его, самостоятельно определяя куда, за кем или к кому идти. И сами несём ответственность за свой выбор. Только слабак может отдаться на волю судьбы, а потом всё и свалить на неё, если упадёт мордой в грязь или получит по морде. Эволюция не терпит догмы. Всё время надо фантазировать и экспериментировать. Только тогда будет хоть какой-то прогресс. Да, иногда и по морде лица получишь, но это будет твой промах, и в следующий раз ты хорошенько подумаешь, прежде чем что-то сделать.

Объевшись, мы откинулись на креслах.

– Далеко не убирайте. – Сказал я лакею, показывая рукою на свободный маленький столик. – Теперь я готов послушать, что происходит в нашем королевстве. Кстати, герцог, сегодня нам надо нанести визит соседям. Давно не виделись да

вопросы обороны надо обсудить. Всё-таки десять тысяч солдат лишними не будут. Как думаете, без предварительного согласования нас примут?

– По этикету, сир, нет, но я пройду к нему и договорюсь. Думаю, после обеда мы сможем нанести визит.

– Буду весьма благодарен вам, герцог. Этот вопрос не терпит отлагательства.

– Я понимаю, сир, поэтому сделаю всё возможное. А теперь разрешите зачитать вам основные новости по королевству. Указ о мобилизации ваших подданных. Подпишите его, пожалуйста, сир. Это Указ о привлечении крестьян для оборонительных строительных работ. Это – о высылке неблагонадёжных в поселение на севере острова на период военных действий.

– Поподробнее, пожалуйста.

– Сир, на самом севере нашего острова у нас имеется поселение. Там мы содержим тех, кого король решает не казнить, но и держать при дворе не желает. Некоторых иногда даже возвращают. Но редко. Кстати, в случае высадки противника там, нас предупредят. Но оттуда маловероятно будет наступление, потому как там протекает относительно широкая река, через которую нет ни одного моста. Есть только лодка, но и она находится в домике лодочника на нашем берегу. Это сделано, чтобы исключить побег. Вода в реке очень холодная и человек не успевает её переплыть. Замерзает и тонет. Лесов, чтобы сделать мост, нет. Даже, если пе-

реправятся, то из-за обилия мелких болот, дорога в сто миль становится длинной в четыреста. И по плохой дороге.

– Хоть здесь хорошо. Дальше.

– Вот, ознакомьтесь, здесь записи, доклады по состоянию дел. Можете почитать.

– Добро. Давайте ваши бумаги. Надо же иногда вникать в проблемы королевства. А вы пока вина выпейте. Вот в этом кувшине хорошее.

Прочитав последние сплетни по королевству, подписал, больше доверяя герцогу, чем вникая в суть, какие-то бумаги.

– Герцог, а не нанести ли нам визит вежливости королю Карлу? Может, он кому-то покажется визитом невежливости, но нам не до расшаркиваний. Идёте со мной?

– Конечно, сир.

– Капитан, мы уезжаем в соседнее государство, передайте, чтобы нам подготовили соответствующий транспорт.

– Сир! Вы собрались в Шотландию или во Францию? Готовить корабли сопровождения?

– Увы, капитан, нет. Всего лишь навестим короля Карла Девятого. Пускай обер-шталмейстер подсуетится и обеспечит нас соответствующим транспортом, чтобы нам не было стыдно перед соседним государством. Герцог, пажей сами назначьте.

Уверенно, по уже не раз протоптанной дорожке я спустился к парадной двери. Сыпал мелкий снег, переходящий в жесткую неприятную ледяную крупу. Пускай уж лёгкий мо-

розец, чем жижа под лопатами. Успеют ли построить оборонительные сооружения? Остаётся надеяться и уповать только на Бога.

– Кстати, герцог, как думаете, крестьяне уже выдвинулись на позиции?

– Да, сир. Первые прибывшие уже начали земляные работы. Остальные подтягиваются. Из дальних деревень мы подвозим на телегах.

– Правильное решение. Второе. Найдите кардинала, пусть организует какие-то службы, молебны о помощи и заступничестве Господа до сражения, так и во время баталий. Нам Его, – я показал пальцем вверх, – заступничество, покровительство и помощь ой как нужны. Особенно сейчас.

– Сир, ваша карета подана.– Доложился какой-то, наверное, первый шталмейстер, потому как обера я помнил в лицо. Двое юношей – пажи с радостными лицами стояли позади экипажа, довольно поглядывая на остальных неудачников. Я опять подумал, как мало человеку надо для полного счастья. Десяток всадников королевского эскорта, красивые, мужественные, горделиво восседали на уже нетерпеливо быющих копытами лошадях. Начищенные шлема, кирасы, наручники блистали даже при отсутствии солнца. А длинные заострённые наконечники копья однозначно намекали, что

с ними лучше не связываться.

– Неплохо.— Вслух подумал я.— Что ж, едем герцог, нас ждут великие дела.

В отличие от моего путешествия в столицу, путешествие в соседнее королевство заняло минуты три. Только мы подъехали к действительно парадным, не то, что у меня, воротам, как из них выпорхнули четверо подростков, одетых в белые облегающие костюмы с трубами в руках. Маленькие королевские штандарты слегка трепыхались под золочёными горнами, что своими жерлами, как фузеями, нацелились на нас. Звуки фанфар огласили всю дворцовую площадь. Ворота вторично раскрылись и на крылечко вышли королевские обер-камергер и церемониймейстер. Поглядывая на нас с высоты дворцового крыльца, они дождались, пока мы поднимемся, и прямо перед нашим носом открыли нараспашку двери ещё раз.

– Ваше королевское Величество, король Хатайленда Карл Девятый ожидает вас.

– Если ожидает, веди. Кстати, герцог, когда вы успели оповестить их королевское величество?

– Сир, когда бы я успел? Я же всё время был с вами.

– Непонятно. Может, у них есть дырочка в мой кабинет?

– Что вы, сир, конечно, нет.

– А почему? Что за замок без потайных ходов, что за дворец без привидений?

Здесь, на этой половине, конечно, было значительно пом-

пезней и богаче. Это и понятно, здесь встречали гостей, производили на них впечатление, а на моей стороне были просто апартаменты, обустроенные и украшенные согласно статусу. Но я не в обиде. Мне у меня нравится. Уж лучше, чем в моём имени. Прошли пару залов, открылись очередные богато украшенные двери, и мы вошли в тронный зал. В конце огромного зала стоял самый настоящий королевский трон. Стены зала были покрыты голубой глазурью, по которой золотом нанесены королевские вензеля в орнаменте лилий.

– Французам такой рисунок явно понравится.– Тихо поделился я с герцогом.– Даже ремонт не надо будет делать.

Церемониймейстер громко объявил

– Король Вестленда Владимир Первый де ля Рашен.

Мы шли по живому коридору, слева и справа стояли во множестве местные придворные. Здесь их явно больше, чем у меня. Хотя, возможно, часть моих лоботрясов меня просто игнорируют. Вообще-то нет, это не та порода, чтобы отдаляться от кормушки. Не доходя шагов десять до трона, я остановился.

– Ваше Величество.

– Сир.– Ответил мне Карл. – Я рад, что вы посетили нас. Мы думали, что вы посетите нас раньше.

– Ваше Величество, сир, я думаю, вы уже знает, что заставили меня отложить мой визит к вам. И сейчас, сир, я к вам, к сожалению, только с деловым визитом. И визитом, не терпящем отлагательства. Могу я просить вас, ваше Величе-

ство, об аудиенции с глазу на глаз или, как говорят французы, тет-а-тет?

– Да хоть но-а-но, сир. Пройдёмте в кабинет. Леди и джентльмены, – обратился король к своим подданным, – извините, но государственные дела – прежде всего.

В левом дальнем углу зала открылась небольшая дверь, и мы вошли туда.

– Честно говоря, сир, я так и думал, поэтому уже пригласил сюда моего коннетабля. – Юноша – король был не по годам и мудр, и умён. – Присаживайтесь, джентльмены.

На большом столе была растянута карта острова, а на небольшом столике у стены стояли кувшины и ваза с виноградом и фруктами. Рядом с ним стояло два красиво украшенных стула. На один из них я и уселся. Стоящий рядом виночерпий поймал мой взгляд и налил мне вина. Я продегустировал его. Весьма неплохо.

– Хорошее вино. Принеси ещё кувшин.

Виночерпий, взглянув на Карла, вышел.

– Ваше Величество, помимо того, что ваше вино действительно великолепно, я отослал его с целью попросить вас отослать его вообще. Мне не хотелось бы, чтобы сегодня вечером на кухне дворня обсуждала наш план обороны, а утром об этом говорили уже на всём острове. У вашего виночерпия, как я обратил внимание, и хороший слух, и отличное зрение.

– Вообще-то, сир, я абсолютно уверен в своих слугах, но,

если вы просите, то я отошлю его.

– А с чего вы вообще взяли, сир,– влез в наш разговор коннетабль Карла,– что французы пойдут на нас войной? Чтобы захватить власть, существует множество способов.

– Сир, сначала отвечу вам, хотя вы не спросили, а утверждали. Прошу прощения, сир, но и в тех, кого вы изволили допустить до себя, вы тоже не сомневались, но всё же двое оказались предателями. Просто бедные бунтуют, когда жить становится вообще невмоготу, а богатые бунтуют при любой власти и против любой власти. Одни из них борются за власть, другие – становятся марионетками в их руках. Наверняка и этих двоих просто использовали. Они никак не могли претендовать на ваш трон. Новое баронство могло им светить только от их заказчика, при этом не понимали, что после выполнения задания, их тоже ликвидируют. Заказчик всегда должен оказаться чист и непорочен. Заказчик и организатор жив, и он при вашем дворе.

В дверь постучали, и вошёл виночерпий с подносом, а следом за ним прошёл и кардинал, глава дворцовой церкви. Карл легким взмахом кисти удалил из комнаты виночерпия.

– Ваше Преосвященство, хорошо, что вы зашли к нам. Ваши советы всегда мудры и своевременны.

Я всего лишь кивком приветствовал его. Мне и своих священников хватает.

– Сэр,– теперь я обратился к коннетаблю,– теперь отвечу на ваш вопрос. Свергнуть или убить короля или царя лег-

ко. Тяжело удержать власть после этого. Сколько переворотов завершалось крахом, когда армия отказывалась поддержать нового царя. Находился один преданный прежнему королю, и вся армия шла за ним. А что мы имеем здесь и сейчас? Уже несколько сотен лет дворянство и армия живёт в мире и спокойствии. Дворяне только по рассказам своих родителей помнят о своих великих предках – могучих воинах. Сейчас они способны только лёгкое времяпрепровождение. Они, как бабочки, порхающие с цветка на цветок, абсолютно не думающие, что может придти зима со снегом. Из всего королевства всего лишь десяток офицеров имеют боевой опыт и нюхали запах пороха. И вдруг всё это рушится. На смену привычному им образу жизни придёт варяг, который всё это сломает, разрушит, их отодвинет от трона и приблизит новых, но не их. Теперь они будут смотреть на дворец не изнутри, а только снаружи. Их навсегда отодвинут от кормушки, что есть дворец и королевская милость. Они пойдут на войну и будут сражаться за короля и, если честно, за свою прежнюю спокойную сытую жизнь. Все прекрасно понимают, что со сменой короля произойдёт и смена приближённых ко двору, а им нужны новые земли и всё, что на них. Только в результате вооружённого поражения дворянство смирится перед новым правителем в зыбкой надежде, что их не коснутся перемены. Вот вы уверены, что при смене власти, останетесь коннетаблем? Вот так же и другие. Я уж молчу про нас с их величеством Карлом. Нас просто казнят на плахе. А вме-

сте с нами наших родных и приближённых, дабы в зародыше пресечь бунт. Война будет. И будет в ближайшее время. Поэтому, ваше Величество, я хотел просить вас выставить хотя бы два полка и кавалерию на редутах, которые готовят мои солдаты на южной дороге. Так уж получилось, что как раз на границе наших королевств болота наиболее сблизилась с дорогой с обеих сторон. Эту дорогу, в принципе, можно удержать одним полком, но болото можно обойти с фланга, и это же болото препятствует манёвру. Для гарантии победы там нужны два полка и кавалерия для манёвра. Также полк нужен, чтобы прикрыть дорогу от манёвра на восточное побережье вашего королевства. Артиллерия там не пройдет, но пройдут вражеские полки, а, если держать лошадей под уздцы, то и кавалерия. Это значит, что они доберутся до столицы ещё раньше тех, кто высадится на западе в порту. К тому же, полк, который я пока поставил прикрывать южную дорогу, мне очень нужен для баталии. Западный порт – единственное место, где противник может спустить на берег свою артиллерию, ядра, запас пороха и, конечно, кавалерию. А я и часть своей артиллерии был вынужден послать на юг. А мне нужен сильный кулак в одном месте. Сила кулака не только в людях, но в артиллерии. Я уж молчу о том, что противник, возможно, высадит часть своих сил на восточном побережье. Мне говорили, французы обследовали те места.

– Разрешите вмешаться мне, сугубо гражданскому человеку. – Произнёс кардинал. – Сир, не так давно, о чём вы зна-

ете, ко мне приезжал кардинал Франции. Всё время он не покидал территории столицы, но его подопечные действительно ездили с проповедями по церквям, делились опытом с пресвитерами. В свете сказанного, я усматриваю их корысть, т.к. они, действительно, объехали всё побережье.

– Ваше Преосвященство, а вы можете выяснить, в какие конкретно деревни они ездили, чтобы послать туда опытных офицеров на предмет возможности десанта.

– В этом нет необходимости, сир. Я, как архипастырь, периодически объезжаю все наши земли. Мне, естественно, доложили, где были французские священники, потому что к каждому из них я приставил помощника. Я хорошо знаю эти деревни и скажу, что ни в одной из них это невозможно. Всё восточное побережье слегка затоплено морем, но из моря, при этом, торчат в огромном количестве ледяные клыки, разной высоты и ширины. Они разорвут не то что корабль, но и любую рыбацкую лодку. Высадка исключена.

– Это здорово. Но, ваше Преосвященство, не могло ли случиться так, что на каком-то участке морская вода подмыла и обрушила часть этих зубцов, и часть берега стала доступна?

– Этого не произошло. Я спрашивал об этом каждого из них.

– Хорошо. Но..., если доверенные дворяне смогли изменить, не могли ли найтись Иуды среди ваших людей. Ведь и среди священников бывали отступники. Поэтому, если вы

всё же посредством офицеров перепроверите это, вы и убедитесь в преданности одних, и в достоверности информации. Кстати, а как же сами деревенские тогда ловят рыбу?

– Побережье покрыто хорошей сочной травой, на которой пасутся многочисленные стада коз. Крестьяне изготавливают великолепный козий сыр, который мы продаем даже в Англию и Францию. Кроме того, с северо-запада на юго-запад течёт небольшая, миль тридцать, но уже глубокая река. Ещё столетие назад она была глубиной всего два фута, а сейчас уже почти пять. Она немного не достигает восточных болот и уходит в землю. В ней достаточно много морской рыбы и её ловят.

– А засыпать её, когда она была всего лишь ручьём, не пробовали? Ведь ещё столетие, и часть острова будет перерезана этой ниткой для разрезания сыра.

Они и сами всё это понимали, поэтому в ответ только недовольно и удручённо сопели.

– Сир, – начал отвечать кардинал, – вы не в курсе, но у короля нет человека, который должен регулярно объезжать и осматривать всё королевство, и докладывать ему об этом. У нас за свои земли отвечает ленник, которому вверены эти земли. Тем более, ленником этих земель является граф Дуглас. А это ещё тот ловелас, завсегда с балов и пиров. Даром, что ещё не женился, несмотря на то, что ему уже за сорок.

– Извините, ваше Преосвященство, но в Регламенте коро-

ля есть люди, называемые контролёры. Почему не назначить ещё одного смотрителя королевских земель. В королевской конюшне конюхам поручено следить за лошадьми, но и за ними также следит и контролирует, как лошадей, так и работу конюхов, обер-шталмейстер. Не вижу разницу. Нерадивых всегда надо контролировать и заменять. В этом и прелесть ленных земель, что их дают во временное пользование. Даже, если и подарены, но здесь угроза всему королевству и королевской жизни. Какие могут быть стеснения и перед кем? Перед вассалом? Вассалом, собирающемся косвенно нанести вред всему королевству? Сир, не считите за наглость мой совет – оставьте графу пару деревень. Ему хватит. Он всё равно и живёт, и питается за счёт королевского стола. Остальные земли отдайте кардиналу. На Руси в монастырях монахи тоже делают прекрасные сыры, выращивают пшеницу. И здесь, чтобы не отколоться от своей церкви, в буквальном смысле этого слова, они засыпят эту речку. Всегда приходится чем-то жертвовать. Пожертвуйте рыбой ради острова. У истока забросайте камнями и брёвнами и засыпьте землёй с глиной. Сделайте пробку и в месте ухода реки. А ледяное русло можно использовать для хранения тех же сыров или запасов мяса. У нас на Руси это называют ледник, с ударением на первый слог. Разобьём французов, пристанем к берегу, на шхунах перевезём землю и засыплем. Вам лучше не тянуть. Кто знает, сколько там футов под килем нашего острова. А для этого нужен только пустяк – победить армию

французов. Сир, прошу вас выставить ваши войска и защитить земли острова с вашей стороны. Я не выдержу войну на два фронта.

– Сир, – ответил за короля коннетабль, – король Карл Десятый должен подумать над принятием такого важного решения и подготовить Указ в случае положительного решения. Я надеюсь, что король вначале соберёт королевский совет, заслушает нас и только после этого примет правильное, продуманное решение.

Не всякий король может уйти из-под влияния своих придворных, тем более король – ребёнок. Но этот ребёнок уже проявлял свою мудрость.

– Сир, уповаю на вашу мудрость, т.к. не всегда можно рассчитывать только на ум, тем более чужой. Спасибо, что уделили нам внимание. Прощайте. В ближайшие день-два я уезжаю на место будущей баталии следить за ходом подготовки к сражению. Честь имею.

Кивнув, я пошёл вон, а следом за мною и герцог.

– Этот коннетабль или тупит, или гнёт свою непонятную линию. Видно же всё, как на ладони. Что тут ещё думать? Надо действовать. И чем быстрее, тем лучше. Потом эти идиоты начнут говорить – ах, мы не подумали, ах, мы не успели. Из-за таких войны и проигрываются. Слава Богу, на моей земле я король. И я буду беспощадно таких смещать, чтобы не мешали молодым энергичным и умным. Надо заказать морякам, чтобы определили наше местоположение. Завтра

утром я выезжаю на передовую линию. Оповестите кардинала, что он едет со мною.

– Сделаю, сир. Прошу в карету.

Когда наша карета подъехала ко дворцу, и я взбежал по ступенькам дверям, там уже стоял рядом с дворецким и мой собственный кардинал.

– О, ваше Преосвященство, долго жить будете. Только с герцогом о вас говорили.

– Спасибо, сир. Я слышал, что вы собираетесь вскоре выезжать из дворца. С вами, конечно же, выедет и ваша свита, поэтому, сир, я хотел бы сегодня провести большое богослужение и молебен за удачный исход войны с захватчиками.

– Отличная мысль, падре. Такие действия никогда не бывают лишними. Наше дворянство и можно, и нужно духовно укрепить, а чуть позже, в поле я займусь их физическим укреплением и оттачиванием воинского мастерства. Я, как король, и, как говорят, наместник Бога на земле, благословляю вас, падре на сегодняшнее служение и молебен, а также на все остальные служения и действия. Аминь. А я, падре, в это время обложусь у себя в кабинете трактатами и буду думать, как малым числом победить сильного врага. А вы молитесь, ведь усиленная молитва верующих многое может. И там, где не промолит один король, ведь для Бога все равны, там промолят сотни верующих. Главное, чтобы они были искренне верующие, а не просто сочувствующие. Падре, давайте будем занимать каждый своим делом. У вас духовная сте-

зя, а на мне мирская. И, если каждый из нас выполнит свою работу на отлично, то я в победе не сомневаюсь. Ни Господь, ни ангелы-хранители нас не оставят.

– Да будет так, сын мой. Аминь.

– Падре, завтра утром мы выезжаем на моей карете. Нужны будут вам помощники, берите, сколько сочтёте нужным. Там много солдат и крестьян. Там много работы для ваших людей. Не забудьте взять что-нибудь тёплое – ехать долго и прохладно. До утра, падре.

– Благослови вас, сир.

– И вас, падре. Да, падре, вас не затруднит приказать вашему человеку, чтобы в библиотеке нашли книги о ведении войн, и принесли ко мне в кабинет. Информация, как и вера, лишней не бывает.

– Я распоряжусь, сир.

– Отлично. Тогда до завтра. Сразу после завтрака выезжаем.

И снова я один в своём собственном кабинете. Камердинеры подсустились – на столике есть, что выпить и закусить, виноград, фрукты. На рабочем столе – карта и полдюжины книг по военному искусству. Большие окна дают много света. Эх, если бы не война. В книгах описано много пакостей и подлостей, что можно сделать для врага, хотя в мире это называется военной хитростью. Правильно, на войне только одно правило – никаких правил. И ещё – воюют не числом, а умением. А также обученностью и оснащённостью

войск. Римские обученные легионы покорили весь мир, кроме скифского государства. Наверное, цель не была поставлена. Но не все подянки я могу реализовать у себя на поле. А жаль. Я читал, смотрел и прикидывал на карте и опять читал, пока не заснул.

– Сир, сир. Проснитесь.– Кто-то нахально тряс меня за плечо, пробуждая ото сна, в который я провалился, как в глубокий глухой и чёрный колодец.

Потянув своё тело, почувствовал резкую боль в шее, ломку в пояснице и во всём теле. Моё тело стонало и скрипело, как старая телега, брошенная на обочине.

– Ё-моё. – Только и смог я произнести. – Скажи, пускай приготовят баню и воду погорячее. Я так понял, завтрак уже скоро. Пока не полежу в горячей воде, никаких завтраков. Кто голоден, пускай едят. Король срочно занят. Меня не беспокоить. Мой отъезд задерживается на два часа по техническим причинам. Как же меня так угораздило. Иди.

Потихоньку поскуливая, как оставленный один дома щенок, я ходил по кабинету, разминая мышцы. Почувствовав себя способным горделиво пройти по коридорам, я вышел за дверь, чтобы идти к себе в спальню, но, увы, не спать в мягкой постели, а понежиться, расслабить свои мышцы в горячей воде.

– Капитан, надеюсь, стражу не забывают подменять и кормить? Мне не нужны сонные, усталые и голодные охранники.

– Сир, у нас всё, согласно Регламенту. Мы – капитаны следим за этим строго.

– Хоть это хорошо.

Молодцы, всё-таки мои камергеры и гофмейстеры, везде и всё успевают. Только чуть-чуть размялся, прошёл по коридору, а здесь уже полбочки горячей воды, камердинеры с ведрами горячей и холодной воды ловят мой взгляд, чтобы исполнить любую прихоть.

Я с удовольствием погрузился в горячую, но в меру, воду и откинулся назад. Кто-то угодливо подложил мне под голову мягкую подушечку. Благодать. Я прикрыл глаза и задремал. Царь я или не царь? Хочу сплю, хочу казню, хочу милую. И сколько хочу, столько и сплю. Да и дворне хорошо, всё не на улице мёрзнуть.

– Платье и завтрак. Вино подогреть.– Громко произнёс я, чтобы разбудить тех, кто добросовестно дрых вместе со мной.

Меня обтёрли подогретым полотенцем, натянули кальсоны и усадили на скамеечку, где цирюльник поработал над моей причёской и заросшей шеей. Виконт протянул сорочку, а слуги помогли в неё облачиться. В завершении – хороший плотный завтрак.

– Виконт, передайте по эстафете, что через пятнадцать минут мы выезжаем. Шпагу и плащ.

Завершив утренний моцион и одевание, я прошел в кабинет и забрал наброски и записи – памятки, чтобы не забыть, что лучшая память – это запись на листочке.

Спустившись вниз, я увидел у кареты кардинала.

– Ваше Преосвященство.

– Сир.

– Вы готовы к дороге, падре.

– Готов. Но на всё воля Божья.

– Вы правы. Господи, благослови нашу поездку, наше нахождение там, благослови нас там мудростью и разумением, сохрани нас от любого вида зла, сохрани и удержи нас от греха и благослови духом преклонения, чтобы мы всегда имели место, время и слова, которыми мы должны Тебя славить, ибо только Ты наш Отец, Творец и Бог имеешь на это право, а мы все, включая ангелов твоих, служим Тебе. Аминь.

– Аминь.

Паж открыл дверцу и пропустил меня. Следом влез кардинал.

Миль пять мы проехали, молча, размышляя каждый о своём. По крайней мере, я, а кардинал, возможно, по своей скромности, просто не стал мне мешать.

– Как я понимаю апостола Фому, когда ему хотелось вещественного подтверждения чуда. Так и я сейчас очень хо-

тел бы увидеть какой-нибудь знак, видимое подтверждение, что Господь услышал нас.

– Видимое подтверждение? Но в радуге нет белого цвета, поэтому вам придётся поверить так, как потом наставлял Фому Христос.

– Видимо придётся. А нам привыкать? Лишь бы на их сторону не встал сам дьявол, а то тяжела будет битва.

– Сир, говорю вам, как моему прихожанину, не будет этого, потому как невозможно это. Разве вы не читали, что написано в Библии? Вспомните.

В Иоанна 12:31 Господь сказал ученикам Своим – ныне суд миру сему, ныне князь мира сего изгнан будет вон.

Этими словами Господь сказал, что это произойдет при их жизни, в не в каком-то непонятном будущем.

И дальше в 16: 11 – о суде же, что князь мира сего осуждён.

И в 16:33 – в мире будет скорбь, мужайтесь, Я победил мир.

Мир – это дьявол, свергнутый Михаилом на землю и установивший на земле свои порядки, нравы и обычаи. Говоря, что победил мир, Он говорит, что победил дьявола. И это всё в настоящем времени. Кроме того, проходит время, десятки лет, и Его апостолы в своих Евангелиях подтверждают это.

Вспомните, сир, как апостол Иуда предупреждает нас.

В Иуды 1:6 написано – ангелов, не сохранивших достоинство, соблюдает в вечных узах, под мраком, на суд.

А в Послании Ефесеянам 1: 20-22 читаем – воскресив Его из мёртвых и посадив одесную Себя на небесах, превыше всякого Начальства и Власти, и Силы, и Господства, и всякого имени, именуемого не только в сём веке, но и в будущем. И всё покорил под ноги Его, и поставил Его превыше всего, главою Церкви.

И в 4:8-9 завершает – посему и сказано: восшел на высоту, пленил плен и дал дары человекам. А восшел что означает, как не то, что Он и нисходил прежде в преисподние места земли?

Сир, вы поняли из Писания, что сатана – дьявол, как написано в Откровениях Иоанна, уже побеждён и низвергнут, поэтому он не сможет восстать против нас, потому как со своим ангелами заточён во тьму где-то на небесах. А, если и остались какие его приспешники не добитые, то со дня Пятидесятницы, когда Господь, как и обещал, покрыл всех нас Духом Святым, Духом Истины уже ни одна сатанинская тварь без нашего добровольного согласия не может сама овладеть нашим разумом, нашей душою. Сейчас многие оправдывают свою слабость, неспособность и нежелание противостоять похотям тем, что, якобы дьявол на них влияет. Не верь-

те, сир. Дьявол побеждён и пленён. К сожалению, многие люди до сих пор предпочитают отдаться похоти, чем пребывать в добродетели. Тысячи людей были сожжены, вместо того, чтобы их отправить на трудовое воспитание лет на пять. Неумение и нежелание читать, вникать в себя и в Евангелие, как заповедовал апостол Павел, приводит ко многим смущениям ума. Разные люди, читая один и тот же текст, осознают и понимают его по-разному. Не вчитываясь, судят поверхностно. Например, читая Откровения, я обратил внимание на слова Господа в 3:12 – и имя Моё новое, т.е. Он обещал открыть нам своё имя. Читаем дальше.– Падре пролистал Библию, ища место Писания. – Вот,

12: 7 – И произошла на небе война: Михаил и ангелы Его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них,

12:8 – но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе.

Вы видите, сир, что только Бог может вести в бой своих ангелов, но восставший ангел может повести за собой других, примкнувших к нему ангелов. Поэтому получается, что имя Бога нашей вселенной – Михаил. А имя дракона – сатана, как и написано ниже. Бог Михаил свергает с неба сатану, а потом, чтобы вернуть в лоно Бога Отца Всевышнего, Бога

Богов людей, Он унижает Себя до уровня плоти грешного человека и, оставаясь непогрешимым и святым, возрождает Себя в образе Иешуа бен Иосиф из дома Давидова. Человек не может духовно так возрасти, чтобы стать равным Богу, поэтому Бог был вынужден так поступить, чтобы дать нам спасение через жертву на кресте. Возносясь на небо, Он вновь стал святым Михаилом, как и написано в Откровениях. При этом Он оставил нам благую весть и о Своем Отце – Боге Богов. Распятым на кресте Он взывал – Элоим, что в переводе и есть Бог Богов, Бог Творец. Иисус Христос, Он же святой Михаил есть Бог и Творец нашей вселенной. Как написано – Первородного ввёл во вселенную, т.е. до него там никого не было. Он пришёл и создал. Как написано – Им создано, для Него и через Него. Мы созданы Им. Он наш творец и создатель. Только Господь и Пославший Его достойны славы и прославления. А Пославший Его, который называет себя Я ЕСМЬ, создатель всего мира и других вселенных, ведь Иоанн несколько раз называя Господа Единородным от Отца, понимал разницу между Первородным и Единородным. Просто нам надо принять как факт то, что помимо нашей вселенной существуют и другие, где есть другие дети – Бога, Бога Богов. Что в этом особенного, ведь выделяет король земли своим детям. А у нас всё по образу и подобию. Со временем и мы увидим их.

– Падре, так вы уверены, что существуют и другие дети у Бога?

– И не только я, сир. Вспомните

Псалом 88 – кто на небе сравнится с Господом? Кто между сынами Божьими уподобится Господу?

И это почти за пятьсот лет до рождения самого Господа! Как такое утверждалось? Ведь на тот момент это было святотатством. Ведь даже потом, когда Христос заявил, что Он есть сын Божий, а Бог есть Его Отец, фарисеи взяли камни, чтобы забросать и убить Его за такое кощунство, как думали они. Значит, Давиду были даны откровения и даже, в чём-то более конкретные, чем Иоанну.

– Это как, падре? И в каком смысле, мы увидим другие миры?

– Сир, вы же читали, что отвечал сам Господь, и вслед за ним пояснял Павел, что после смерти мы станем подобными ангелам, которых на земле никто увидеть не может, потому как они духи. Но в образе духов, т.е. после смерти нашей телесной оболочки, мы вознесёмся на небо, в небесный город Новый Иерусалим, где не будет смерти, болезней. Об этом написано в Откровениях в главах 21 и 22. Конечно, как написано в главе 20, вознесены будут только дети Божьи, принявшие Господа и Пославшего Его, т.е. спасённые, а не спасённые, т.е. мёртвые будут судиться по делам их. Спасённые судиться не будут, т.к. уже оправданы по вере. И дальше Иоанн описывает сначала Новый Иерусалим, где не увидел

храма Бога, потом – новая планета, где уже от престола Бога течёт река жизни и растёт дерево с райскими яблоками, которые там едят спокойно, поскольку им там всё уже открыто. Вы вспомните слова Христа, когда Он говорит, что у Отца Моего много обительских миров. Не у Него, а у Отца Его! А про Себя говорит, что есть и другие стада, где должны Его узнать. Многие говорят – это другие народы земли. Нет, в разных местах Он говорил, что послан только Израилю. Об этом Он сказал и женщине, пришедшей за помощью и согласной собирать куски подобно собаке. А всему миру понесли Евангелие Его апостолы. Вы почитайте внимательно. Под другими стадами Он имел в виду другие планеты, другие обитаемые миры. В нашей вселенной, вселенной святого Михаила мы не одиноки. Можно сжечь и Галилео Галилея, и Коперника, но огнем костров не просветить тех, кто боится просвещения. Мне жаль святую инквизицию. Они сдерживают прогресс человечества. Внимательно читайте Библию. Там есть ответы на все вопросы. Просто, когда читаете, сир, выписывайте места по теме на листочек, чтобы текст не оказался выдернутым из Библии, при указании на это и в других местах. А потом прочитайте все цитаты, чтобы найти общее.

– Падре, можно я просто посижу, подумаю. Мне надо усвоить, переварить услышанное.

– Конечно, сын мой. Я не буду вам мешать.

Через какое-то время я негромко озвучил то, что уже давно на уровне подсознания мучило и не давало мне покоя.

– Мне, кажется, мы не успеем. Не успеем построить флеш-и, редуты. Не успеем научить войска быстро и чётко пере-страиваться по команде. К тому же у меня нет достаточно пороха, чтобы научить своих солдат стрелять. А послать шхуны в Англию, чтобы закупить порох и свинец, тоже нет времени. Мы просто не успеем. Кстати, падре, я сейчас вспомнил. Еще, будучи капитаном, послали меня для участия в военной компании в Сибирь. Возвращаясь оттуда, пришлось заночевать на берегу Аральского моря. Небольшое такое море на юге России. Хорошо поужинали и сидели с кружкой горячего медового чая, разговаривая о превратностях судьбы да различных казусах. Рыбаки мне рассказали, что в море есть неприметный с виду остров, но попадёшь на него, вскипятишь чайку, попьёшь его с пряниками, возвращаешься домой, а тебя уж как сутки нет. Мало того, говорят, были случаи, когда беглые уплывали на остров и пропадали на несколько лет, а возвращаясь, говорили, что пробыли на острове около месяца или чуть больше. Рыбаки докладывали об этом своему начальству, но они лишь смеялись и говорили, что такого быть не может, и отмахивались. Там время неким образом замедляется. Вот нам бы на такой остров перебраться сейчас. Хотя вы, падре, наверное, тоже не верите в этот остров.

– Отнюдь, сир. Мало того, могу в ответ сказать, что и я пару раз, сидя в библиотеке при свечах и песочных часах, читая книгу или изучая манускрипт, замечал, что крупинки песка начинали замедлять своё падение и опускались плавно и медленно, словно снежинки в рождественскую ночь. Я встряхивал часы, подбрасывал песок вверх, думая, что забилось отверстие, но всё повторялось и могло длиться долгое время, которое я не мог определить, т.к. все часы во всём дворце сходили с ума. И я начал размышлять, а какое время отмеряют наши часы, и что именно отмеряют наши часы. Почему на наше это время накладывается чужое, подавляя наше. Кто управляет временем. Я начал искать ответы в древних книгах. Единственное, что я нашёл, так это то, что само измерение времени и отсчёт времени, только чего и от чего, начинается у древних шумеров за тысячи лет до рождения Христа. Я изучал египетские рисунки. Кстати, сир, вы слышали, что в Европе изобрели механические часы?

– Не удивлюсь. Человечество давно созрело до чего-нибудь подобного.

– Так на рисунках можно увидеть, что у людей и звероловцев на руках имеются некие браслеты, которые вполне могут сойти за маленькие хронометры. Если люди смогли воздвигнуть такие пирамиды, то почему они не могли и придумать такие наручные хронометры. Возможно, лет через двадцать и мы будем носить такие, если доживём.

– Это было бы весьма удобно. Будет легко ставить задачу

подчинённым, сверяя всё по единому времени. Скорей бы уж такое. Как бы этого изобретателя ваша инквизиция на костре не сожгла, обвинив в пособничестве сатане.

– Они могут.

– Они, но не мы. Я, как король, не допущу этого. Это естественный прогресс человечества, а инквизиция тормозит его.

– Пока нас никто не слышит, соглашусь с вами, сир. Но на людях я буду поддерживать их. Порядок поддерживается страхом.

– Исходя из моего опыта жизни, согласен. Падре, пока у нас достаточно времени, расскажите мне ещё что-нибудь про цветные расы, как жили, с кем жили, с кем воевали и куда делись. Вы же понимаете, что я навряд ли смогу это прочитать, ведь вся библиотека осталась на той стороне. Расскажите. Тогда вы начали говорить об их расселении.

– Ну, что ж. В подвалах Папы Римского много что имеется, что никто не прочтёт, что навсегда останется тайной. Когда не было грамоты, всё пересказывали устно. Со временем это становилось легендами, былинами и сказками. Тогда слушайте, сир, и запоминайте, чтобы потом самому поделиться этими знаниями с другими.

Первые распространения более чистокровной фиолетовой расы детей и внуков Адама были куда более мирными, чем вторжения агрессивных и стремящихся к захватам их потомков, выходцев из Месопотамии. Потомки Адама – ада-

миты отличались миролюбием, а ушедшие из Месопотамии на восток в страну Нода, как написано в Библии, – нодиты – воинственностью. Союз двух этих рас, впоследствии смешавшихся с цветными племенами, пришедшими и заповолившими эти земли, привел к появлению умелых, напористых андитов, которые вели настоящие захватнические войны.

Однако именно лошадь была тем эволюционным фактором, который привел к господству андитов на Западе. Лошадь давала расселявшимся андитам новое преимущество – мобильность, что позволило последним группам андитских всадников быстро обойти Каспийское море и распространиться на всю Европу. Все предыдущие волны андитов передвигались так медленно, что обычно распадались на том или ином расстоянии от Месопотамии. Последние же волны перемещались с такой скоростью, что достигли Европы целостными группами, отчасти сохранив высокую культуру.

Североевропейские племена постоянно укреплялись и совершенствовались за счет непрерывного притока переселенцев из Месопотамии, прибывавших через Туркестан и регионы вашей южной России, и когда последние волны андитских всадников прокатились по Европе, здесь уже было больше людей с андитской наследственностью, чем во всём остальном мире.

В течение трех тысячелетий военный центр северных андитов находился в Дании. Из этого центра, одна за другой,

шли волны захватчиков, в которых оставалось всё меньше андитской крови и которые становились всё более светлокожими, ибо на протяжении веков произошло окончательное смешение месопотамских завоевателей с покоренными народами.

Хотя синий человек был ассимилирован на севере и, в конце концов, уступил проникшим на юг белым всадникам, продвигавшиеся племена смешанной белой расы встретили упорное и длительное сопротивление со стороны перволюдей. Однако превосходящий интеллект и постоянное пополнение биологического резерва позволили им стереть более древнюю расу с лица земли.

Решающие сражения между белыми и синими людьми произошли в долине Соммы. Здесь лучшие представители синей расы яростно сражались с продвигавшимися на юг андитами, и на протяжении более пятисот лет перволюди и их потомки успешно защищали свои территории, прежде чем уступить превосходящей военной стратегии белых захватчиков. Тор – победоносный командующий северными армиями в решающей битве на Сомме – стал героем белых северных племен и до сих пор кое-где почитается некоторыми из них как бог.

Дольше других цитадели синего человека продержались в южной Франции, однако последнее значительное военное сопротивление было подавлено на Сомме. Дальнейшим завоеваниям способствовали распространение торговли, чрез-

мерная плотность населения в долинах рек и непрекращавшиеся смешанные браки с лучшими элементами вместе с безжалостным уничтожением худших.

. Синий человек передал белым европейским расам многие здоровые черты и физическую силу, однако присущие смешанным европейским народам чувство юмора и творческое воображение приобретены от андитов. Этот союз синих людей с андитами, в результате которого появились северные белые расы, сразу же привел к снижению уровня андитской цивилизации – задержке, которая носила временный характер. В конечном счете, скрытое превосходство этих северных варваров проявило себя и достигло своей кульминации в современной европейской цивилизации.

К началу 5-го тысячелетия до н. э. эволюционирующие белые расы господствовали на всей территории северной Европы, включая северную Германию, северную Францию и Британские острова. Потом они постепенно спустились и вниз по европейским рекам. Так не спеша Европа из смуглолицей, иногда круглолицей, стала белокожей с удлинённым овалом лица.

– Так удлинённое лицо есть признак нашей принадлежности к потомкам Адама?

– Да. Вот только крови Адама в нас очень и очень мало. Как говорят у вас в России – десятая вода на киселе.

– Ну, да. Где-то так. Оно и понятно, вон как там накрутило и напутало. Не удивительно.

– Но она всё-таки есть. И это главное. Потому что именно она способствует росту нашей духовности, поискам Бога, смятению души, когда мы делаем что-то неправильно, грешим.

– Это типа того, что если корень свят, то и всё дерево свято?

– Может быть. Но думаю, именно это, только частично. Мне, кажется, это больше относится к тому, что в день Пятидесятницы Бог Отец, как и было обещано, покрыл всех нас Духом Святым, Духом Истины. Теперь каждый, кто живёт по Заповедям, у кого книга эта не отходит от уст, как писал апостол, кто, читая её, вникает в себя и в учение, постоянно молится, читая Библию, познаёт Истину слова Божия. Святой Дух, покрыв нашу душу, освятил её, сделав нас святыми. Поэтому апостол Павел в своих письмах и пишет, что мы святые, что мы царствующее священство и прочее. Павлу, как и Давиду, было дано много откровений. Беда в том, что некоторые из нас, поддаваясь соблазнам, впадают в грех, переводя его в порок, и в последующую смерть своей души. Ибо спасённые судимы не будут, а падшие станут мёртвыми и будут судиться по делам их.

– Да, падре, я помню. Вы это говорили.

– Я и дальше это буду говорить и повторять, дабы кто-то, пусть не с первого раза, но услышал и осознал, к чему приведёт его поведение. Стоят ли эти сиюминутные наслаждения того, что он потеряет потом, и потеряет навсегда. Он никогда

не вознесётся в Божий город Новый Иерусалим, а так и останется за его пределами в озере горящей серы. Так написано в Библии. Хочешь проверить и испытать? Попробуй. Но и это уже написано в Библии, когда нищий оказался на небе, а богач из ада смотрел на него. И никто никогда не сможет перетащить его из ада в Рай.

– Беда в том, что многие вообще не читают Библию, а если и читают, то, как простую книгу, именно не вчитываясь и не вдумываясь.

– И это многих погубит. Многие из них будут кричать – Господи! Господи! – а Он не услышит их, не заберёт их, и они останутся за стенами Нового Иерусалима.

– Да. У меня аж мозги закипели и в сон потянуло.

– Правильно. Наш мозг, когда принимает много нового, не успевает усвоить это, и срабатывает защита. Наш мозг отключается и переключается на сон. Поспите, сир. Во сне, всё равно, человек не спит. Он или переживает эмоции дня, что выплёскиваются через сны, или, если сон спокойный, душа человека общается с Господом, получая наказания или получая ответы на свои молитвы. Поэтому положите рядом с собою на ночь листок бумаги и перо, чтобы, проснувшись ночью, записать то, что слышали, иначе утром вы всё забудете. Так и в сложной, опасной ситуации в вашу голову сначала залетает быстрая, как пуля из фузеи, мысль, и также быстро улетает. Поймаете её – получите совет. Нет и сюда нет. Потому что человек начинает надеяться не на Бога, а на собственные

мозги, не зная, что приготовил и замыслил Бог на эту ситуацию. Запомните и это, сир. Первая мысль может показаться абсурдной, невыполнимой. На первый взгляд. А вообще, перед любым началом всегда помолитесь, прося Бога, чтобы только Он устроил и решил, в соответствии с Его волей и желанием. После этого, отдав эту проблему Богу, начинайте делать с уверенностью, как делает малый ребёнок, получив одобрение своего мирского отца. Христианину, избранному Богом, всё содействует ко благу.

– Аминь.

– Поспите, сир, а я поразмышляю. Мне пришли в голову некоторые мысли и надо их разложить по полочкам.

Работы на поле шли полным ходом. Штабная палатка была пуста. Ординарец доложил, что все офицеры в поле, что порадовало.

– Располагайтесь, падре, а я прогуляюсь, успокою душу. Надеюсь.

На естественный пригорок насыпали земли и уже тогда поставили штабную палатку. Вид отсюда открывался довольно приятный – ряд редутов, а между ними маршировали полки, имитирующие стрельбу. Даже кавалерия на флангах имитировала активность. Очевидно, мой теоретик коннетабль на практике опробовал свои изыскания. Неплохо.

Неплохо – это не совсем хорошо, но и не плохо. В армии всегда есть к чему стремиться и что совершенствовать. Даже, если солдату нечего делать, его заставляют копать траншею отсюда и до обеда. А после обеда – в обратном порядке. На редутах шли завершающие работы. На первых двух уже были установлены орудия, а сейчас подносили ящики с порохом и пирамидкой укладывали артиллерийские гранаты. Но последний опорный пункт – флешь, отделялась небольшим болотцем, поэтому была самым уязвимым местом. Я пошел туда, чтобы личным присутствием взбодрить работяг и, по – возможности, ускорить ход работ. Все понимают о важности и срочности работ, поэтому криками и руганью дело не ускоришь.

Оказывается, флешь начали строить первой и, поэтому она была уже полностью готова. Офицеры – канониры заставляли своих солдат перекачивать орудия, меняя позицию, направление и угол стрельбы.

– Лейтенант! Где старшие офицеры?

– Сир, они на рекогносцировке территории противника. Высматривают, откуда ему сподручнее будет наступать.

– Хорошо. Передай, я пока доволен. Пускай продолжают. На меня не отвлекаться. Если что, я в штабной палатке.

– Есть, сир!

Удовлетворённый и успокоенный, я вернулся в палатку.

Коннетабль со свитой подскакал, как лихой рубака, и с коня спрыгнул, подобно двадцатилетнему прапорщику.

– Барон, если у нас все кавалеристы такие же лихие всадники, то я не сомневаюсь в нашей победе. Лихо вы соскочили. Я так сейчас не смогу.

– Сир, моя фамилия не случайна. Ещё мой дед был Смит (кузнец). Мой род славен воинами и кузнецами, что сами себе ковали мечи. По отцовской линии я принадлежу к роду, который восходит к самому Тору – воителю. С каким-то моим прапрадедом они были родными братьями и вместе ходили в походы. Так что это не моя заслуга, а проявление древней крови.

– Но, тем не менее, не многие, хвалящиеся своими предками, могут сказать, что они достойны их. Главное, чтобы другие могли это сказать, а не мы сами, надувшись от гордости. Мой предок тоже был ярл и брат конунга, но с мечом я обращаться не умею. Дайте мушкет, фузею, саблю, пику, но с мечом я буду выглядеть смешнее, чем с топором на войне для скота. Поэтому и сейчас я, как король, спрашиваю не о заслугах предков, а о собственных. И мне так спокойнее. За собственную шкуру. Расскажите барон, что у нас плохого. Что хорошее – увидел сам. Я здесь уже походил, посмотрел, оценил. Пройдёмте в палатку, выпьем вина, поговорим. Прошу. Герцог, командиры полков и вы проходите.

Благодаря гофмейстеру, камергерам и пажам обстановка

и уют в палатке мало чем отличался от дворцового. Конечно, для меня, привычного к походной жизни. А кому не нравится – пускай привыкают. Я с удовольствием откинулся на мягком стуле и положил гудящие, словно пробежал в рыцарских доспехах пару миль, ноги на небольшую скамеечку.

– Присаживайтесь, джентльмены. Барон, начнём с вас, как с моего коннетабля. Потом командиры полков добавят, если сочтут нужным. Прошу вас, барон. Нет, нет, сидите. Я не сомневаюсь в вашем железном здоровье, но наше тело всё-таки должно иногда отдыхать. Высадятся французы, и кто знает, когда получится поспать.

– Сир, мне доложили, что вы сами лично осмотрели наши земляные укрепления.

– Да. И результатом осмотра я доволен. Я думаю, что мы теперь в любом случае успеем закрепиться. Теперь надо будет ускорить возведение нашей второй линии обороны в тылу. Там работы отстают значительно. После того, как крепостяне закончат здесь, их надо будет немедленно перебросить на тот участок обороны. Солдаты не знают о запасных тыловых позициях и будут биться исходя из того, что отступить неуда. Но мы должны иметь заранее подготовленные позиции. Впрочем, всё это вы и сами понимаете. Продолжайте, барон.

– Сир, как вы и приказали, мы отработали и продолжаем боевое слаживание пехотных частей и её взаимодействие с кавалерией. Мы отрабатывали и швейцарскую баталию, и

новые строи испанской пехоты – терции. Когда противник построится в свои боевые порядки, мы произведём наше перестроение. Кроме того, мы нарыли и устроили достаточно много волчьих ям и других ловушек. Мы провели эти работы исходя из того, что противник ограничен тем личным составом, что сумел привезти и выгрузить. А подвоз резерва затруднён по понятным причинам.

– Молодцы. Я только хотел это предложить, чтобы показать, какой я умный, а вы уже это сделали. Молодцы. Что ещё?

– Да, собственно, по большому счёту, всё.

– Конечно, я, как правитель и начальник, должен сейчас на вас покричать, сказать, что вы лодыри, и за такой срок так мало сделали, и только теперь, когда я приехал,... но этого я не скажу. Я доволен. Воюют не числом, а умением, используя природные условия и военные хитрости, типа волчьих ям и прочего. Подумайте, как можно ещё обезопасить наши редуты от штурмовых отрядов. Может, какие брёвна настелить и потом их скатить на атакующих? Подумайте. А, может, вспомните. Жаль, не можем использовать боевой опыт барона Лившиц.

– А как он, сир?

– Как? Джентльмены, мы взрослые люди, военные. Все мы понимаем, что даже если его полк сменят войска короля Карла, он всё равно будет отрезан от наших войск, и ему придётся воевать одному, без нашей помощи и поддержки, про-

тив всей армии французов. А то, что он будет воевать или на южной дороге, или ударит с тыла по этой группировки противника, я не сомневаюсь. Как, впрочем, и вы. Хорошо. Вопросы есть?

– Сир, я командир мушкетёрского полка граф Эссен. Разрешите вопрос?

– Да, граф, я слушаю.

– Сир, пока у нас есть время, может быть, есть смысл подтянуть нашу артиллерию к месту высадки десанта и расстреливать корабли ещё в море?

– Я услышал вас, граф, садитесь. Джентльмены, мы все были на берегу моря, осматривали пирс. Так, командир фузилерского полка маркиз Генрих, вы имеете большой навык, скажите ваше мнение, какие плюсы, какие минусы.

– Сир, джентльмены, как вы правильно заметили, сир, что мы видели и порт, и берег. Исходя из природных условий, а именно, относительно узкой горловины на выезде из города, там можно поставить не больше пятнадцати – двадцати орудий. Даже, если мы первый ряд орудий установим просто на земле, а второй – на редуте, тем самым сделав два ряда, то и это количество лишь сравнится с количеством орудий на хорошем морском корабле. Зачищая берег перед высадкой десанта, корабли начинают ходить вдоль берега хороводом, т.е. один за другим. Даже, если с первого залпа мы уничтожим первый корабль, то залпом со второго корабля накроет половину нашей артиллерии. А после четвёртого корабля,

мы останемся вообще без неё. И наши эти редуты окажутся без артиллерии.

– Граф, вы поняли насчёт смысла? Я специально поднял офицера, имеющего богатый боевой опыт, чтобы показать, что менее опытным офицерам иногда полезно услышать мнение опытного. Тем самым, они спасут и себя и своих солдат. А с мнением маркиза я полностью согласен. Это я обдумывал еще, когда мы были там, и там же я просчитал, сколько пушек можно установить. Шестнадцать там и четыре – сбоку, где будет сидеть наш убийца кораблей. Кстати, кто-то из наших дворян притащил под стены дворца две крепостные аркебузы с ядрами. Ядра, правда, каменные, но и ими тоже можно будет стрелять, когда закончатся чугунные. Установите их в болоте за флешью. Настелите гати из брёвен. Они относительно лёгкие, но их почти трёх метровые стволы хорошо зарекомендовали себя при обороне крепостей. Дальше. Помогите кардиналу обеспечить молебен и вообще духовную поддержку войска. На поле боя побеждает тот, у кого сильнее дух и воля к победе. А я, джентльмены, прямо сейчас выезжаю на вторую линию обороны. Там надо ускорять работы. Кто знает, когда появится французский флот. Кстати, не забывайте отрабатывать и штыковой бой – уколы, защиту. Здесь тоже нужны навыки и смелость.

– Сир, а пообедать?

– Спасибо, барон, но я король, и точно такая же палатка меня ждёт и там. Я не прощаюсь, джентльмены.

Выйдя из палатки, я залез на своего боевого четвероного друга и в сопровождении пажей и прочей свиты тронулся в путь. Не проехали и пары миль, как я услышал далёкий крик и обращение одного из пажей.

– Сир, за нами всадник. Очевидно, что-то важное.

– Едрёна вошь. Такие просто так не догоняют. Началось.

Через несколько минут нас догнал вестовой офицер гвардии.

– Сир, – прокричал ещё издалека он, – сир, французский флот обнаружен на подходе к острову. Меня прислал барон Шерлок.

– Шерлок? Так вы, сэр, с побережья. Что видели сами, что слышали?

– Сир, флот ещё не видно, но капитан шхуны, которую послал сэр Шерлок в море, доложил, что видел множество парусов, движущихся в нашу сторону. Он не стал их ожидать, т.к. сэр Шерлок приказал ему, как увидит французов, немедленно плыть к нему.

– Хорошо. А где вторая шхуна?

– Сир, как только первая шхуна прибыла с известием о французах, они обе, по приказу сэра Шерлока, убыли куда-то на север.

– Отлично, офицер. Скачите дальше во дворец и передайте это известие там, а также во дворец короля Карла.

– Есть, сир. – И отдав честь, он понёсся дальше.

– Отдохнули. М-да. Ладно, джентльмены, поспешим.

Неизвестность прошла. Теперь всё ясно – войны не избежать. Таким войском переговоры не ведут. С таким войском только завоёвывают и переделывают королевства.

Поддав лошадь коленями, я направил её вперёд аллюром.

Проскакав около двадцати миль и достигнув очередного бутылочного горлышка, мы пересели на заводных лошадей и через пару часов добрались до редута – нашей последней надежды и опоры. Почти двух с половиной метровый ров и двухметровая земляная ступенька над ним смотрелись неприступно. Но бока оставались уязвимыми, т.к. кавалерия могла спокойно на скорости проскочить обстреливаемые участки с минимальными потерями. А сколько у меня останется пехоты, чтобы надёжно перекрыть расстояние от редута до берегов болота, не знает пока даже сам Господь.

– Кто здесь старший? – Опережая меня, закричал паж. И это правильно, не царское дело холопов вызывать.

К нам, как говорят, со всех ног бежал какой-то военный, спешно застёгивая на себе деревянные пуговицы мундира.

– Ваше Величество, прапорщик третьего фузилёрского полка первой роты Стаффорд, сир.

– Ого. Уж не моего гардеробмейстера виконта Стаффорда вы родственник?

– Так точно, ваше Величество. Он мой старший брат.

– А вы всего лишь прапорщик?

– Ваше Величество, я самый младший брат в нашей семье и, как говорят, не самый спокойный.

– Ничего, прапорщик, война расставит свои точки и покажет, кто есть кто. Сразу скажу, прапорщик, не с добрыми вестями я прибыл сюда. Французский флот уже у берегов нашего острова. Сам понимаешь, что надо ускорить строительство. Вижу, сделано много и на совесть, но у вас два дня максимум. Я просто не знаю, как и как быстро будут развиваться события. Мы должны быть готовы ко всему. Нам сейчас не до этой линии обороны, поэтому вся надежда на тебя. Строй. Найди егерей, охотников, делай ловушки для конницы. Но только обозначь их вешками, чтобы наши воины в спешке не попали туда и не покалечились. Закончат работы, далеко народ не отводи. Кто знает, может, между сражений, что подправить надо будет. Вы молоды, прапорщик, но на войне люди быстро взрослеют. Хотя многие так и остаются навечно молодыми. И ваша задача, прапорщик, чтобы побольше наших солдат смогли состариться у себя дома в окружении детей. В случае чего, я у себя в палатке. Нужна будет помощь или совет – обращайтесь. Вы свободны.

Вот так, джентльмены, иногда исход сражения может зависеть всего лишь от обер – офицера. А пуле всё равно кто перед ней – маршал, офицер или простой фузилёр. Не пригнулся – получи. Когда идёшь рота на роту – пригибаться нельзя, а в остальных случаях – нужно. Сражение побежда-

ет не мёртвый солдат, но живой, посему солдат беречь и до боя, и во время боя, по возможности. Джентльмены, утром выезжаем обратно. Пока все свободны.

Выехали из лагеря, когда солнце только – только подсветило восток, а птицы сонно приоткрывали свои глаза, утомлённо подумывая, то ли начинать чирикать, то ли ещё подремать пару минут. Но я не птичка, которая не думает, что ей есть или пить, я король своего королевства и на меня войной идёт враг. В основной лагерь мы прибыли, когда солнце своим раскалённым докрасна диском опёрлось на земную твердь. Несмотря на раннее время, солдаты уже поели и топтали земли вокруг редутов, отрабатывая до автоматизма приказы своих капитанов и прапоров. Я спешил к палатке и вошёл вовнутрь. Там были мой командующий войсками, командиры полков и капитаны, которые будут руководить обороной редутов и флешей и герцог де Кале. Барон Смит, стоящий ко мне лицом, и заметивший меня первым, подал команду.

– Джентльмены! Его величество король Владимир Первый!

Все повскакивали со своих мест приветствуя меня.

– Вольно, джентльмены. Садитесь. Посмотрел я состояние дел на второй линии обороны и скажу, что не очень до-

волен. Хотя вины старших команд там нет, все работают на совесть. Особенно хочу отметить старание прапорщика третьего фузилерского полка Стаффорда. Барон, когда вы закончите оборудование редутов и, особенно важно, флешей?

– Сир, рабочие вечером завершили работы, а сейчас трупы артиллеристов выкатывают на позиции свои орудия. На полностью оснащенных редутах идёт пристрелка местности.

– Отлично. Герцог, – повернулся я к своему главному распорядителю, – распорядитесь всех освободившихся крестьян отправить на земляные работы на вторую линию обороны. И ещё. Но это уже по ведомству коннетабля. Подготовьте приказ о присвоении внеочередного звания капитана прапорщику третьего фузилёрского полка Стаффорду. Так огромный объём работы. Ему нужны полномочия, чтобы решать возникающие проблемы. Да и стимул не помешает. Если вы помните, то стимул – это острая палка для подталкивания овец. Его стимулом будет – нахождение на этой линии во время атаки врага.

– Главное, чтобы он там и не остался.

– Маркиз, некультурно перебивать своего короля. Да и не стоит особо переживать за свою тленную оболочку, когда душа получит жизнь вечную.

– Сир, у кого она и получит, а у меня – нет.

– Маркиз, а вы не христианин?

– Сир, да вы что? Я истинный христианин. Вот только грехов у меня много. Кто ж меня туда с таким багажом пустит?

– Маркиз, вы сами себя и пропустите. Все омытые и крещёные Духом Святым не будут судимы, а попадут сразу в Новый Иерусалим. Так написано. А вы крещены?

– Да, сир, конечно, я принял водное крещение ещё в детстве.

– О, маркиз. Возможно, вы помните место в Библии, где евангелист спрашивает учеников, крещены ли они. Они ответили, как вы, да, водным крещением. И когда он выяснил, что они и не слышали о крещении Духом, сказал, что через несколько дней, и они будут крещены. И в день Пятидесятницы все крещёные водным крещением, получили Духа Святого. Иоанново крещение для прощения грехов, а крещение Духом – это принятие Бога в себя и отдание себя Богу до конца.

– Сир, я, как и те ученики, не был крещён Духом Святым.

– Маркиз, если вы желаете, то я могу сделать это для вас и для остальных прямо сейчас. Пока есть время и пока не стало слишком поздно. Сейчас надо будет повторять за мною слова. Это будет молитва покаяния. Но вы помните, что в Библии написано, что если ты сам не простил брата своего, то, как же Бог тебя простит? Поэтому повторите громко за мною – по вере моей, всех кто меня обидел в прошлом, настоящем и будущем, прощаю. А теперь осмыслите, что сказали, и ответьте, утверждаете ли вы это и сейчас?

– Да, сир.

– Отлично. Тогда перейдем к

МОЛИТВЕ О СПАСЕНИИ И КРЕЩЕНИИ СВЯТЫМ ДУХОМ.

Повторяйте спокойно, можно шёпотом.

“Отец Небесный, я прихожу к Тебе во имя Иисуса. Твоё Слово говорит, что “... всякий, кто призовет имя Господа, спасётся“. Я призываю Тебя. Я молюсь и прошу Тебя, Иисус: войди в моё сердце и будь Господом моей жизни, как написано в Писании к Римлянам 10:9-10 “Если устами твоими будешь исповедовать Иисуса Господом и сердцем твоим верить, что Бог воскресил Его из мёртвых, то спасёшься“. Я делаю это сейчас. Я исповедую, что Иисус – Господь, и я верю в своём сердце, что Бог воскресил Его из мёртвых. Господи, прими меня таким, какой я есть и прости мне все мои грехи, вольные и невольные.

Теперь я рождён свыше. Я христианин – я дитё Всемогущего Бога. Я спасён. Ещё Ты сказал в своём слове: “Итак, если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, ТЕМ БОЛЕЕ Отец Небесный даст Духа Святого просящим у Него“. Я также прошу Тебя – исполни меня Духом Святым. Дух Святой, поднимись во мне, когда я буду прославлять Бога. Я ожидаю, что буду говорить на иных языках, как Ты дашь мне провещевать, и как это написано в Деяниях Апостолов и Послании Коринфянам. Аминь “.

Если сейчас кто-то захочет что-то сказать, непонятными

ему словами, то это хорошо. Не стесняйтесь, ибо это подтверждение принятия Духа Святого. Человек своим языком и хвалит Бога, и хулит человека, поэтому человеку дана милость моления на иных языках, как молился и Павел. Если кто, по причине стеснительности, не может, не беда. В Евангелии написано, что мы должны молиться о том, чтобы имели дар иных языков и дар осмысления сказанного. Теперь, джентльмены, кто помолился, как маркиз Генрих, знайте, что ваши имена записаны в книгу жизни, и в день Божьего суда вы не будете судимы, а сразу отправитесь в Новый Иерусалим, а мёртвые, т.е. без Духа Божьего, будут судиться по делам своим. Так написано в Откровениях. Аминь. А теперь, джентльмены, предлагаю позавтракать.

Офицеры, слегка оживлённые, но с задумчивыми лицами, осмысливая произошедшее с ними, начали освобождать столы от карт.

– Джентльмены, – произнёс я, поднимая кубок с вином, – в следующий раз мы так соберёмся только после нашей победы. Если с нами Бог, то кто против нас?! Мы всё можем в укрепляющем нас Иисусе Христе! Аминь. Приятного аппетита, джентльмены.

После затянувшегося завтрака начались походы по редутам и полям будущих сражений. Незаметно стемнело. Солнце, малозаметным желтым шариком, закатилось за горизонт. Наступила ночь.

Утро началось с петухами, которых не успели съесть накануне. После лёгкого завтрака я приказал седлать лошадей, чтобы проехать в Вестендорф. Я был уверен в бароне Шерлоке, но внутри что-то зудело и не давало покоя. Быстро миновали корчму, где хозяин постоянного двора загружал вещи на телеги, собираясь переждать вторжение в столице. Ещё около ста миль и мы на побережье. Изредка проезжали мимо телег со скарбом рыбаков, также решивших переждать войну где-нибудь в сторонке. Я дал команду эвакуировать население на время высадки там французского десанта, но спасение утопающих, дело рук самих утопающих. Но во дворец я передал приказ кормить всех, кто убежал туда от французов. Патриотизм тоже надо подкармливать. После обеда, ближе к вечеру мы ещё немного перекусили и уже сидели на лошадях, когда появился большой отряд беженцев. Что-то в них было не так, что меня насторожило.

– Лейтенант, спросите у них, что нового. Что-то вид у них какой-то удручённый. Неужели так жалко было окидать дома?

Офицер пришпорил лошадь и догнал ближайшую телегу.

– Сир, – чуть позже доложил он, – французская эскадра обстреляла город. Высадки десанта они не видели. Им хватило пары шальных ядер.

– Опа. Французы уже в Вестендорфе. Возвращаемся гос-

пода. Кто предупреждён, тот вооружён.

И развернув лошадей, мы галопом поскакали назад.

Сколько времени нужно войску, чтобы пройти сто миль? Три – четыре дня. Сталкиваясь с французами раньше, я рассчитывал на трое суток. По возвращению, разослали депеши по всем войскам, включая полк генерала Лившиц и короля Карла.

И вот наступил день, когда разведка доложила, что французы стали лагерем напротив нас, готовясь к битве. Конечно, было бы разумно не дать им отдохнуть и сразу же атаковать. Но мы островная армия с крайне малым количеством артиллерии и кавалерии. Кроме двух мушкетёрских и трёх фузилёрских полков мы смогли поставить под ружьё только один полк ополчения. И к двум гусарским эскадронам по триста человек, добавили три новых. Новые не значит обученные. На одном энтузиазме много не повоюешь. Итого по пехоте у нас даже не набиралось и десяти тысяч и полторы тысячи кавалеристов. У меня была уверенность в победе. Я видел своих офицеров, слаженность полков, редуты. Я был уверен, но у меня было много сомнений.

Наступило утро. Кроваво – красное зарево предупредило о появлении солнца. С первыми лучами все полки заняли свои позиции. В ожидании битвы затихли даже птицы. Затаилась и сама природа. Недалеко от штабной палатки кардинала, во главе своей церковной братии, держа в руках Библию, громко молился о победе нашего воинства над врагом.

Со стороны французов раздалась барабанная дробь. Тысячи пик всколыхнулись и густым непроглядным лесом, двинулись в нашу сторону. Всё широчайшее поле, от края до края, было заполнено вражеской пехотой.

– Ё-моё. – Не удержался я. И понял свою ошибку. Если полководец в самом начале сражения неуверен в успехе, то это сразу станет известно последнему солдату. – Много же их, джентльмены. И где же мы их хоронить всех будем?

Не сразу, но они поняли юмор и заулыбались.

– Барон, вы готовы?

– Да, сир.

– Отлично. Значит, мы победим. Барон, вы обратили внимание, что они из строя швейцарской баталии перестроились в каре по принципу древнеримских легионов. Разбив войска на когорты, они поступили весьма разумно, чтобы таким образом втиснуться в горлышко нашей бутылки.

– Сир, пускай втискиваются. Мы их здесь напоим таким элем, что многие на ногах не удержатся.

– Барон, я помню, что вы командующий армией в военное время, но небольшая королевская добавка. Нюанс. Кстати, у наших пикейщиков есть какая-то защита?

– Да, сир. Первые пять рядов имеют шлем и панцирь. Следующие три ряда – нагрудники. Увы, на большее у нас не хватило.

– Барон, дайте команду, чтобы пятая шеренга и далее за ней сделали десять шагов назад. В этот промежуток до столк-

новения запускайте кавалерию, которая будет бить со своей высоты из пистолетов по врагу. Проходя по полуэскадронно, они будут выпускать по шестьсот пуль из двух пистолетов. Согласитесь, это немного поможет нашим пикейщикам.

– Согласен, сир.– Коннетабль отошёл и дал указания вестовым офицерам.

– Барон, а почему молчат наши орудия?

– Сир, поля пристреляны и, чтобы не тратить попусту заряды, они ждут, пока французы дойдут до вешек. Подождите, шагов десять осталось.

Секунд через десять со стороны нашей флешы переливом прогрохотал гром, и сразу же, как будто ждали этого, нас оглушило пока непривычно громкой канонадой пушек редутов. Картечь в основном точно взрывалась над гущей солдат. Офицеры, идущие впереди когорт, остались невредимыми, но за ними образовалось месиво из тел. Вымуштрованные солдаты сомкнули строи и продолжали движение. На наших редутах суетились заряжающие. Прицеливающиеся срочно меняли прицельные клинья. Ещё один залп. Не все орудия сделали такие же удачные выстрелы, но и после этого некоторые когорты потеряли больше половины своего состава. Опять засуетились артиллерийские труппы.

– Они переносят удар по второй шеренге когорт, чтобы ослабить второй удар.

– Логично.

Потеряв две трети своих солдат, командиры упорно ве-

ли свои потрёпанные когорты на нас. Наши воины стояли, как молодой лесок, возле дремучего леса. До момента встречи пик оставались считанные метры. Французские офицеры прошли через какую-то полосу желтоватого оттенка и были почти в тридцати шагах от нашей первой шеренги, но тут на эту полосу вступили пехотинцы. И тут же земля, как бы разверзлась под ногами врага. Первые шеренги французских пикейщиков рухнули вниз. Даже здесь, на холме мы услышали крики боли и страданий. Задние ряды, идущие плотно сзади, сталкивали впереди идущих туда же. Строи когорт смешались. Многим, чтобы выбраться, пришлось бросить свои длинные пики, и выкарабкиваться наверх. Капитаны и прапора кричали на солдат, подгоняя их на нашу территорию. Когда с этой стороны небольшого, почти двухметрового рва, набралось человек по пятьдесят, вперёд наших строёв выбежали мушкетёры. Быстро, но без суеты, они установили свои сошки. Прицел. Залп. И наивно полагавшие о своём спасении вне рва, французы рухнули обратно туда же, почти до верха заполняя ров. Оставшиеся в живых командиры гнали своих подчинённых вперёд. Французы неуклюже, теряя пики, начали вновь преодолевать препятствие. Первые ряды попытались выстроиться в шеренгу. И опять, выдержав паузу, теперь наши пикейщики устремились в атаку, своей массой забивая врага, как скотину на бойне. Пока наше сражение больше напоминало турнир на шпагах – выпад, укол, шаг назад. Если бы это не было войной. На подходе была

вторая волна когорт. Недобитые пикейщики первой линии бросились под защиту изрядно потрёпанных, но не разбитых когорт. И вот, наконец-то, пики приняли горизонтальное положение, и началось взаимное уничтожение людей в угоду королям, лордам и тем, кому всего и всегда мало. За спинами наших воинов каруселью крутились гусары, расстреливая сверху плотную массу французов. При таком скоплении народа промахнуться было невозможно. По бокам каре фузилёры отстреливали солдат задних рядов и стрелков противника. Я с приятным удивлением заметил коннетаблю, что по скорострельности наши солдаты мало уступают французам. Хотя в центре, на левом фланге одной нашей терции у французских стрелков было явно видимое преимущество – они выбыли там почти всех наших мушкетёров. Коннетабль также это заметил и подозвал к себе вестового.

– Сэр, передайте, чтобы в батальон сэра Ульриха послали десять мушкетёров.

Чуть позже я увидел, как десять стрелков залезли вторыми номерами на лошадей гусаров, и так, за их спинами поскакали в сторону передовой. Не доезжая шагов десять, они спешили и побежали как раз туда, куда и надо было.

– Барон, вы что, всех офицеров армии знаете по фамилиям?

– Сир, вы здесь человек новый. Извините. Но у нас достаточно маленький остров, и когда из года в год встречаешь одних и тех людей, невольно запоминаешь.

– По крайней мере, в бою это вам помогает.

– И не только мне, сир. Вестовой! Дайте отмашку усилить пикейщиков.

Вестовой офицер, достав из-за спины красные флажки, что-то отсемафорил.

– Барон, вы меня опять удивили. Что это?

– Сир, то, что здесь происходит, многое мною заимствовано из книг, в том числе и древних трактатов. В частности, такую систему передачи сигналов использовали китайцы ещё двести лет назад. Это сигнал обозначал – повторить.

И действительно, по всей длине фронта от основной массы войска отсоединилось четыре шеренги пикейщиков, и присоединились к кричащей и стонущей от боли толпе сражающихся.

– Барон, я не понял, что это за женщины? Что они делают на поле боя?

– Сир, это сёстры милосердия. Они вместе с крестьянами находят раненых и относят их в госпиталь.

– Госпиталь? А у нас есть госпиталь?

– Конечно. Простите, сир, да. Да нашим холмом оборудовано место, куда сносят раненых и где им оказывают медицинскую помощь.

– Барон, я вами восхищаюсь. Как это я сам – бравый и старый вояка об этом совсем забыл. Барон, когда мы победим, напомните мне, чтобы я поблагодарил того человека, который направил вас ко мне коннетаблем.

– Спасибо, сир.

– Пока не за что. Пока благодарности заслуживаете только вы. Вы, не имея реального боевого опыта, так хорошо всё продумали и организовали. Вы действительно стратег и полководец. Я отойду на ту сторону, посмотрю на госпиталь.

С высоты холма открывался прекрасный вид на долину. Хотя прелести природы были извращённо испохаблены реалиями войны. Сотни израненных солдат, истекая кровью, едва тащились в сторону пяти палаток, куда постоянно вносили – выносили раненых. Мест в палатках уже сейчас не хватало и многие ожидали своей очереди на траве. Между ними ходили женщины в белых платках и белых фартуках, зачем-то наклонялись к ним или делали перевязки легкораненым. Чуть в стороне стоял обоз с порохом и боеприпасами. От него тоже постоянно отъезжали фуражиры, у которых на телегах в этот раз были не продукты, а ядра и бочонки с порохом. По крайней мере, в тылу всё отлажено и работает без перебоев. Я вернулся на свой командный наблюдательный пункт. В одном месте нашу оборону прорвали, и там уже кипела сеча с использованием гусар. Судя по всему, наши порыв залатают.

– Вестовой! Запишите фамилию командира гусаров, что ликвидировал прорыв.

– Есть, сир.

– Барон, хорошо хоть, что солнце нам в спину, да и ветер всё крепчает и тоже в спину. Даже природа нам помогает.

Я оглянулся назад, чтобы посмотреть на яркое солнце, слепящее наступающих французов, и опешил. Подобно кипящему нефтяному морю надвигались вал за валом грозовые тучи. Местами проскакивали огненные зубы молний, сопровождаемые могучим грохотом. И всё это с огромной скоростью несло на нас. Первым мощным порывом ветра поносило с голов местных пижонов треуголки, только начавшие входить в моду. Дождь, как из ведра, не был сейчас преувеличением. Затопило нас, потом всё это накрыло передовую и добралось и до французских арьергардов и тылов. Почти штормовой ветер добавил прелести в эту вакханалию буйства. Сражение прекратилось, как говорят, по техническим причинам. Слабым отголоском донесли последние выстрелы, еле слышимые из-за рёва ветра. В бумажных гильзах стрелков размок порох. Артиллерийские стволы заливало водой, делая и их бесполезными.

– Это не просто природа нам помогает. Это Господь услышал усиленную молитву нашего кардинала и помогает нам по милости Его и по просьбе нашей. Помните, совсем недавно я сказал, что если Бог с нами, то кто против нас. Барон, пойдёмте в палатку. Я не силён в молитвах, но у меня в Библии отмечены Псалмы прославления Бога в подобных случаях. Надо воздать славу и благодарность Богу, как умеем, а более правильно сделает кардинал.

Мы зашли в палатку. Присутствовавшие там четыре пажа и один из вестовых офицеров обалдело смотрели на нас. Под

нами сразу же образовались огромные лужи. Коннетабль был в золоченом шлеме и броне пикейщика, поэтому его вид был ещё более-менее сносным. У меня же всё обвисло под потоками воды. Наконец-то пажи всполошились и бросились искать полотенца и сухую одежду.

– Барон, я думаю, надо распорядиться, чтобы, под прикрытием дождя, организовали сбор оружия. Особенно, мушкетов и фузей. Да и пик тоже. Крестьяне у нас есть, но не было оружия. Теперь, слава Богу, и оружием разживёмся.

– Вестовой! Вы слышали, что сказали Его Величество? Выполняйте.

– Барон, что скажете о наших дальнейших перспективах? Ведь что-то придётся менять.

– Да, сир. Боеспособными после такого дождя останутся пушки, у которых порох в водонепроницаемых бочонках. Картечь и ядра тоже. Благодаря вашей прозорливости, мы в обозе заготовили гильз не по тридцать выстрелов на мушкет, как положено по Регламенту, а по девяносто. Сколько осталось – уточним. Плохо то, что пистолетных патронов в запасе не было – всё выдано на руки гусарам. А у них всё размыло водой. Теперь их оружием будут пика и сабля. Я думаю, после окончания дождя, ещё сутки боевых действий не будет. Днём всё будем приводить в порядок, а ночью отдыхать перед боем.

– Логично. К тому же на второй линии обороны у нас запас пороха и снаряжённых гильз.

– Но, на всякий случай, надо будет послать человека уточнить это.

– Согласен, сир. У нас же часто именно сейчас решат починить телегу и всё выложат на землю.

– Именно об этом я и подумал.

За полотнищами палатки всё рвало и метало. Под порывами ветра трещала парусина стен, а центральных кол наклонялся, как пьяный солдат, возвращающийся из увольнения. Какой-то гигантский рот там, наверху засасывал в себя сотни туч, чтобы всё это выплюнуть в виде воды на нас. Рёв и треск не прекращались не на секунду. Бедные солдаты и офицеры. Но что я мог сделать для них, чем помочь? Только тем, что предусмотреть и ввести в комплект их одежды какие-то накидки. Только чем их пропитывать от воды? Сейчас это не важно. Будет время – придумаем. Солдаты сами же и подскажут, они же из крестьян, значит умные и сметливые.

Мы переоделись и теперь сидели в мягких креслах, наслаждаясь горячим глинтвейном и кусочками мелко нарезанной говядины. А ведь и я тоже когда-то начинал простым подпоручиком, и мёрз, и мок. Прорвёмся, не впервой. Немного согревшись, я подошёл и откинул полог. Эпицентр урагана уже миновал нас, но потоки воды по-прежнему низвергались с небес. Под холмом было безбрежное озеро с крутой рябью

бурунов.

– Барон, мы на острове. Интересно, какова высота глубины? Как бы не утонули раненые в госпитале, ведь там только женщины.

– Капитан, – приказал коннетабль офицеру, – выйдите и замерьте глубину воды.

– Есть, сэр.

Капитан вышел и через пару минут вернулся, промокший до нитки и с водопадами воды с одежды.

– Сир, высота воды по колено, но потоком воды сбивает с ног. Я еле держался, чтобы не упасть.

– Без утопленников не обойдёмся. Тяжелораненые долго не вытерпят сидеть в холодной воде. Господи, если можно, забери этот дождь. Он уже сделал своё дело и дал нам передышку. Теперь он нам будет только мешать. Но на всё Твоя воля, Господи. Будем уповать на Господа, джентльмены. Барон, таким потоком воды размочит наши рвы. Может размывать редуты, ведь при строительстве не рассчитывали на такой ливень.

– Да, сир. Главным было успеть их построить.

– Вот то-то и оно. Сразу после дождя надо решать вопрос о восстановлении разрушенного и размывтого. Нам бы потянуть время, хоть бы ещё на сутки. Да и на второй линии обороны придётся тоже восстанавливать, но у них в запасе есть время.

– И это время даём им мы.

– Да, но для того, чтобы потом там и закрепиться.

– Как обычно, чтобы выиграть здесь, надо что-то потерять там.

– Сир, кажется, дождь затихает. Господь услышал вашу молитву.

– Слава Богу. Господа, сейчас все на улицу. Надо организовать обогрев людей, собрать сведения о погибших и оставшихся в строю, что более важно сейчас. Надо помочь женщинам в госпитале. Наверняка придётся таскать раненых. И, конечно же, боевое наблюдение за противником. На войне используют любую возможность для победы. Неплохо бы поймать вражеского офицера. Хотя и он ничего не скажет. Слишком большая неразбериха.

Я вышел за пределы палатки. На востоке радостно улыбалось умытое солнце. Над нами ещё клубились тёмные островки, выливая на землю остатки влаги. Над вражеской армией пока по-прежнему висела плотная пелена дождя, раздавался треск молний и ближние раскаты грома. Медленно, но верно непогода смещалась в сторону моря.

Двух метровые рвы перед редутами полностью заполнило водой, а сами сооружения местами превратились в пологие горки. На этих возвышенностях солдаты в спешке вбивали колья, возводя новые плетни, и заливая их из вёдер земляной жижей. Жаркое солнце начало припекать, быстро высушивая почву. Быстрые потоки воды растащили трупы павших по всем полям в округе. Жадные до пищи птицы кру-

жили в небе, а самые голодные уже пробовали на вкус свеженину. Успокаивало то, что там не было наших солдат. И наших солдат крутило, вертело, но за пределы злополучного для французов рва, не вынесло. Сейчас там ходили, с трудом вытягивая ноги из грязи, наши солдаты, собирая урожай войны. Язычники назвали бы это жертвой какому-нибудь богу войны, но мы – христиане только скорбим о погибших. Мы миролюбивый остров. Но каждого, кто засомневается в этом, порвём на куски и бросим в море на корм рыбе. Господь и здесь позаботился о нас, т.к. небольшая ложбинка между нашими войсками превратилась в озеро метровой глубины. Одиночным солдатам это не преграда, но вести через него несколько сотен пикейщиков чревато тем, что их вынуждено тихоходный строй расстреляют ещё на полпути.

– Сир, прибыли парламентёры. Спрашивают, могут ли они забрать своих павших солдат.

– Капитан, передайте им, что да, но только завтра утром, потому что сегодня собирать будем мы, и я не хочу, чтобы там образовалась драка. Завтра я гарантирую им безопасность. С рассвета они могут приступить. Идите.

– Но, сир, никто из наших солдат не будет стрелять. Солдаты собирают павших без оружия.

– Капитан, когда станете королём, вам иногда придётся думать, как мне сейчас. Неужели вы думаете, что я отдаю приказы, не подумав прежде. Идите и передайте им то, что я сказал, и приступайте к работам. Если кто появится на поле

раньше времени – стреляйте.

– Есть, сир.

– Итак, барон, думаю, что завтра к обеду атаки возобновятся. За полдня резервные полки соберут погибших, а сразу за ними отдохнувшие войска ударят по нам. Всё как обычно. По трупам своих солдат не наступают. Это подрывает боевой настрой войск. Используйте, барон, это время со свойственной вам изобретательностью и умением.

– Да, сир.

Я вернулся в палатку, но в неё тут же вошёл вестовой офицер.

– Сир, к вам на приём просится барон Шерлок.

– Шерлок?! Давай, быстро зови.

– Есть, сир. – Ответил он и выбежал из палатки.

Вскоре полог откинулся и вовнутрь вошел грязный, заросший трёхдневной щетиной барон.

– Сир, простите, что в таком виде, но не было возможности проскользнуть сквозь французские войска. Хорошо дождик помог. Во время него и пошли.

– Во время него? И вас не смыло в море?

– Временами, сир, казалось, что так и будет. Это просто чудо, что мы смогли дойти.

– Всё и всегда в руках Бога, барон. Просите Его, и Он вам поможет. Кто не просит, тому и не помогают. Верно? Расскажите, как всё прошло. Виконт, найдите барону полотенце и что-нибудь из моих сухих вещей. Капитан, налейте барону

кубок горячего глинтвейна. Пускай согрется.

Я подождал, пока барон выпьет согревающее, и поудобнее устроился на стуле.

– Сир, собственно всё прошло, как и планировали. Сначала их корабли хорошо поработали над городом. Если бы там стояли наши войска, мало бы кто уцелел. Потом пошли на приступ. Восемь кораблей начали пришвартовываться, а пара – по бокам прикрывала высадку. Я выждал время и поджог фитили. Взрывом разметало много солдат и пробило борта кораблей. Загорелась нефть. Шансов выплыть у людей не было. Корабли тут же у пирсов и затонули. Снайперы, в свою очередь, подорвали рыбацкие лодки. Подожгли, правда, всего два корабля, но нефть образовала несколько огненных островов, которые начало сносить на армаду. Один корабль, дабы не поджариться, выскочил на берег. Корабли прикрытия, не имея манёвра, прошли сквозь огонь и загорелись. Это же нефть. Она липкая. Водой не смоешь. Солдаты бросались в воду, но их спасали на шлюпках. Дальше мы не стали наблюдать и отступили. Но потом слышали опять артиллерийскую канонаду. Наверное, они не разобрались в чём дело и подумали о нашей батарее. Палили, жгли порох и тратили ядра с полчаса. Короче, всё прошло успешно, сир.

– Молодец. Барон, я вами доволен. Не зря я дал вам этот титул. Вы его оправдали. Молодец.

– Рад стараться, сир. Можете рассчитывать на меня и в дальнейшем.

– Вот только, наверное, затея с вином не вышла. Скорее всего, там всё уничтожено.

– Там, сир, возможно. Но есть ещё южная деревня, где меня не было, но было вино, которое я там им оставил.

– Не получилось у них легкой прогулки по нашему острову.

– А всё потому, сир, что это вы вовремя догадались, что они могут напасть.

– Я не догадался. Я это просчитал. Поэтому кто-то солдат, кто-то полковник, а кто-то становится королём. Так-то, барон. Тренируйте то, что внутри вашей головы, сэр, и, возможно, когда-нибудь вы станете герцогом.

– Я буду стараться, сир.

– Старайтесь лучше, барон, пока я не состарился и кто-то не отобрал у меня трон.

– Я прослежу за этим, сир.

– Зачем? Как у меня будут отбирать трон?

– Нет, сир. Чтобы никто и не покусился на это.

– Я не против, барон. Собственно, я вас и поставил на это место и придумал для вас эту новую должность и дал такие привилегии. Служите своей новой Родине и вашему королю. Отдыхайте. Кстати, а где ваши люди?

– Они у костра за вашей палаткой, сир. Там, как раз, готовится похлёбка. Заодно и поедят.

– Хорошо. И вы ешьте, потом поспите на лавке, а я пойду. Моё присутствие должно поднимать дух солдат. По крайней

мере, мне так кажется, что должно. Ну, а если у кого-то не поднимет, то тем хуже для него. Один мой вид в холод должен согреть солдата. Шучу. Я пошёл.

Воистину изобретателен и хитёр простой народ. Даже после такого проливного ливня они умудрились где-то найти сухие дрова и разжечь огонь. Что любопытно, над французским войском также сильно дымили костры, серыми карандашами поднимаясь в небо. Солнце в зените беспощадно палило, но тем самым лишь доставляя удовольствие, прогревая прозябшие тела. С высоты холма было видно, как жидкое золото солнечных лучей затапливает землю, выдавливая наверх зябкую марь недавнего дождя. Туман, рваными клочками ваты медленно поднимался вверх. Земля на глазах покрывалась корочкой, которая уже местами трескалась, будто мы не на широте Архангельска, а где-то в Центральной Африке в сезон засухи. Чудны дела Твои, Господи. Среди согревшихся и поевших солдат стали раздаваться шутки и смех, вспоминая, как кого-то чуть не унесло потоком, а кто нырял в воду, ища свой мушкет. Жизнь продолжается. Пока не прекратится под ударом сабли, укола пики или ужалит пуля. Будем жить.

В поле с новой силой закипели земляные работы. Солдаты, поставив в козлы мушкеты и сложив кучками пики, воз-

водили почти заново расползшиеся редуты. Вовремя наполненные водой рвы усилили нашу оборону. Похоронная команда, снимав панцири и нагрудники с павших, выпрямляла их, чтобы отдать новым.

Позади меня послышались шаги.

– Сир, разрешите постоять с вами?

– Я думал, барон, вам захочется немного отдохнуть после всего этого.

– Усталость чувствуется, но ожидание баталии тревожит и гонит сон. После баталии и отосплюсь.

– Ваше право, барон. Вот оно, это поле, где мы приняли бой. Вон там, за полторы мили отсюда наши редуты начинали обстрел французов и сопровождали их дл шестисот – семисот шагов, потом возвращались на новые когорты. Они за основу взяли строи древнего Рима. Потом пехота спокойно и безнаказанно шла до дальности наших мушкетов. Нам приходилось бить и по пикейщикам и по фузилёрам, что сопровождают каре по бокам. Потом, соответственно, рукопашная.

– Сир, позвольте сказать бывшему ротмистру, разжалованному до простого пикейщика?

– Конечно, барон.

– Сир, когда мы сделали своё дело в городе, отошли к лошадям, но увидели, что часть их убита ядрами, а остальные просто разбежались. Делать нечего, пошли пешком. У нас остался резервный бочонок с порохом. Ну, не выбрасывать

же его. Мы всё – таки солдаты – для нас оружие главное, а потом уже еда. Отошли уже далеко, слышим – конница. Спрятались. Это оказался передовой эскадрон. С разведкой спешили. Так ив поняли, что французы высадились на берег. Потом ещё конница, лёгкая артиллерия и прочее. Короче, днём идти нельзя – заметят. А тут ещё бочонок тяжёлый. И решили мы, чтобы не бросать его просто так, сделать маленькую подлянку французам. Вечерком прикопали его на обочине и засыпали камнями. А от него – фитилёк к болоту. Утром залёг там мой солдатик и затаился. А мы чуть дальше спрятались. Днём появилась пехота. Дождался он пока полк прошёл до половины и подорвал бочонок. Кого не поубивало камнями, так воздухом разметало знатно. Его заметили, он бежать. Не успел убежать в болота, со штуцера достали. Так я к чему всё это говорю. Сир, от того рва до наступающих будет аккурат половина того, что было с кораблями. Разрешите мне прикопать бочонки вдали, а потом мы их подорвём. Камушками обложим, как полагается. А стенки рва обольём нефтью. На бруствере закрепим большие пинали, начинённые порохом. Они при взрыве и подожгут нефть. А тут уж и наши мушкетёры выйдут и в упор перекатами отстреляются.

– У них тоже фузилёры будут.

– Выделить группы отвлечения. Пускай между собой перестреливаются.

– Добро. Я согласен. Перескажите свою задумку коннетаблю. Только расскажите от моего имени. Сами понимае-

те, ему слушать указания от солдата не по рангу. А так, выполнить повеления своего короля, то придётся без колебаний. По крайней мере, видимых колебаний на его лице, мы не увидим. Но план хорош. Только завтра с утра французы придут на это поле собирать погибших. Они не дураки, заметят – поймут и ничего не получится. Тогда сделаем так. Докладываешь коннетаблю. Получаешь его добро. Это, прежде всего. Потом берёшь солдат и, не объясняя ничего, утаскиваешь французов за свои бочонки. С запасом. Они будут лежать кучкой и прикроют ваши капания в земле. За нами наверняка наблюдают. Да, барон, но у нас же нет бамбука, нет нефти. Их не берут в поход.

– Сир, насчёт бамбука не беспокойтесь, я всё сделаю. А нефти у нас целая бочка в телеге лежит возле лазарета. Из неё факелы делают.

– Ах, ты. А я-то думаю, как они костры поразжегали. Теперь понятно. Идите, барон. Начало доброго дела нельзя откладывать. Отдохнёте после войны. Если возникнут проблемы, сразу ко мне. Идите. – Барон, как первоклассник, получивший свою первую пятёрку, рысью помчался в поисках коннетабля.

Среди любого народа есть свои герои. Простой солдат, знавший, что его будут искать и наверняка убьют, но всё равно остался и подорвал солдат врага. А у него, наверняка, семья осталась. Это мы бродяги и занесло нас сюда почти случайно, если, конечно, случайности бывают.

До самого вечера я ходил среди работающих солдат, что-то наблюдал, спрашивал, с умным видом осматривал позиции, как будто мне на них быть и с них стрелять. Солдатам приятно – сам король проявляет заботу о них. Но я-то во время баталии буду далеко от них – на высоком холме. И хоть французы знают, где я стою, и используют свои современные пушки, бьющие, в отличие от наших, почти на три мили, но их точность оставляет желать лучшего. Я опытный солдат. Прошёл не одну баталию. Я, в случае чего, и в ямку сигануть могу. Королю и трусость иногда проявить можно, но какая же это трусость, это условия обязательного выживания на войне. Мёртвый солдат – бесполезный солдат. А мёртвый полководец – считай сражение проиграно. К вечеру ноги гудели и категорически не хотели двигаться. Привыкли, заразы, к хорошему. Поел в одиночестве и лёг спать.

Утром проснулся, как и подобает солдату, под звуки трубы. Горнист сыграл побудку. Раздались крики ротмистров, поднимающих своих действительно уставших солдат. Ничего. Земляных работ осталось совсем ничего. Завершат и дам отдохнуть. Сколько сил тратится в бою, мне рассказывать не надо. Я даже, когда бежал в атаку, не кричал со всеми УРА, чтобы не сбить дыхалку. Да и в кавалерийских атаках тоже молчал. Умение умением, но и здоровье должно быть у сол-

дата отменное. Не то, что у меня сейчас. Хоть вспомнить есть что.

Слуги занесли подогретую воду и начали убирать постель. С помощью гардеробмейстера и слуг оделся. Виконт оглядел меня с ног и до головы. По-моему, остался доволен. Зашёл камер-юнкер с подносом. Ох уж эти традиции. Пришлось выпить полстаканчика вина для аппетита и зажевать мясом. Первый камер-юнкер протянул и помог нацепить шпагу, второй – накинул мне на плечи плащ. Ритуал выполнен, теперь можно идти на завтрак. До столовой восемь шагов. Ровно столько отделяет мою палатку от штабной офицерской, где и накрывают на столы для простых офицеров, чтобы не мозолили глаза королю, когда он за едою решает свои государственные вопросы со своим королевским советом.

– Джентльмены!– Раздался предупредительный крик дежурного офицера.– Его величество король Владимир Первый де ля Рашен.

– Здравствуйте, джентльмены. Садитесь. Сегодня после обеда, я предполагаю, состоится продолжение баталии. Рекомендую сейчас поесть поплотнее, а в обед отказаться от пищи, дабы при ранении в живот были шансы на спасение. Да и медикусу будет проще работать. После завершения работ всем отдыхать и ждать сигналов к бою. Приятного аппетита, джентльмены.

Зашли прапора и всем раздали походные миски и ложки. Мне, как самому, старшему, налили первому. Хорошая на-

варистая лапша из курицы. На второе – огромные куски отварной баранины и по здоровому черпаку ячменной каши. В мисках на столе лежали нарезанные помидоры и луковицы. По-военному скромно, но сытно. Молодёжь она всегда молодёжь. Среди офицеров сыпались шуточки и откровенные подколы. Обычный армейский чёрный юмор. Это нормально. Главное то, что эти, с виду пустобрёхи, в бою отдавали свои жизни за тех, кого за столом нещадно подкалывали. Это обычная особенность военного жития. Идя на смерть, надо смеяться над смертью, тогда она, обидевшись, не придёт к тебе на поле брани. Со своей привычкой быстро есть, я подчистил свою тарелку и поднялся. Гремя саблями и бронёй, вскочили вслед за мной и офицеры.

– Продолжайте, джентльмены. Я вас покину. Дела.

Как хорошо потянуться и расслабиться после сытной еды. Лучи восходящего солнца ласкали и согревали кожу. Вокруг были дымы костров. Солдаты, сидя прямо на земле, набивали свои животы кашей с мясом. Много ли человеку для счастья надо? Многие ли смогут дожить до ужина? Вопрос риторический, т.к. ответ я уже знаю заранее – очень и очень мало. Сегодня решающий день. Сегодня будет самое кровопролитное и человекоубийственное сражение. Позавчера не получилось – Господь развёл наши войска. Сегодня день с утра тихий и спокойный. В такой день с удочкой на речке надо быть, а не воевать, не вспарывать брюхо врага штыком или пикой. Но кто на что учился. Юнкеров не учат пахать

землю, юнкеров учат убивать.

Вдалеке французы уже начали вывоз своих погибших солдат. Рядом с ними маячит мундир барона Шерлока. Молодец. Ответственный. Сегодня погибнет не один барон. А сколько погибнет виконтов, вообще страшно представить. Осиротеют не только семьи, но деревни. Надо будет наградить его землёй. И преданность надо стимулировать.

Солнце потихоньку взобралось на самую верхотуру неба и оттуда в ожидании посматривало на нас. Поля опустели. Нависла тревожная тишина.

– Вестовой! Труби.

Батальоны зашевелились, расползаясь неспешными черепашками по своим позициям. Загарцевали на лошадях гусары. К госпиталю потянулись женщины. Артиллерийские начальники начали давать последние указания своим артиллерийским трупам. Все шесть человек этих трупов после этого расходились и в десятый раз перепроверяли лафеты, запасы ядер и пороха. Со стороны французов раздался сигнал боевых рожков и барабанная дробь.

Французская армия пошла в атаку. Они не стали изобретать ничего нового. Их прежняя тактика себя оправдала, хотя и не принесла победу. Сегодня они будут брать реванш. Между палатками кардинал выстроил своих священников

и приступил к молитве. Барон Шерлок со своими снайперами не спеша пошёл в сторону рва. Вроде бы все проверено, восстановлено и подготовлено. Но разве хоть один заранее составленный план сработал до конца без изменений и срочных корректировок. На то и полководец. Коннетабль в своей парадной броне смотрелся римским легатом. Да и нас осталось всего лишь на один легион.

Бум-бум, бум, бум, бум, бум-бум, бум, бум, бум.

Грохот боевых барабанов приближался к нам. Французские пикейщики в своих ярких мундирах смотрелись весьма грозно. Впереди выделялась когорта германских наёмников. Они шли прямо на снайперов барона Шерлока. Наёмники знают куда идут и чем рискуют. Наёмники – это пушечное мясо армии. Мясом сегодня они и станут. И барон Шерлок им в этом поможет.

Заработали орудия редутов. Сколько же у этих французов войск? Бьём их сотнями, а они всё лезут и лезут. Германцы, потеряв всего лишь около трети своих солдат, вышли из-под обстрела орудий. Наступил черёд сказать своё слово барону. Эффектные вспышки, крики, вопли. Небольшая паника. Но порядок восстановлен, и движение продолжилось по всему фронту. У солдат первой шеренги в руках оказались не пики, а вязанки хвороста. Они бросились бегом и стали забрасывать ими ров. Заработали наши снайперы. Раздались взрывы. Вспышки огня, дым. Хворост запылал, став непреодолимой преградой на пути пикейщиков. Из наших

шеренг выбежали фузилёры, и став в две шеренги, произвели по очереди два залпа. По бокам когорт мушкетёры соревновались в меткости, устроив массовые дуэли. Французские командиры, предвидя возможность расстрела их солдат нашими стрелками, дали команду на отступление. Отступая, они сошлись и смешались с шеренгами следующих когорт. Этим сразу же воспользовались наши артиллеристы, повернув орудия в эту сторону. Шрапнельные разрывы выкашивали французские ряды. Тогда они приняли, возможно, единственно правильное решение – приказали начать атаку прямо сквозь огонь. Солдаты привыкли выполнять приказы, не раздумывая, уповая на мудрость своего командира. Иначе и быть не может. Что такое два метра огня? Больше страшно, чем горячо. Наши фузилёры успели сделать ещё один пережат выстрелов и быстро убежали за длинные пики. По флажку четыре ряда пикейщиков пошли вперёд. За ними проскакал эскадрон, разряжая свои пистолеты во врага. Пистолетные гильзы на этом закончились, и они умчались заряжать свои пистолеты дедовским способом. Войска сошлись в пикейном бое. Артиллерия скашивала задние ряды наступающих. В то же время сотни французских солдат штурмовали сами редуты. Под их стенами не раз вспыхивали рукопашные, но наши ещё ни разу не допустили врага за рвы. Вода во рвах оказалась хорошим подспорьем при обороне сооружений. Дым от орудий, фузелей и мушкетов поднимался вверх и шатром растекался над полем сражения. Дважды француз-

ская кавалерия прорывала нашу оборону, но посланные гусары, ликвидировали эти прорывы. Численность гусар в эскадронах была близка к полуэскадронам. Прибывали вестовые офицеры с сообщениями о положении дел, но всех отправляли назад с одним приказом – стоять насмерть, выбивать врага. Даже без этого приказа все стояли насмерть, и только смерть освобождала их от своих воинских обязанностей. Наши пикейщики, теряя своих солдат, перемалывали одну когорту за другой. Французские когорты то отходили, то через полчаса возобновляли атаки, в тщетной надежде прорвать нашу оборону. А мои войска таяли весьма заметно, и это было хорошо видно с высоты холма. Как-то незаметно подкрались сумерки и начало темнеть. Блеклое солнце, словно ужаснувшись очередной человеческой трагедии, быстро пряталось за горизонтом. При этом грохоте, скачках, криках, на редких деревьях листья даже не шелохнулись. Был полный штиль. Ядовитое марево пороховых газов начало опускаться на сражающихся. Пришло время осознания и французы протрубили отбой. Стройными шеренгами они отступили в черноту полей. Наши измождённые солдаты тут же опускались на землю. Отпустило постоянное ощущение присутствия смерти и силы моментально оставляли людей.

– Вестовой! Выдать в каждый батальон по два бочонка вина. Прямо сейчас. Прапорам обеспечить солдат пищей. Выполнять.

Со стороны госпиталя раздавались крики боли, до этого

заглушаемые артиллерийской канонадой. Наступила ночь.

– Вестовой! Командирам полков посчитать оставшихся солдат и прибыть к королю. Виконт, передайте камердинерам, чтобы накрывали на стол в моей палатке с учётом командиров и моих помощников.

Примерно через полчаса я вошёл в палатку. В ней, кроме командиров полков, присутствовали ещё и незнакомые мне младшие командиры.

– Сир, – начал доклад коннетабль, – командир первого и третьего эскадронов гусар, а так же командиры второго и третьего полков фузилёров, командиры первого, второго и третьего редутов погибли. Вместо них присутствуют или их помощники, или просто старшие по званию, которые приняли на себя командование в бою. Командир второго мушкетёрского полка и командир полка ополченцев фузилеров ранены и находятся в госпитале. Ранены, но жить будут. Вместо них также их помощники. Остальные собраны.

– Герцог, – обратился я к герцогу де Кале, – подготовьте Указ. В полках и эскадронах, где погибли штатные командиры, назначить соответственно командирами тех офицеров, которые приняли командование на себя и присутствуют здесь. То есть они и завтра будут способны вести своих солдат в бой. Всех раненых лечить. На место раненых на-

значить временно исполняющих обязанности, чтобы потом не возникали конфликты. Коннетабль, вы собрали данные, сколько в каком полку, эскадроне, редуте, флешах осталось боеспособных солдат, сколько пушек?

– Да, сир. Всё записано.

– Хорошо. Точнее, так что плохого у нас? Что имеем? Способны мы завтра продолжить бой? Остались ли порох, пули, ядра? Что можете доложить?

– Если коротко, сир, то нам нужно отступить на вторую линию обороны.

– Нас так мало осталось?

– Да, сир.

– Тогда я принимаю решение. Сейчас ужинаем. Потом командиры дают на отдых солдат два часа, оставляют по одному человеку с полутонна, чтобы утром разожгли костры и дыму побольше. Остальные, через два часа, тайно уходят на вторую линию обороны. Все телеги отдать под тяжелораненых. Порох и ядра – на телеги. Собственно, они имеют свои. Лошади не устали, поэтому орудия можно отправлять и раньше с возницами. Барон, после ужина покажите мне записи. Теперь, джентльмены, ужин. Налить всем вина!

Кубки с вином немного расслабили и сняли нервное напряжение после боя. Вскоре послышались шутки и негромкий смех. Но это стремление хотя бы ненадолго отстраниться от действительности подавлялось мыслями о вынужденном отступлении. Уже через полчаса, что так непривычно для ко-

ролевского застолья, командиры полков встали и, попросив разрешения, вышли. Сразу за ними разошлись и остальные. Когда слуги убрали со стола, коннетабль лично расстелил на нём карту.

– Сир, прошу вас ознакомиться со строевыми записками командиров.

Паж пододвинул к столу стул, на который я и уселся. И правильно сделал, потому что то, что я прочитал, буквально выбивало почву из-под ног.

– Барон, у нас людей осталось чуть больше полка и пушек всего девятнадцать штук?

– Да, сир. Всё точно так.

– Да я не сомневаюсь. Это просто мои эмоции. А у нас вторая линия даже не в горлышке. Как мы удержим такую линию фронта? Они уничтожат нас одной артиллерией, даже не вступая с нами в боевое столкновение. Тяжело воевать, если их пушки бьют на три мили, а твои лишь на полторы – две.

– Сир, разрешите сказать?– Обратился барон Шерлок.

– Что сейчас хотите предложить, барон?

– Сир, то же самое. Смотрите, что будет. Утром они начинают обстрел наших позиций и начинают наступление. Отсутствие стрельбы с флеша их насторожит. Они пошлют туда кавалерию, которая выявит отсутствие противника. Командир эскадрона пошлёт известие в штаб, а сам, в обход болота, ударит в тыл нашим редутам. Но и там никого. Он скачет

в штаб с докладом. Десять минут на осмысление обстановки и приказ на выдвижение. Пехота более мобильна, поэтому уйдёт сначала. Кавалерию ушлют за нами вдогонку. Их артиллерия, пока запряжёт лошадей, загрузит порох, ядра, выйдет после всех и практически без охраны. От кого охранять? А сразу за горлышком есть удобное место для засады. Я его ещё в прошлый раз приглядел. Я со своими штуцерниками заложу бочонки с порохом вдоль дороги, и мы подорвём их вместе с французской артиллерией. Вдобавок постреляем обслугу. Простой пикейщик с пушки не выстрелит, а и выстрелит – не попадёт.

– Ваше мнение, коннетабль?

– В нашей ситуации – хорошее решение.

– Разрешите, сир.– Вмешался в разговор герцог де Кале.– Я дам барону десяток егерей с арбалетами. Они отлично показали себя за эти дни сражений. Они опытные охотники и помогут сделать незаметные укрытия, ведь мимо них пойдёт вся французская армия.

– Отлично. Тогда, барон Смит, мы и здесь немного переиграем. На утренний розжиг костров оставьте третий полк фузилёров и первый эскадрон, а также две фоконы. Эти орудия легкие и достаточно манёвренные. Фузилёры на рассвете разожгут костры, немного задержатся, а потом, набросав побольше дров, запрыгнут на лошадей гусар и ускачут. Костры потухнут – не страшно, войска начали построения. Моя палатка видна хорошо. Сомнений сразу возникнуть не должно.

– Сир, если ваша палатка остаётся, то разрешите и в ней оставить сюрприз. Я на входе, сразу за пологом прикопаю пистолет, а сверху пластинку на веточках пристрою, чтоб сразу не упала. Напротив – бочонок пороха. Куда нам без него. Входят в палатку, наступают на пластину, она – на рычажок, колёсико крутится и высекает искру. Бабах. Взрыв. Грохот. Пламя. Людей и лошадей раскидывает по холму. Красиво. Жаль, не увижу.

– Добро. Только усильте эффект покорёженными нагрудниками и камнями. Хорошее начинание надо доводить до конца.

– Сделаю, сир. Тогда, простите, попрошу всех выйти. Это займёт какое-то время, а мне нужно выезжать, т.к. и там тоже копать и обустриваться надо.

– Вы правы, джентльмены, перейдёмте в соседнюю палатку.

А там кардинал со своими подопечными укладывал и увязывал какие-то узлы.

– Доброй ночи, кардинал. Что планируете?

– Священники будут сопровождать обоз с ранеными, чтобы духовно поддержать их, а, если потребуется, то и заупокойную прочитать. Да и помочь, подать, переложить помогут.

– Хорошая идея и главное – вовремя. Вы верхом?

– Нет, сир. Моя карета под холмом. Присоединяйтесь ко мне.

– Спасибо, но не могу. Мне сейчас не до мягких подушек. И не та война сейчас, чтобы сидеть во дворце, принимая доклады с полей сражений. Я выезжаю на вторую линию обороны, чтобы организовать новое сражение.

– Сир, мы будем сражаться до последнего?

– Это даже не обсуждается, кардинал. Заготовливайте свечи для заупокойных молитв. А я постараюсь, чтобы у французских священников от этой молитвы мозоли на языке появились. Я не прощаюсь, кардинал. Доброй ночи.

– Доброй ночи, сир.

Мы вскочили на лошадей и под мерцающим светом луны рысью поскакали в тыл. Жёлтый свет освещал моих сотоварищей, делая их лица похожими на лица восставших из гроба. И, если бы не бряцание оружия и цокот копыт, то зрелище было бы устрашающее. Со стороны госпиталя раздавались стоны и резкие команды. Причём чаще – женским голосом. У земли было тихо, лишь ветерок от скачки обдувал наши лица, но на небе всё кружило. На разных уровнях облака бежали в разные стороны, то полностью закрывая луну и покрывая мраком землю, то открывая, освещая дорогу на несколько миль.

– Сир, мы миновали горлышко.– Раздался голос герцога.– Это то самое место.

Я придержал лошадь. Лунного света было достаточно, чтобы более-менее осмотреться.

– Жаль барона. Хоть у артиллеристов и мало будет охраны, но всё равно численный перевес будет у французов. Им некуда скрыться.

– Почему, сир? Болото. Среди ваших пажей есть виконт из этих мест и хорошо знающий эти места. Я отправил его к барону. Он укажет им, куда двигаться после атаки и где их будут ждать лошади. Там есть несколько троп, которые идут почти параллельно этой дороге. По крайней мере, к нам они успеют добраться раньше, чем их подопечные артиллеристы.

– Герцог, вы сняли с моей души огромный камень. Я ведь дал добро на выполнение этого, обрекая их на заклятие ради победы. Теперь у них хотя бы шанс будет. А, надеясь на панику, что возникнет у французов, этот шанс довольно велик.

– Я тоже так думаю, сир. Хорошее место. Почва каменистая, в болоте видны кусты. Есть место для фантазии. Барон толковый солдат. Он справится. – И, придавив лошадь коленями, я послал её вперёд.

Летние ночи коротки, но ожидание осени уже сказывается на ночной зябкости. Если бы не утеплённый плащ, надетый на меня юнкером, я бы продрог капитально. Всю мою офицерскую жизнь мне приходилось постоянно заботиться о других. И чем больше у меня было воинское звание, тем больше забот ложилось на мои плечи. Всех накормить, одеть, согреть ночью на привале, выдать воинское жалование, а по-

сле баталии, конечно, предать матушке земле. Столько погибших солдат у меня никогда не было и не потому, что я стал королём, а потому, что это я послал их в этот бой на эту смерть. Да, их убили захватчики, что с оружием в руках приплыли на наш остров, но косвенно в их смерти виновен и я. А это угнетает и давит на душу тяжким бременем.

Мы подскакали к редуту, обогнав первые солнечные лучи. На востоке небо только чуть-чуть подсветило, а на далёких облаках появилась пурпурная окаёмка. Увидев нашу кавалькаду, засуетились часовые, предупреждая местное начальство.

– Барон Смит, распорядитесь, чтобы крестьяне начали строить ещё один редут. Мы поставим два редута по девять пушек, чтобы их артиллерия не накрыла разом всю нашу артиллерию. Рвы побольше и поглубже. В поле заложить бочки с порохом. Здесь мы или победим, или все умрём. Это зависит от того, как мы подготовимся и встретим врага. Выполнять! Да, барон, как отдадите приказания, не забудьте о завтраке в моей палатке. Война войною, а завтрак – по расписанию. Дисциплина, прежде всего. Жизнь создала дисциплину. Дисциплина не может создать жизнь, но может способствовать её продлению. Поэтому она и создана жизнью. Жизнь – это мудрая штука. Я не прощаюсь, барон.

Я прошёл в мои апартаменты, т.е. палатку, где приготовлены для меня кровать, большой стол для еды и обсуждения

планов батальи, маленький закусочный столик и сундуки с тряпками. На столе стояли золотые кубки, украшенные драгоценными камнями. Если проиграем сражение, врагу будет, чем поживиться. И какой осёл привёз сюда всю эту королевскую показуху. Ох уж эти обычаи и обряды. Глядя на эту показушную роскошь, я непроизвольно вспомнил о кардинале.

Слегка наклонившись, чтобы пройти под пологом палатки, я чуть не врезался в своего новоиспеченного капитана.

– О, сир, извините. Мне передали, что вы приехали, и я примчался встретить вас и выразить вам свою признательность и благодарность за то, что вы произвели меня в капитаны и назначили комендантом этого укрепрайона.

– Укрепрайона?– Произнёс я, и посмотрел на подходящего к нам герцога де Кале. Он, улыбнувшись, кивнул.

– Сир, я понял, вы благоволите к этому капитану, поэтому решил немного поднять и его социальный статус. Укрепрайон приравнивается к городищу или средней крепости. Всё – таки капитан из древнего и заслуженного рода.

– Согласен. – И уже обращаясь к капитану,– Капитан, я считаю, что вы своим рвением и воинской требовательностью заслужили это. Я помню, что здесь вы, так уж сложилось, из офицеров остались одни, и весь груз по организации обороны лёг на вас. Правильность по организации второй линии обороны подтверждается сейчас. К сожалению. Кстати, а где крестьяне? Нам предстоит огромные дополнительные земляные работы по постройке второго редута. Мы

потеряли много солдат в предыдущих баталиях, и нам надо перекрывать это горлышко, что здесь и не горлышко, а скорее, тазик.

– Сир, вы распорядились после окончания работ не отпустить далеко рабочих, поэтому я их отправил в деревушку, миль восемь отсюда. Ближе нет мест, чтобы разместить и накормить столько людей. А там и озеро рядом, рыбалка.

– Восемь миль. Всё бы хорошо, если бы не время подхода. Капитан, ноги в руки и мухой туда. Как можно скорее давай их сюда. Понял?

– Да, сир.

– Тогда выполняй. Свободен.

На холм не спеша поднимался коннетабль.

– Сир, наши эскадроны на подходе. Из-за недостатка рабочей силы придётся использовать их. Но там много дворян. Дворянам работать наравне с простыми крестьянами нехорошо.

– Объявите, король сказал, что на войне перед Отечеством, как и перед Богом, все равны. Я всех нарекаю защитниками Отечества. А посему есть только одно различие – по воинскому званию. Так и объявите перед строем. А если дворянин, то и пускай докажет, что он лучше крестьянина во всём, а потому не зря носит этот высокий титул. Это вопрос закрыли. Прибудут войска, гусарам дать время, чтобы лошадей расседлать, выгулять минут десять, а потом отдыхать один час. По возможности накормить. Эх, капитан уже

убежал.

– Сир, – робко донеслось сбоку, – позвольте доложить?

Я оглянулся. Невдалеке стоял дородный мужчина с окладистой бородой в приличной одежде.

– Кто такой?

– Сир, сэра капитан назначил меня своим помощником коменданта здесь. Он убежал, но приказал мне быть всё время возле вас и отвечать на все вопросы, и решать все дела. Сир, по еде для ваших солдат могу доложить, что уже собраны костры и подвешены котлы из расчёта примерно на шесть тысяч человек. Осталось только подвести бочку с водой, закипятить воду и бросит крупу. Сыр, лук и хлеб уже приготовлены тоже.

– Хм. Молодцы. Оперативно. Только дай команду готовить примерно на тысячу. Остальные подойдут позже, только неизвестно когда. Вот ты, кстати, и пошли своего человека вперёд, чтобы был при пешем войске и заранее сообщил тебе об их подходе. Подойдёт тысячи четыре. Не больше.

– Я понял, сир. А остальные когда подойдут? Через сколько дней?

– Остальные не подойдут. Они уже наелись свинцовой каши и напились французской кровушки. Смотри, чтобы эти не были обделены простой кашей. Выдай вина по чарке. Но не больше, а то их в сон потянет с усталости, а им ещё землю копать, к бою готовиться. Завтра – послезавтра здесь баталия будет. Понял?

– Да, сир. Я всё сделаю. Не извольте беспокоиться.

– А я и не изволю. Если не сделаешь, казню за вредительство и измену. И тебя казнят уже не мои, как ты сказал, а твои и наши солдаты. Свободен.

– Барон, вы уже осмотрели диспозицию? Какие первые наметки на баталию?

– Сир, вон с того холма французы свободно рассмотрят всю нашу диспозицию и весьма её обрадуются, т.к. увидят сколько нас в действительности. Они ударят по всему фронту без акцента на фланги. У них численное преимущество и они это, разумеется, используют. Навалются и будут смотреть, где и когда наша оборона даст трещину. Туда направят кавалерию, чтобы раздвинуть наши ряды и прорваться в тыл. В брешь пошлют и резервный батальон. Сперва окружат и уничтожат меньшую часть. Потом освободившиеся силы направят для флангового удара с заходом в тыл. А дальше только дело времени. Такая диспозиция, сир.

– Умеете вы утешить, барон. Теория безукоризненна. Но с практической точки зрения, французы, возможно, захотят использовать более быстрый и менее человекозатратный способ. Глядите. От второго редута и вправо до болота отдельные деревья и группы деревьев, каменные наросты. Пускай редкие, но всё равно разбивающие строй пехоты или наступающей кавалерии. А слева до болота – идеально ровная площадка. Хоть скачки на колесницах устраивай. Что такое драгуны, вы, дорогой коннетабль, знаете, поясню для герцо-

га и остальных. Это всадники способные воевать и верхом, и в пеших рядах. Они возьмут в руки длинные пики и единым кулаком своими пиками и грудью лошадей продавят нашу оборону за одну лихую атаку. А уж вслед за ней в пролом пойдёт пехота довершать начатое. Наши войска начнут в панике разбегаться, и их надо будет просто добивать или пленить. Как я понял, барон, всех пикейщиков, мушкетёров и фузилёров вы планируете распределить равномерно на трёх проходах?

– Да, сир. Исходя из равномерности напора, это оптимальное размещение войск. Примерно по пять шеренг получится.

– Примерно так же получилось и у меня. Хорошо, что в смысле плохо. Барон, направьте прямо сейчас же всех гусар на левый фланг обороны. Цель – выкопать множество нор, ямок глубиной около десяти дюймов и шириной, чтобы провалилось копыто. Этот размер они-то уж знают лучше нас. Лошади будут спотыкаться, падать. Чем больше куча, тем меньше лошадей её обскачут стороной – кавалерийская лава достаточно плотный строй. Только так мы сможем уменьшить натиск кавалерии и перевести сражение в позиционное. Только так наши пять рядов смогут выстоять. А мушкетёры им помогут. Да и рвы копать не только перед редутами, где они уже есть, но и перед пикейщиками тоже. Срочно копать ямки. Придёт пехота или крестьяне – их сразу же подключать к этому. Но сначала покормить. Вот такие коррективы в вашу диспозицию, барон. Я думаю, мой воинский

опыт меня не подведёт.

– Да, сир. В крайнем случае, хуже от этого не будет. Я полностью поддерживаю ваши дополнения. Прямо сейчас пойду и займусь этим вопросом. Поесть всегда успею.

– Давайте, барон. Вы здесь самый главный военный специалист, вам решать. Кстати, уж не кардинал ли прибыл?

– Да, сир. Кардинал собственной персоной.

– Отлично, пригласите его ко мне в палатку.

Я присел на стул и стал дожидаться кардинала, чтобы нам, т.е. мне и герцогу, вместе позавтракать. Вскоре я услышал, как кардиналу стали поливать воду для умывания, и он громко фыркал, освежая своё тело после длительной дороги. И наконец-то слегка взбодрённый, растирающий лицо докрасна узорчатым полотенцем, кардинал вошёл в палатку.

– Мир дому сему, дети мои. – Приветствовал нас он.

– И вам не болеть, падре. – Ответил я ему, а герцог только перекрестился. – Присаживайтесь к нам. Поедим, что нам Бог на сегодня послал. Да и мой гофмейстер немного подсутился. Вам белого или красного вина, падре?

– С мясом пьют красное вино. Да и полезнее оно, если верить древним книгам.

– Древним книгам верить надо. Им не было смысла обманывать нас.

– Нас – да. А вот своих современников, вопрос?

– Логично. Но, если в меру, всё хорошо и на пользу. А то ещё немного и начнутся взрывы, неразбериха, кутерьма. Лишь бы в хаос не перешло. Тут наличие коннетабля необходимо, чтобы постоянно следить за процессом.

– Здесь вы абсолютно правы, сир. Даже при взрывах нужен тот или те, кто постоянно отслеживают и контролируют ситуацию. Взять хотя бы нашу вселенную. Да-да, спасибо, герцог, ещё два помидорчика подайте. А вина половинку только налейте. Так вот. Хотя начну чуть раньше, чтобы было более понятно. Благодаря чтению древних рун, что многие нашёл сам и многие перекупил наш брат Винсент, архивариус задолго до меня, мы смогли перевести и прочесть письма этрусков, что населяли земли современных итальянцев. Потом мы нашли закономерности в их письменности и в свитках и табличках древних шумеров, что жили на юге эдемского сада и тесно общались с богами, прибывшими на землю и обучивших людей ремёслам, выплавке металлов, земледелию.

– Падре, извините, но, если ещё выплавку можно как-то натянуть за уши, но уж земледелие-то?

– Герцог, наши предки были дикими, необразованными людьми. Они были кочевники и этим всё сказано. Тем более, пшеницы, что мы с вами сейчас едим за столом, тогда не было. Её привезли на землю боги-пришельцы. Их лошади ели ячмень, и они вместе с ними. Он рос в полях, и что-

бы осознать возможность его не собирать по полям, а собрав семена высевать, нужно время. Это, возможно, и произошло бы, но значительно позже. Нам этот процесс ускорили. И это пишут шумеры. А металл? Сир, герцог, представьте себе. Едет кочевник, слезает с коня и начинает в болоте копать яму, вырывает куски непонятно чего, обжигает дрова без доступа воздуха и, смешав всё это, выплавляет металл, из которого ещё надо и выковать оружие. А чем ковать? Естественно, все эти знания у людей только благодаря школам на территории бывшего города Доломатии, где жил Князь Земли, и Эдемского сада Адама и Евы, куда отбирали учеников из людей. Все знания шумеров оттуда. Жаль только, что после восстания Люцифера всё это закончилось из-за того, что наш Князь поверил Люциферу и присоединился к этому восстанию. Так вот, наш брат Винсент в составе экспедиции из трёхсот рыцарей и полтысячи солдат ездил в страну шумеров, где производил раскопки. Они привезли оттуда около пятидесяти малозначащих табличек и, самое главное, нашли тамошнюю библиотеку. Она горела, брёвна обрушились и завалили вход. Но благодаря специальной пропитке внутренней обшивки помещения, рукописи практически не пострадали. Вы представляете, в те времена продумать и использовать пропитку против огня. Там мы прочитали, да, собственно, и вы сир, сможете прочитать сами, такое, что, если бы это были не записи шумеров, а современного еретика, то его бы непременно сожгли на костре. Так вот, там

написано, что раньше на месте нашей вселенной было скопление звёзд. Они называли их туманностью. Такие скопления можно увидеть на небе в морозную ночь. Потом, по воле Бога, на её месте произошёл гигантский взрыв, и образовалась наша вселенная, куда, как написал евангелист, Первородным вошёл наш Господь, который есть Единородный, рождённый в недрах Отца Небесного. И наш Господь создал в ней всё. Как написал евангелист: "Которым всё, через Которого всё и для Которого всё". Т.е. в Евангелии мы нашли подтверждение написанного ещё древними шумерами за тысячи лет до рождения Иисуса Христа на земле. Там же написано, как образовалось наше солнце и уж из него отпочковались планеты и, в том числе, наша земля. Как Создатели Жизни, под руководством и по согласованию с Господом занесли жизнь на нашу планету, как появились и начали развиваться люди. Сир, начнёте читать, не оторвётесь. Я же заметил вашу слабость к исследованиям, к наукам.

– Да, я не скрывал этого, но и не думал, что это так бросается в глаза.

– Так это же отлично, сир. Только просвещённые монархи способны вести свою страну к прогрессу и развитию. За такими королевствами потянутся и другие. Добро и зло разны. Нам надо, чтобы добра было больше. Тогда злом заразится меньше народу.

– Падре, тогда ради только одного этого нам придётся выиграть эту войну.

– Сир, я не против. Я проведу вас в архив. Он находится в подвалах короля Карла, но я решу этот вопрос. Единственное, оттуда нельзя выносить книги. Там на глубине постоянная температура. Там даже книги читают в специальной читальной комнате, чтобы не нарушить условия содержания свитков и манускриптов.

– Падре, а здесь я не против. Герцог поручит за меня королевством, пока я буду читать. Поправите немного за меня, герцог?

– Если только немного, сир. Я не люблю быть первым. Мне достаточно быть рядом с королём.

– Я вас понимаю, герцог. Но служба в армии постоянно заставляла быть впереди, самому принимать решения и нести за них ответственность.

– Именно поэтому я предпочитаю быть вторым по списку. Не считая, конечно, наследников короля. Для меня они тоже идут под номером один. Меня вы можете не опасаться, сир. Я вас не предаю.

– Спасибо. Это многого стоит. Ладно, джентльмены, как говорят на Руси, с вами хорошо, а без вас ещё... . Дальше придумайте сами, как вам приятнее.

Я вышел из палатки. В горку поднимался коннетабль.

– Сир, я всё организовал, кого надо – озадачил. Работы уже начались.

– Да я вижу, барон. Проходите в палатку, присоединяйтесь к завтраку. Там герцог и кардинал, а я похожу, взбодрю

народ своим присутствием. Пускай посмотрят, что их король никогда не спит, а только думает о них.

Кивнув друг другу, мы разошлись в разные стороны. Далеко на левом фланге, подобно кротовым кучам, на земле сидели люди, долбя багинетами – мушкетными ножами отверстия – ловушки. Между ними ходили крестьяне, разнося каждому кашу в мисках.

– Хорошо придумали. Без отрыва от работы. – Подумал я о своих подданных. – Вообще мне повезло с подданными – и заботливые, и старательные, а надо – и погибнут за Царя и Отечество, т.е. за меня. Не каждому так повезёт. После войны надо будет что-то сделать для простого народа. Может, с налогами? Дворяне возмутятся. Хотя их можно и к ногтю. Хотя и этих дворян уже сколько полегло, а сколько ещё погибнет? Ладно, будет день, будем думать и решать проблемы по мере их поступления. Без этого голова от мыслей и проблем пухнет.

Когда гусары обработали метров сто поля, я приказал дать им отдохнуть четыре часа. наших войск всё равно ещё нет. Если их настиг противник, то бой завязался там. Сила гусара, всё-таки, в его руке – как сильно он сможет ударить саблей по врагу, проломить его защиту, откинуть вражескую саблю, а то и пику. Гусарам отдых нужен перед боем. Людям свойственно уставать. По себе знаю. За командирским холмом устанавливали дополнительные палатки и новые места для будущих раненых. Коннетабль учёл многие моменты

и выявленные погрешности прошлой баталии и принял меры к их устранению в этой. Надо будет разработать и изготовить награды для отличившихся победителей. Опять же для благородных отдельно, для простого народа отдельно. Можно подумать картечь выбирает, кого как ударить. Косит всех под мелкую гребёнку. Успеет ли вернуться обоз с ранеными? Французы, скорее всего, догонят его. Пустят кавалерию вдогон за нами и догонят их. Поощрят ли раненых? Вообще-то французы всегда были благородной нацией. И бой был честным. Сильного и честного противника обычно уважают, хотя и не любят. Время покажет и рассудит, а ты – король Владимир Первый делай, что должно, и будь, что будет. Твоя совесть есть твой главный судья и стимул в работе.

Работы продолжались до потёмок. Потом я приказал всем отдыхать. Среди ночи подошли наши отступающие пехотные части. Вся моя армия, за исключением арьергарда, собралась. А что с ним? Всех накормили и уложили спать. Точнее, все устроились тут же, подложив под голову свой ранец или мундир, набитый травой. Из числа местных мы выставили часовых, а десяток гусар послали назад выведать обстановку и узнать о наших солдатах. Наступила тихая, но тревожная ночь. Даже луна, чтобы не мешать своим ярким светом, застенчиво спряталась за немногочисленные обла-

ка, лишь немного подсвечивая часовым для их спокойствия. Огонь факелов внутри палатки кардинала высвечивал одинокий тёмный силуэт молящегося священника. Все его помощники остались с ранеными, и их судьба была неясна, как и судьба всего обоза. Всё в руках Бога. Я подошёл поближе к палатке кардинала и начал молиться, ибо, где двое или трое христиан, там и Господь. Многое может усиленная молитва верующего. Просите и дано будет вам, стучите и отворят.

В искренней молитве время пролетает незаметно. Да и ночи иногда бывают некстати коротки. Когда я очнулся от молитвы, на востоке солнце уже подсветило небо. Недалеко от себя я увидел несколько молящихся человек. Действительно, и добро бывает заразным. И это нормально. И это хорошо.

В предрассветной тиши раздались сначала далёкие, но потом всё ближе и ближе бряцание оружием, редкое ржание коней. Из сумерков показалась короткая колонна арьергарда. И их было наполовину меньше, чем оставалось там. Ко мне подскочил офицер в окровавленном мундире.

– Сир, вверенный мне арьергард прибыл. Готовы занять своё место на позиции.

– Сколько потеряли, сэр?

– Больше половины, сир.

– Кавалерии не вижу.

– Они все остались там. Они прикрывали наш отход до последнего. Но орудие я привёл.

– За это отдельное спасибо. Французы далеко, не знаете?

– Буквально на хвосте, сир. С рассветом будут здесь.

– Тогда уточните своё место в строю у коннетабля и отдыхать до утра. Поесть приготовят и принесут вам на место. Спасибо за службу. Вы очень помогли всему войску.

– Мы старались, сир.

– Я знаю. Я не сомневался в вас. Молодцы. Идите, отдохайте, вы славно потрудились.

– Есть, сир. – Он вскочил на лошадь и тут я увидел, что лошадь тоже ранена. Бедные животные.

Пропели первые петухи. Ещё не съели, удивился я. Армия зашевелилась. Потянуло дымком. Раздались команды ротмистров и прапоров. Потекла обычная армейская жизнь. Я смотрел на немногочисленные солдатские костры, и моё сердце сжималось от предчувствия. И оно было нехорошим. Ещё и крестьяне где-то запропастились. Всего восемь миль – это два часа максимум, а прошли почти сутки. На капитана не похоже, наверное, что-то случилось непредвиденное. Всё равно я сейчас изменить уже ничего не могу. Остаётся только ждать и надеяться.

На левом фланге перед будущим строем пикейщиков начали рыть ров. Ров не успеют, но хоть канаву какую. Может, чуть ослабит напор. Глядя на них, приступили к работам и остальные. Как-то незаметно за заботами солнце поднялось часов на десять. Вдалеке, мили за две – три стало заметно копошение войск. Французы размещались и обустроивались на новых позициях. Им проще, их атаковать никто

не будет. Хотелось бы, да нечем. Чтобы подстраховаться от нашего внезапного удара, они выкатили вперёд свои орудия. Штук тридцать. Или меньше. По обещанию герцога барон Шерлок уже должен быть на месте, но и его тоже нет. Хотя результат его работы я вижу. Хотелось бы увидеть ещё и живого Шерлока. На фоне ярких мундиров наших пикейщиков и мушкетёров, я рассмотрел тёмную форму снайперов, вооружённых штуцерами. Это же подчинённые барона! Было видно, как они прикладываются на землю, имитируя прицеливание. Где-то им нравилось, но где-то давали указания, и солдаты начинали доделывать. Готовят позиции для стрельбы по командирам, догадался я. Но что остался в живых сам Шерлок, ещё не факт. Не буду отвлекать. Сейчас не время эмоциям и соплям. Правильно, после баталии увидимся. Если сможем.

Я обратил внимание на солнечные блики на противоположном холме, где сейчас располагались французы. Несомненно, они рассматривали нас через специальные стёкла, о которых я только слышал в нашей армии. Но что я мог сделать? Нет у меня войсковых резервов. Нет артиллерии. Есть только желание сражаться, и есть боевой дух моих офицеров и солдат. Раздался грохот переката артиллерийского залпа французских пушек. С большим недолётом упали и взорвались ядра. Пристреливаются. Зараза. Могли бы, и отдохнуть немного. Хотя у артиллеристов всегда полно лошадей. Это не пехота. На французской стороне также задымились кост-

ры. Хотя это немного успокоило. У них видимо тоже – война войной, а приём пищи – по расписанию.

– Сир, сир!– Запыхавшись, ко мне подбежал капитан.

– Что за чёрт! – Обрадовался я.– Капитан, где вы шлелись со своими крестьянами? Больше суток прошло.

– Сир, виконт – владелец этой деревни прогнал крестьян со своей деревни, чтобы не кормить их. Они ушли дальше, но, слава Богу, догадались не расходиться по домам, а остались дожидаться меня, как я им и приказал.

– Скотина. После баталии прикажу расстрелять за пособничество врагу. А деревню вам, капитан, пожалуй. Вдобавок к этому укрепайону.

– Сир!

– Никаких лишних слов. Разжигайте костры, готовьте пищу. Да, капитан, прикажите разжечь костров поболее. Пускай французы подумают, что нам пополнение прибыло. Впрочем, и их можно использовать. Опытные мушкетёры будут заряжать, а они просто направлять ствол в сторону врага и стрелять. При такой плотности строя промахнуться трудно. И это тоже передайте коннетаблю. Благо фузей и мушкетов набрали на месте баталии. У нас теперь почти каждый пикейщик ещё и мушкетом французским вооружён. Вводим новые войска. Не всё кавалерию модернизировать. Идите, капитан. Я доклад принял.

Через полчаса количество костров за редутами резко увеличилось. Глядишь и купятся на это французы. Ещё бы

знать, как и куда они будут наступать.

После обеда над французскими войсками заколыхались штандарты, заиграла труба, её поддержали боевые сигнальные рожки.

Наши дозорные сразу же среагировали и проиграли Тревогу. Войска, приводя форму в порядок, расхватывая снаряжение и оружие, устремились на свои позиции. Это было начало конца. И кто знает, что будет в конце этого начала. Для меня и моего коннетабля это было очень важно.

От общей массы французских войск отделилось трое всадников со штандартом, украшенным золотыми лилиями на ярко-синем фоне.

– Сир, никак парламентёры.

– Очевидно. – Сказал я и, махнув рукой, приказал подвести коня. – Барон, вы – коннетабль, поэтому останетесь здесь. На всякий случай. Мне хватит двух пажей с нашим штандартом.

Так же медленно и не спеша, как это проделали французы, мы выехали на середину поля и остановились напротив них. Один из французов начал что-то быстро говорить. С по-возможности пренебрежительной улыбкой на устах я дотерпел до окончания его тирады.

– И что он хочет? Скажи им, что французский язык, воз-

можно и красив при звучании, но недостойн того, чтобы его знали все. Так и переводы. Но сначала скажи, что сказал он.

– Сир, он сказал, что его зовут герцог Густав Тюдор. Он назначенный коннетабль Франции и предлагает нам сдаться ввиду явного преимущества его войска над нашим. Он гарантирует...

– Дальше не надо. Понятно. А почему назначенный?

– Сир, для таких экспедиций могут назначать ещё одного коннетабля, помимо того, что остался при дворце. После окончания экспедиции он вновь будет просто герцогом.

– Вот именно, просто. После моих слов добавьте ещё. Я, король Вестленда Владимир Первый де ля Рашен милостиво разрешаю им капитулировать сегодня и прямо сейчас. В противном случае я ничего для них не гарантирую, т.к. они нагло вторглись с оружием в руках на территорию моего королевства. У них на размышление полчаса.

Судя по меняющимся выражениям лиц парламентёров, они, в отличие от меня, занимающегося в свободное время изучением воинских премудростей, а не на изучение чужих языков, английский язык понимали. Корнет, держащий штандарт, на плохом, даже ещё худшем, чем у меня, английском начал что-то эмоционально и торопливо говорить, смешивая английские и французские слова.

– Корнет, – лениво, с растяжкой ответил я, – вы, очевидно, со временем хотите стать каким-нибудь артиллерийским начальником. Неплохое желание. Мне тоже нравится музыка

артиллерийских залпов. Чьё положение хуже – посмотрим. Сейчас вяжемся в драку и поглядим. Человеку свойственно ошибаться. К вечеру узнаем, кто из нас переоценил себя. Время пошло, джентльмены.– И, козырнув, я развернул лошадь. Чуть позже меня догнали мои пажи.

– Сэр, надеюсь, что вы им перевели дословно?

– Да, сир. По-моему, они немного не в себе после ваших слов.

– Они увидели резко увеличившееся количество костров на наших позициях. Пускай думают и трепещут.

Опять раздался грохот французской артиллерии и опять сильный недолёт. Было видно, как там к орудиям подогна-ли роту солдат и начали в ручную выкатывать пушки бли-же к нашим позициям. Коннетабль оказался прав – напро-тив каждого меж редутного промежутка французы направи-ли огромные каре пикейщиков. Но это нам на руку. Точнее, моим артиллеристам. Но вот, обгоняя свою пехоту, на нас устремились французские драгуны. Как я и предполагал, они были вооружены пиками. Посмотрим, что и как накопили гу-сары для встречи своих коллег. Но я надеялся, что конница будет наступать плотной лавой, но они шли тремя мощны-ми волнами. Наверняка, бросили всю кавалерию. Пошли ва-банк. Ждать долго не пришлось. Первая волна достигла сво-их сюрпризов и уже первые десятки лошадей, подворачивая ноги, ломая шеи, начали падать, подминая собою и под се-

бя всадников. Грохот пушек редута заглушил крики на поле. Ещё не все лошади первой волны выбрались из ям, как уже вторая волна накатила сзади. Всадники, воспринявшие массовое падение предыдущей волны за обстрел фузилёрами, разобрались. Но очень многие – поздно. Если больше двух третей лошадей первой волны остались там, то со второй, только около половины. Третья волна только притормозила свой ход и, перейдя на шаг, стала осторожно пересекать опасное место. Лошади умные животные. На расстоянии ста шагов наши пикейщики дали залп по оставшимся в живых кавалеристам, подчистую уничтожая эскадроны. Но из-за их спин уже выскочили новые, жаждущие мщения. Наши солдаты быстро передали назад разряженные ружья, а им взамен протянули другие. Ещё один залп. Новые десятки всадников слетели с сёдел. Третий залп сделать не успели. Бросив на землю фузеи, пикейщики похватали свои пики и, уткнув тупые концы пик в землю, выставили смертоносные жала против надвигающихся конников. Треск ломающихся копий, предсмертное ржание лошадей и крики людей смешались в один долгий и мучительный стон. Сражение началось. Десятка полтора наших гусаров, скрываясь за спинами пехоты от пик драгун, стреляло по французам из фузей, подаваемых им последней шеренгой. Туда же бежало два десятка крестьян. В качестве их командира я разглядел одного из ординарцев коннетабля. В это же время на центральный участок и правый фланг надвигались мощно и неотвратимо

тимо, как айсберги ледникового периода, французские терции по тридцать шеренг в каждой. С наших редутов раздавалось по одному пристрелочному выстрелу. Небольшой недождёт, но человек по пять из первых шеренг, упало. Французы, очевидно решив, что мы остались без артиллерии, совершили ошибку, построив свои войска с такой глубиной. Наши немногочисленные орудия своей картечью подрегулируют соотношение сил. В центре наша фаланга зашевелилась и слегка расступилась. В промежуток выкатили большую кулеврину, и артиллерийская труппа быстро начала её заряжать. Надо не забыть и наградить, кто это приказал. Залп кулеврины смёл около сорока человек противника. Если бы не офицеры, то в их терции была бы уже паника. Но выскочившие перед строем офицеры что-то кричали и строй восстановился. Им бы сейчас в атаку побежать, но по Наставлению не положено. Иногда армейская тупость своих офицеров помогает врагу одержать победу. А такие тупые офицеры чаще всего бывают из числа сынков генералов, маршалов и прочей дворни при дворце. Но сейчас это тупое следование Наставлению было мне на руку. Орудие готовилось ко второму залпу. А тут и пушки редутов удачно накрыли вражеское войско.

Справа от меня на холме, где была установлена палатка кардинала, среди непрекращающегося грохота взрывов, был слышан зычный голос.

Господь, Бог мой!

Ты дивно велик, Ты облечён славою и величием.

Ты одеваешься светом, как ризою, простираешь небеса, как шатёр.

Устрояешь над водами горние чертоги Твои,

Делаешь облака Твоею колесницею, шествуешь на крыльях ветра.

Ты творишь ангелами Твоими духов, служителями Твоими – огонь пылающий.

Но тут почти под самый холм докатилось вражеское ядро. Раздался взрыв. Прежде, чем холм затянуло дымом и гарью, я успел увидеть, как трое из числа священнослужителей упали замертво.

– А, если и пойду долиной смерти, не убоюсь зла, Господи, Ибо Твой жезл и твой посох, Господи, успокаивают меня.–
Прошептал я.

На левом фланге французы, используя мощь лошадей, в некоторых местах, подобно грыжи, продавили нашу оборону, хотя о прорыве пока нет и речи. Одна из артиллерийских гранат упала во французский строй почти на линии соприкосновения и разорвалась. Её осколки разлетаются на двадцать пять – тридцать метров, но в такой массе, в такой гуще, в таком скоплении лошадей взрыв разметал только францу-

зов, не повредив нам. Образовалась брешь. То ли пикейщики получили команду, то ли сообразили сами, но, бросив пикейщики, схватили ранее брошенные и неиспользованные фузеи и дали залп. В результате строй кавалерии распался на два неравных куска. Пяти секундная пауза и пикейщики, вооружившись пиками, начали левый фланговый обход, оттесняя правую, более малочисленную группу врага. В этот проход, вслед за пикейщиками выскочил какой-то офицер с саблей в левой руке и начал что-то эмоционально кричать, указывая саблей на французов. Перемотанная бинтами голова, правая рука лежит на перевязи. Но по характерным дёрганым движениям рук я признал в этом офицере маркиза Джона, командира полка ополчения. Сказывается старая школа.

В это время в центре и на правом фланге сошлись французские терции и наши фаланги. На втором редуте только одно орудие продолжало обстреливать левый фланг гранатами, а остальные, перекатанные на правый фланг редута, начали осыпать картечью нескончаемые вражеские войска. Неприятным ячменём на веке одиноко стояла брошенная кулеврина, так необходимая на редуте.

– Барон! Я предлагаю кулеврину затащить на холм, где стоит палатка кардинала и оттуда бить гранатами. Расстояние как раз позволяет.

– Да, сир. Вы правы, сир. Вестовой! Быстро убрать палатку кардинала и прикажите артиллеристам запрячь лошадей и оттащить орудие на холм. Передайте, стрелять только артил-

лерийскими гранатами. Прапор! Отмашите командирующему кавалерией отправить два эскадрона на левый фланг.

Какой же умница у меня коннетабль. Не прошло и пяти минут, ещё даже не успели впрячь лошадей в лафет кулеврины, а эскадроны уже поскакали в прорыв для усиления удара. Прибытие нашей конницы решило исход боя на правом фланге. Драгуны, бросая неудобные пики, бросились обратно под защиту своих пушек и пехоты.

– Прапор! Отмаши левому флангу – вперёд и направо.

И опять, с пяти минутной паузой наши гусары поскакали в обход редута на центральную терцию французов. Их, конечно же, заметили. Терция, подобно испуганному ёжику, оцетинилась по своему краю частоколом пик. Наши эскадроны, как пчёлы над цветами, закружились вокруг французов. С прибытием наших пикейщиков ситуация слегка изменилась. Под давлением наших солдат французские шеренги стали сдавливаться, как снежная лавина, вылетевшая на горячий песок крымского пляжа. И, если первые шеренги сражающихся ещё не знали этого, то десятые – пятнадцатые ряды терции уже поняли, чем это для них может закончиться. Разрывы наших ядер помогали французам принять правильное для нас решение и ускоряли их действия. Наконец-то! Французы дрогнули и побежали! Наверняка им уже готовили какую-то помощь, но они не стали рисковать своими жизнями и побежали.

– Прапор! Отмаши – центр вперёд и направо.

И вся армада нашего войска устремилась на помощь правому флангу. Ограниченные болотом, солдаты этой терции не имели возможности манёвром убежать от нас и начали массово сдаваться. Небольшие участки продолживших сражение быстро ликвидировали.

– Вестовой! Командиру третьего фузилёрского полка – принять пленных. Командирам первого и второго батальонов – построиться в каре. Сир, я думаю, сначала посмотрим, что у нас осталось, а уж потом подумаем о наступлении.

– Верное решение, барон. Не будем спешить, французы никуда от нас не денутся.

Французская артиллерия продолжала обстреливать наши войска, нанося урон живой силе.

– Коннетабль, скомандуйте войскам отбой. Пускай отойдут за пределы доставания пушек противника. Не будем подвергать жизни людей опасности после победы. Проведём смотр чуть дальше. И ещё, барон, пошлите какой-нибудь эскадрон, чтобы подогнали сюда всех брошенных лошадей. Нам ещё французов догонять надо. На лошадях это сподручнее будет.

– Да, сир.

Я вернулся в палатку и налил полный кубок вина. Напряжение боя начало понемногу спадать.

– Спасибо Тебе, Господи, что услышал наши молитвы и помог нам по милости Твоей. А на этом месте, на этом холме поставим часовенку, как память нашей победы, как символ

верности Тебе, даровавшему нам эту победу.

– Сир, сир!

– Что такое? Французы пошли в контратаку?

– Нет, сир. Союзники.

– Какие на хрен союзники?

– Войска короля Карла. Точнее, один полк фузилёров, сир.

– Где?

– Да вон, сир. Уже в миле отсюда.

– Интересно, если бы нас разбили, этот полк смог бы победить их, или его постигла бы наша участь? Надо будет поразмышлять над этим с коннетаблем. Он мужик умный. Только как его наградить? У него вроде бы и так всё есть. Разберёмся. Вестовой! Как прибудут союзники, командира полка ко мне.

– Есть, сир.

Руки немного тряслись. Старею. Раньше никогда такого не было. Да и таких войск раньше никогда не водил в бой. Раньше – сядешь на коня, за тобой – целый полк. И вперёд на врага за царя и Отечество, за которое и кровь пролить в радость. Погибших монахов похороним здесь же в церкви, и отнесём их к мученикам за Отечество. Образец для подражания всегда нужен. Не так уж часто священники гибнут на полях сражений. А эти честно заслужили, – и раненых привезли, и сами погибли от вражеского ядра.

За палаткой слышался топот копыт, и было слышно, как

кто-то спрыгнул с седла.

– Стой! Кто таков?

– Полковник барон де Флер, командир третьего полка фузилёров Его Величества Карла Девятого, к королю Владимиру Первому. С докладом.

– Пропустите полковника!– Прокричал я, чтобы закончить с этой бюрократией, хотя и весьма важной.

Полог палатки откинулся и вовнутрь вошел моложавый и довольно симпатичный военный.

– День добрый, барон. Всё слышал. Угоститесь сначала вином, полковник, а Франция подождёт. Закусите виноградом. Хорошо контрастирует, не находите? Вот мясо, барон. Извините, у нас по-походному.

– Благодарю, ваше Величество. Действительно, вкусно. Я раньше закусывал его просто мясом, а виноград просто великолепно оттеняет букет. С вашего позволения, я ещё и мяса попробую. Голоден, надо признаться. Мы торопились к вам на помощь, поэтому старались идти без остановок. Если, честно, мы уже мало надеялись, что успеем. Куда прикажете поставить мой полк, сир?

– Минуточку, барон. Вестовой! Передать, чтобы накормили союзников.

– Есть, сир.

– Передохните немного, полковник. И ваши люди пока поедят, отдохнут, а потом вместе и с Божьей помощью двинемся догонять отступающего противника.

– Сир? Отступающего? Но как?

– Барон, я же сказал – с Божьей Помощь.

– Но, сир, наш человек доложил, что на западном побережье высадилось почти пятьдесят тысяч человек, не считая лошадей и артиллерии!

– Серьёзно!? Ёшкин кот. А я-то думаю, что такое? Мы их бьём, бьём, а их не уменьшается. Я уж волноваться начал, но сегодняшняя баталия всё расставила по местам. Мы им показали, кто в доме, в смысле на острове, хозяин. Враг разбит и, надеюсь на их благоразумие, отступает поближе к своим кораблям, чтобы вовремя, простите, смыться.

– Это просто чудо, сир.

– Согласен. Но чудо можно выпросить усиленной молитвой молящихся. Что наш кардинал и сделал. А мы были всего лишь инструментом в руках Господа. Господь Саваоф – Бог воинства взял нас под Своё крыло и привёл к победе. Так что вы, барон, вовремя – с утра идём добивать врага. Если враг не сдаётся, его уничтожают. Как сказал Иисус, кто меч поднимет, от него и погибнет. Завтра мы приведём приговор в исполнение. Сейчас мои гусары ловят трофейных коней. Солдат посадим на телеги, чтобы казённые сапоги не стоптали, а дворян – на коней и вперёд.

– Немыслимо. Сир, я торопился, думал здесь творится что-то ужасное, а прибыл к пиршественному столу.

– Французы, конечно, могут контратаковать, но у них остался мизер кавалерии – меньше эскадрона и пара бата-

льонов пикейщиков. Ха, пикейщиков. Эти пикейщики побросали свои пики, чтобы легче убежать было. К тому же у нас теперь и у пикейщиков есть мушкеты. Трофейные, разумеется. Но они стреляют не хуже наших. Проверено.

– Сир, я восхищаюсь.

– Барон, я не женщина. Хватит восторгов. Мужчине больше престало восхищаться вином, мясом, а потом уже и женщинами. Угощайтесь. Да что там – ешьте. Угощаться на королевском пиру будете, а здесь ешьте. Ешьте. А я пойду немного прогуляюсь, проверю, как устроились солдаты. Вы, наверное, слышали, барон, что до моего королевства я был военным.

– И, как я понял, отменным.

– О, барон, здесь заслуга моего коннетабля. Стратег, полководец, умница. Передайте спасибо тому, кто порекомендовал его мне в коннетабли. Если бы не он, не знаю даже, сколько бы лишних жизней мы здесь оставили. Вот он достоин всяческих похвал. Ладно, кушайте, а я пошёл.

С высоты холма я оглядел поле. Женщины, эти вечные труженицы уже обходили поле битвы, выискивая раненых и помогая им добраться до лазарета. Я видел, как они перевязывали и французских раненых, невзирая на то, что совсем недавно эти солдаты были виновны в столь многочисленных жертвах наших солдат. Но бой закончился. Теперь есть раненые, и нет врага. Милосердие – один из заветов Господа, заложено в сердце женщины при рождении. Но, если

это не произошло, то из такой женщины может получиться такой монстр, такое чудовище, что и мужчина ужаснётся. Далеко в поле курсировали небольшие группы гусар, выглядывая французов, а в небе кружили вечные спутники войны – вороны. Они слетались сюда со всего острова вкусить свежого человеческого мяса, выклевывать сладкие и сочные глаза. Кое-где, группами штук по десять они уже пытались начать своё пиршество, но женщины и мужики с носилками иногда вспугивали. Они, недовольно каркая, лениво отлетали на несколько метров, чтобы там найти себе очередной кусок лакомства.

Около редута остановилась карета кардинала. Подбежал служка, поставил рядом с дверцей маленькую табуреточку и открыл дверцу. Кардинал вылез не спеша, подмышкой придерживая толстую книгу Библии. Подобно опричникам подскакали монахи в чёрных рясах и соскочили с лошадей. Один из них протянул кардиналу копящее кадило. Кардинал впереди, а следом за ним, словно утята за уткой, вытянулись остальные. Ветром стало доносить слова Псалма.

Господь – пастырь мой, я ни в чём не нуждаюсь.

Ты успокоишь меня на злачных пажитях, поселишь меня у вод тихих.

Ты подкреплял душу мою, направлял меня на стези правды ради имени Своего.

А сейчас, когда я иду долиной смертной тени, не убоюсь

зла, потому, Господи, что Ты со мною.

Твой жезл, Господи, и Твой посох – они успокаивают меня.

Ты приготовил, Господи, трапезу мне ввиду врагов моих. Умастил елеем голову мою. Чаша моя преисполнена.

Так благость и милость да сопровождают меня, и я пребуду в доме Господнем многие дни.

– Аминь. – Добавил я от себя.

Как эхо прозвучало за моей спиной

– Аминь. Аминь.

Я оглянулся. В паре шагах за мной стояли два моих паж – молодые виконты, держащие за поводья своих лошадей и моего коня. На всякий случай. Ещё чуть дальше стояли офицеры свиты.

– Виконт, передайте вестовому офицеру, что через полчаса в моей палатке состоится военный совет. На нём должны присутствовать все полковники, командиры батальонов, командиры эскадронов и редутов, независимо от звания. В том числе и легкораненные. Предупредите барона Шерлока. И Коннетабля, и герцога де Кале, разумеется. Этого хватит. Идите.

– Есть, сир.

Я развернулся и пошёл палатку.

В палатке, облокотившись на два стула, дремал полковник. Стараясь не разбудить человека, я осторожно прошёл к столу и склонился над картой, в задумчивости бросая в рот одну за другой медовой сладости виноградины.

Через какое-то время откинулся полог и вошёл коннетабль.

– Сир, офицеры собраны. Разрешите приглашать?

– Да, барон. Спасибо.

Подглядывавший в створку дверцы вестовой пригасил собравшихся вовнутрь. Под шумок проснулся и дремавший полковник.

– Джентльмены, сначала хочу представить вам полковника барона де Флера, командира третьего полка фузилёров армии короля Карла Девятого. Он прибыл к нам с целью оказания военной поддержки. Почти вовремя. Я благодарен королю Карлу Девятому за его внимание и помощь. Джентльмены, я собрал вас сейчас, чтобы выслушать ваше мнение и мысли о том, как нам догнать, обогнать, захватить и уничтожить отступающего врага. Желательно всё-таки захватить. То, что враг отступает, нам доложила разведка. Прошу вас всех высказаться. Можете говорить самые несбыточные и нелепые предложения. Потому что, если не будет умных предложений, будем просеивать остальные, выбирая зёрна мудрости. Я не зря сказал – захватить, т.к. здесь помимо денежной стороны, когда за пленного можно потребо-

вать хороший выкуп, есть и хозяйственная сторона вопроса. Да, я, как король, как сюзерен обязан победить и изгнать захватчика с нашей земли, но, как король я обязан и беспокоиться об уровне жизни своих подданных, потому что вассал моего вассала есть мой вассал. И чем богаче будут жить крестьяне и горожане, тем больше будут иметь и мои придворные. Нам нужны наши крестьяне, чтобы выращивать хлеба, овощи на своих полях. Но у нас практически нет дорог, а их нужно кому-то строить. На севере множество болот, но среди них также много пастбищ, где круглый год растёт зелёная трава. На этих полях можно и нужно выращивать скот. Нам нужно мясо, молоко, сыр. Я участвовал в военной компании против волжских болгар. Там я увидел, что у них много клеток, где они разводят кроликов, мясо которых они любят, и которое весьма полезно при болезнях. Туда тоже надо строить дороги, там строить дома. Нам нужна бесплатная рабочая сила, которая будет работать и сама себя кормить. Наша бесплатная рабочая сила – это наши пленные. К сожалению, мы не так быстры, и французы успеют увести или сжечь флот. Жаль. Нам надо выходить в свет. Наши сыры пользуются большим спросом в Англии. Нам есть чем торговать и получать прибыль. Времена феодалов уходят. Им на смену идёт капитализм, торговля. Может быть вы, долго живя на острове, немного не знаете, что происходит в Европе, но я это знаю. И тем более обязать знать, как правитель, как мудрый правитель. Если кто не понял – это я о себе. Высказываю

вайтесь, джентльмены. Это касается и капитанов.

– Сир, позвольте мне.– Начал свою речь герцог де Кале.– Позвольте мне, человеку, не имеющему воинских чинов, а исполняющему всего лишь скромную должность главного дворцового распорядителя высказать предложение?

– Разумеется, герцог. Я вызвал сюда всех, чьё мнение мне интересно, и к чьему мнению я буду прислушиваться. Говорите, барон.

– Сир, джентльмены, в Вестендорфе вы видели две рыбацкие шхуны.

– Герцог, но они же отогнаны на север. Туда сутки пути со сменными лошадьми и больше суток назад. Причём здесь они?

– Барон, не торопитесь. Дайте мне высказаться.

– Простите, герцог.

– Джентльмены, может, кто-то из вас помнит, но пять лет назад штормом разрушило наше поселение на севере. Мне лично пришлось организовывать срочную загрузку этих шхун брёвнами, досками, мастеровыми. Я могу сказать, что в трюмах этих шхун можно разместить человек по восемьдесят солдат. И с десятков – на верху под видом рыбаков. Которые перед абордажем расстреляют французских моряков вдоль бортов их кораблей. Теперь о самих шхунах. Чуть выше, милях в двадцати есть несколько фьордов. Как-то давно наш остров врезался в проплывающие мимо айсберги и придавил их к земле Шотландии. С тех пор они так и плава-

ют с нами. Я приказал капитанам пришвартоваться там. Капитаны хорошо знают те места. Чем для нас хорошо? Тем, что туда есть проходимая для лошадей тропа. Даже – дорога. У нас сейчас есть дополнительные лошади. Посадим людей на лошадей. Сто с небольшим миль. Это миль на пятнадцать больше, чем придётся идти отступающим французам. Но те идут пешком, а наши поскачут на отдохнувших лошадях. Наш остров плывёт по течению. Корабли тоже пойдут по течению, но усиленные парусами. Шхуны подойдут к берегу с запада. Французы этого ожидать не будут. Охраны там много быть не должно. Кавалерия вынуждена прикрывать отступающую пехоту. По крайней мере, захватить флагман эскадры можно.

– У них разница в высоте бортов большая.

– Крепостные стены ещё выше, но и их захватывают. Можно сделать трапы, использовать то, что используют пираты. Это война.

– Неожиданное предложение. Даже для нас, как я понял. Тем более это удивит французов. Врага всегда надо удивлять, чтобы он тебя всегда боялся.

– Сир, разрешите?

– Маркиз Генрих? Слушаю вас.

– Сир, разрешите мне с моим полком провести эту операцию. У меня от полка как раз осталось всего двести сорок пять человек. Я три года плавал матросом. Я всё сделаю сам. Среди присутствующих офицеров нет моряков. Я

сумею. Разрешите, сир.

– Я помню ваши рассказы, маркиз. Я благословляю вас на этот подвиг. Захватите флагман, а остальные можете сжечь. Нам пока и одного корабля хватит. Тем более такого. К тому же, маркиз, там, наверняка, казна. Если захватите её, десятая часть ваша и вашего полка.

– Не сомневайтесь, сир, сделаем и захватим.

– Ощущение такое, что вы раньше были капитаном пиратского корабля. Шучу. Но казна нам действительно не помешает. Нам нужны деньги, чтобы заплатить солдатам. Да и дворяне, хоть и защищали помимо Отечества ещё и собственные дворцы, тоже были бы не против. Хотя пускай в бою захватывают в плен офицеров и требуют с них выкуп. Офицеры на строительстве дорог работники плохие. Но кому-то придётся поработать и там. Мы их сюда не звали. С этим вопросом решили. Маркиз, после совещание все подробности обсудите с герцогом. В продолжение этой мысли, чтобы не дать кавалерии уйти для защиты кораблей, надо связать её боями. Я уже дал приказ отловить всех лошадей. наших гусар на время войны переводим в ранг драгун. Мало того, делаем драгунами всех, кому достанутся лошади. Достаточный, но при этом минимальный, отдых, и вдогонку за врагом. Догнать и безжалостно жалить, как те пчёлы, к которым забрался медведь. Напоминаю, французы до сих пор сильны. У них чуть меньше полка пикейщиков. Правда, без пик. Сотни две драгун, которые побросали пики. Но у них

много пушек, пороха, ядер, сабель. Враг хоть и отступает, но он ещё опасен. Враг не побеждён до тех пор, пока сам этого не поймёт. Следом за драгунами выступает остальное войско. Время и порядок выступления определит коннетабль и доведёт до вас. Вопросы? Тогда свободны, джентльмены.

Главное подчинённого озадачить, чтобы не мешал тебе отдыхать и заниматься государственными вопросами.

– Сир, если вы не против, я пойду в свой полк. Задачу полка, как вы и сказали, я уточню у барона.

– Хорошо, барон. Ещё раз спасибо за ваше прибытие сюда. Отвесив мне грациозный поклон, барон вышел.

– Тьфу ты. Барон! Простите, ради Бога. Не можете сказать, а была ли баталия у вас? В вашем королевстве? Что на юге? Там оставался наш мушкетёрский полк, и я не знаю его судьбу.

– Сир, король Карл внял вашей просьбе и выслал свои войска на южное побережье. Наши два полка сменили на диспозиции ваш мушкетёрский полк, и он убыл в вашу сторону. Я слышал, что он столкнулся с движущимися на юг французскими войсками, но подробностей не знаю. Увы. А наши полки имели баталию. Но там французов было не больше десяти тысяч, и мы одержали полную викторию. Сейчас добивают остатки французских войск, которые успели уйти за редуты.

– Какие редуты? Там не было никаких редутов.

– Не было. Но французы построили, пока шла баталия.

Возможно, сейчас там всё закончилось, т.к. они на шлюпках вывозили своих солдат на корабли. Но подробностей я тоже не знаю.

– Благодарю вас, барон. Хотя я по-прежнему беспокоюсь о судьбе моих солдат. Буду надеяться, что это боевой полк, который имел опыт боевых действий. Не смею вас, барон, больше задерживать.

Раскланявшись, мы расстались. Мои мысли были обращены на запад, на кавалерийский бросок, на абордажную наглость, достойную пиратов.

– Виконт, – обратился я к пажу, – посмотрите, почему так тихо? Излишний шум, как и излишняя тишина напрягают.

Паж вышел и минут через пять вернулся.

– Сир, всё нормально. Резко стихло, потому что убыли эскадроны. Пехота занимается своими делами, готовясь выступить в поход. Но перед походом они не такие буйные, как гусарские лошади.

– Перед походом? Согласен. Но во время баталии, это даже полезно – отрезвляюще действует на противника. Уже убыли? Это хорошо. Передайте коннетаблю, пускай подумает над формированием ещё одного батальона пикейщиков из прибывших крестьян. Остальных пусть оставит на сбор и захоронение павших. Надо создать хотя бы тройной перевес в численности войск – у французов много артиллерии. И ещё. Передайте герцогу, пускай отправит палатку на место предыдущей баталии. Та палатка погибла. Она пожертвовала

собою, конечно, с помощью барона Шерлока, но не допустила, чтобы французские варвары нагло воспользовались ею. Вот как надо воевать. Вот что значит королевская палатка. Завтра обедать мы будем там.

– Есть, сир.

– Ну, а перекусить сейчас мне никто не помешает.– С этими словами я кивнул виночерпию, и он наполнил для меня золотой кубок, украшенный рисунками скифской охоты, моим любимым сладким красным, как кровь, вином. Французским. Да, вот такая я сволочь – воюю с ними и пью их вино. Не трофейное, а купленное за деньги королевской казны. Но, может, ещё и трофейного удастся попробовать. Но это зависит от успеха морского сражения и лихости наших гусар.

Я наслаждался изумительным букетом вина, посасывал тонкие ломтики слабосолёного сыра, безжалостно раздавливал зубами жесткие виноградинки, когда опять меня побеспокоили.

– Сир, к вам маркиз Генрих.

– Допустите.

– Сир, я готов выступать. Мы отобрали лошадей, проверили у них подковы. Люди и лошади готовы. Сир, я в обозе забрал доски. Мы из них сделаем трапы, чтобы взбегать на борт корабля. Гвозди, верёвки, инструмент захватили. Мы на шхуне вдоль бортов положим фузеи, а когда приблизимся, огнём уничтожим всех, кто подвернётся под руку. Всё будет нормально.

– Не сомневаюсь. Конечно, хорошо бы согласовать время атаки, но я не вижу как. Там сплошные болота. Мы вас не увидим – далеко. Вам предварительный выстрел не сделать – раскроете себя. Будем маячить у них на глазах, а когда услышим стрельбу, начнём атаку. Главное – вы сами не выдайте себя чем-нибудь. Мы вам помочь ничем не сможем – у них там будет сосредоточена вся артиллерия.

– Я всё понимаю, сир.

– Тогда с Богом. Благослови Господь солдат наших на благое дело защиты Отечества от посягательства врага. И солдатам своим скажи, пускай молятся о Божьей помощи и победе. Вы же знаете, кто не просит, тому и не дают, а кто просит – тому дают, кто стучит – тому открывают.

– Да, сир, удачи нам.

– Стоп. Не удачи. Удача – это надежда на случай. А успех – это упование на помощь Бога. Только то, что благословлено Богом, обречено на успех. Никогда не путайте, маркиз, и понимайте разницу. Кстати, когда по вашим расчётам вы начнёте сражение?

– Сир, галопом – лошади быстро устанут. Заводных лошадей у нас нет. Пойдём рысью. Это примерно пятнадцать миль в час, т.е. часов восемь. Полчаса дам отдых по дороге. Загрузиться пятнадцать минут. Трапы сделаем уже на борту. Двадцать миль под парусом – это примерно четыре – пять часов. Думаю, завтрашний обед мы им сорвём или сразу после него их побеспокоим.

– Понял. Я это коннетаблю и передам. Нам тоже надо будет ещё пехоту туда доставить. Лишь бы капитаны не учудили и не угнали корабли в другое место, а то здесь был бывший дворянин, что прогнал крестьян из своей деревни в нарушении моего приказа. Пришлось его лишить званий вместе с жизнью. По законам военного времени. А иначе нельзя. Король не может быть только справедлив. Король должен быть ещё и строг, карать непослушных – это залог того, что не будет бунтов. Идите, маркиз. У вас на завтрашний день запланирован подвиг. Так исполните его достойно.

– Умрём, но исполним, сир.

– А вот умирать я вам не приказывал. Не переусердствуйте, маркиз. Мне хватит только захвата флагамена с казною. Берегите себя. По-возможности.

– По-возможности, да.

Я слегка приобнял его, прекрасно понимая, куда и на что я его посылаю.

– Вестовой! Передайте коннетаблю, что завтра в обед мы должны быть в готовности атаковать французов у Вестендорфа. И, желательно, пехотой. По-возможности, с артиллерией. Но атаковать будем. Выполняйте.

Не люблю есть в присутствии толпы людей. Праздник есть праздник. Там все суетятся, галдят, все одновременно говорят и при этом никто никого не слушает. Но в повседневной жизни, еда есть время подумать, поэтому и говорят, что мысль материальна. Медленно, ритмично разжёвывая мясо,

человек пересыпает и перекачивает свои мозги, подобно гороху в мешке. При этом его мысли тасуются, как карты, складываясь, всё время в новые и новые комбинации. Бывает, что случайно выкатывается и умная мысль. Поэтому, чем больше ешь, тем больше шансов, что выскочит что-нибудь умное. При этом понятное дело, никто не должен мешать и отвлекать. Умные мысли быстрее пули, проскочила – не поймал и больше не поймаешь. Приходится накладывать себе новую порцию. И так до тех пор, пока не поймаешь или не объешься. Поэтому все генералы такие толстые, потому как умные.

– Виконт, меня не тревожить. Я на кровати буду обдумывать важные государственные мысли. Утром на восходе – разбудить. Но нежно. Поняли?

– Так точно, сир.

– Выполнять.

С той стороны палатки громко треснула сухая ветка, кто-то прошёл.

– Солнце всходит. Пора будить короля.

– Не надо. Король уже проснулся. Виконт, вы можете запускать сюда ваших птенцов.

– Я вас понял, сир. Юнкера, цирюльник, дворецкий! Быстро в палатку. Их величество уже проснулись и изволят ожидать нас!

Полог приподнялся и пропустил эту обязательную к утреннему созерцанию свору.

– С добрым утром, ваше Величество.

– Утро, действительно, доброе. Не знаю только, как будет дальше. Спасибо Тебе, Господи, за наш новый день, за то, что мы живы, за то, что Ты благословил нам его и для нас. Аминь. Джентльмены, у меня отличное настроение и отличное самочувствие, а для Отечества это важно. Одеваемся, завтракаем и в путь. Сегодня мы обязаны добить французов, чтобы с победой, как и подобает героям, вернуться в столицу.

Мне лили холодную воду из черпака, а я плескался, фыр-кал, кряхтел, умывался. Те, кто по утрам умывается тёплой водой, многое теряют. Они не ощущают того кайфа, как говорят на востоке, того наслаждения, той утренней бодрости, что могут получать, но сами себя лишают. Потом цирюльник довёл до совершенства внешность своего монарха, а камер-юнкера помогли мне натянуть этот королевский камзол. Виночерпий уже наполнил маленький серебряный стаканчик моим любимым красным полусладким. И со словами – спасибо Тебе, Господи, – опрокинул в себя эту чудесную тягучую, как ликёр, слегка терпкую жидкость, преломил кусочек пресной лепёшки, положил на неё кусочек сыра и надкусил. Как хорошо быть генералом, а королём – ещё лучше. Слегка закусив, отправился в офицерскую палатку, где по утрам накрывали общий завтрак. Подданные должны каж-

дый день видеть своего монарха, чтобы не сомневаться в своём будущем.

– Джентльмены! – Прозвучала команда. Разговоры и смех сразу же прекратились, и все, надев умные лица, приподнялись, встречая своё радостное будущее, т. е. меня.

– Джентльмены. Господа офицеры. Прошу садиться. Сегодняшний день должен быть решающим в нашей баталии. Сегодня французы попытаются погрузиться на корабли и убежать от нас к себе во Францию. Но мы понимаем, что французы войну не проиграли. Они только отступают, чтобы через год пополнить свои войска, учесть ошибки и сделать вывод. После этого они вновь, но уже в неизвестный нам час приплывут, сомнут наши передовые заслоны и ринутся к столице. Вы все видели, как и чем достались нам виктории, многие принимали участие в этих баталиях, поэтому ни у кого нет, надеюсь, мнения, что и потом мы их легко победим. Сегодня мы должны сделать так, чтобы французы, и, глядя на них, все остальные, надолго потеряли желание придти к нам и поработить нас. Кто с мечом к нам придёт, тот от меча и погибнет. Так сказал один великий русский полководец. Так, вслед за ним, скажем и мы – кто с фузеей к нам придёт, тот от фузеи и погибнет. На том и стоять будем. И, если кому сегодня выпадет честь погибнуть, знайте, что вы погибнете ради будущего нашего острова, ради свободы и счастья ваших родных, ради свободы и независимости нашего Отечества. И я, как ваш король, как сюзерен благословляю вас на

эту битву, на этот подвиг. И да поможет, и благословит всех нас Господь на это правое дело. Аминь. Выпьем по чарке вина за нашу победу. Приятного аппетита, джентльмены.

Приятно смотреть и слушать, как насыщается твоё войско, с которым ты сейчас пойдёшь в поход. Я видел их в бою, я вижу их сейчас, и мне хорошо. Насытившись, я, на выдохе, произнёс.

– Хорошо. По коням. Через пятнадцать минут выезжаем. Легкий бодрящий ветерок дул в спину, ласково подгоняя лошадей. В каком-то эскадроне затаили лихую походную похабную песню. У солдат хорошее настроение, а это главное.

На израненной, на обильно политой кровью, а потом перетоптанной, изрытой воронками от взрывов земле, гусары устроили походный бивуак, дымили костры, готовилась пища. В походной кузнице подковывали лошадей.

– А почему не в деревне? – Спросил я подъехавшего с докладом командира эскадрона.

– Сир, ещё вчера вечером там были французы. Они прикрылись пушками, а пушки прикрыли фузилёры. Мы их немного тревожили, чтобы не давать спать, а что дальше – посмотрим сегодня.

– Добро. Сейчас французы в дереве?

– Нет, сир. Даже тот арьергард, что они оставляли в деревне, покинул её. Судя по количеству павших лошадей, они торопятся.

– И это нам на руку. Полковник, вы не в курсе. Сегодня в обед или где-то около него с моря по французам ударит наш флот в составе двух шхун. Наша задача, как услышим выстрелы, ударить по противнику со своей стороны, чтобы привлечь к себе внимание хотя бы часть их войск. Потом развить наше наступление, деморализовать и окончательно разгромить врага. Если враг не сдаётся, то его уничтожают. Это армейская истина. Задача кавалерии, невзирая на медленную пехоту, быть к обеду в пределах Вестендорфа в готовности атаковать. Вы поняли меня, полковник?

– Да, сир.

– Если не получится с ходу опрокинуть и победить, то бой перейдёт в затяжной, а тут и пехота подойдёт. Короче, будем действовать по обстановке, быстро, решительно и нагло. Это наша земля и, мы будем диктовать условия и правила.

– Я вас понял, сир.

– Надеюсь. Свободны, полковник.

– Джентльмены, поехали в деревню. Надеюсь, французы не тронули нашу харчевню.

Оставшуюся милю мы проскочили быстро. Но уже изда- лека стали видны дымы от сгоревших, но ещё тлеющих до- мов. Запахло гарью, палёной шерстью. Большинство домов были сожжены. Сквозь распахнуты ворота были видно, что

в некоторых дворах валяются подстреленные коровы. А вот это зря они. Понимаю, если забрали с собой для кормёжки, но убивать? Они же убили не солдата, а корову крестьянина. В любом народе есть и герои, и трусы, есть благородные и подлецы. Но за их подлецов придётся отвечать и другим в том числе. За то, что не остановил, не задержал руку подлеца. В армии это называется воспитанием через коллектив. В римской когорте вообще могли по приказу легата казнить каждого десятого. И ничего. Это армия. А таверну они всё-таки не тронули. Внутри даже столы на местах, в мисках недоеденная еда, но вино выпили полностью, или унесли с собой. Ординарцы и мои пажи бросились наводить порядок. И вскоре весь мой военный совет сидел за уставленными разной снедью столами. В подвалах сохранилось много еды, а запасы с вином у нас были свои. Да оно и лучше. По крайней мере, наше вино не отравлено, а как можно отравить кровяную колбасу или буженину, я не знаю. Да даже и съем – не причинит это мне вреда, потому что Тот, кто во мне, больше того, кто в этом мире. Аминь. Минут через двадцать открылась дверь, и вошёл полковник – комэск.

– Сир, гусары выдвигаются к Вестендорфу, согласно вашего приказу.

– Отлично, полковник. Выпейте с нами вина.

– Сир, спасибо, нет, но сегодня за ужином, если позволите, я выпью за окончательную нашу победу.

– Согласен. С Богом, полковник.

Отдав честь, он вышел.

– Джентльмены, мы получили наглядный урок. Прекращаем есть, точнее, переносим приём пищи на природу поближе к морю. По коням, джентльмены.

Сделав пару получасовых привалов, мы доскакали до наших войск, вяло перекидывающихся с французами ядрами. Услышав далёкую канонаду, я встревожился, думая, что Генрих уже начал абордаж, но это оказалось всего лишь обычная военная потеха, чтобы не было скучно.

– Сир, разведчики – наблюдатели следят за морем. Как только покажутся наши корабли, они подадут сигнал, и мы будем в ожидании штурма.

– Отлично полковник. Я вами доволен. Пока. Сейчас поставят палатку, и я буду ожидать вашего доклада.

– Есть, сир.

– Барон, скажите, чтобы палатку ставили за холмом. У них пушки бьют на три мили. Не хватало ещё, чтобы нас накрыло шрапнелью или гранатой. Не будем дразнить раненого тигра. Даже крыса, зажатая в угол, бросается в горло. Кстати, нам тоже надо обязательно закупить подзорные трубы. Но лучше взять их в бою. Так приятнее будет и дешевле для королевской казны. Барон, если честно, я волнуюсь. Конечно, хорошо, что наши задерживаются, но нет гарантии, что они вообще придут. Капитаны могли увести свои корабли, и мы ждём тщетно.

– Всё в руках Господа, сир. Будем уповать и надеяться.

– Будем ждать. Не будет кораблей, подоспеет пехота. Только французы загрузятся и безнаказанно уплывут. И берегу не подойдёшь, их корабельная артиллерия мощнее, чем вся наша довоенная.

– Согласен, сир. Не будет смысла губить людей из-за ещё одного десятка убитых французов.

– А жаль.

– Конечно, жаль, сир.

– Едут! Плывут! Сир! Едут! – к нам бежал помощник вестового офицера.

– Есть! – Радостно вскрикнули мы с коннетаблем. – Пажи, королевского коня королю! – Прокричал я.

– Сир! Зачем? Вы рискуете. Зачем рисковать, когда победа уже в руке?

– Барон! Я офицер, прежде всего, а уж потом – король. Да и не велика потеря, король Карл вам нового назначит. – С этими словами я взлетел на своего коня и вытащил из ножен саблю, которую тащил ещё из далёкой России.

– Сир, наденьте хотя бы кирасу, шлем!

– К шуту гороховому! Гусары не стесняются такими пустяками. Командуйте тревогу, барон. Как только они подплывут к флагману, командуйте. Я буду ждать вашей команды среди гусар.

– Как скажете, сир.

– Так и скажу. И да поможет нам Бог.

Я проскакал открытое место и примкнул к эскадрону, за-

щищённому от вражеского обстрела невысоким холмом. Командир эскадрона взмахнул шашкой, приветствуя меня.

– Сейчас начнётся, джентльмены. Корабли уже пошли на сближение. Ждём команды коннетабля. Джентльмены, давайте помолимся перед боем, чтобы Господь благословил и сберёт нас. Я не силён в этом, но двадцать второй Псалом я помню.

Господь – пастор мой! Я ни в чём не нуждаюсь.

Ты покоишь меня на злачных пажитях и водишь меня к водам тихим.

Ты подкрепляешь душу мою, направляешь меня на стези правды ради имени Своего.

Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты, Господи, со мною, Твой жезл и Твой посох – они успокаивают меня.

Сбоку раздался перелив боевого горна.

– За мной, ребята!– Прокричал полковник, и мы, с криком, гиканьем и свистом ринулись за ним. Какое же это упоение нестись на лошади в окружение твоих боевых товарищей, слышать свист пуль, близкие разрывы ядер, ржание раненых лошадей. Упоение боем. Красота смерти в бою. Так и только так должен жить и умереть настоящий мужчина, рождённый воином и рождённый для боя. Несокрушимой лавою налетели мы на французские позиции. Началась сеча, нача-

лась рубка. Кто кого. Где-то на море была слышна стрельба, но это всё был второй план. Коннетабль руководил сражением, поэтому можно было здесь и сейчас свободно и безрассудно отдаться бою. На маленьком пяточке смешались наши гусары, французские драгуны и их же фузилёры, вооружённые шпагами. Такого азарта, такой бодрости я не испытывал уже давно. Боевой дух, дух победы был среди нас и в нас. Мы давили и рубили французов. Что-то больно чиркнуло мой бок, потом обожгло левую руку. Я отбил, скинув набок удар вражеской сабли, но она, скользнув со звоном, рубанула шею моего коня, разрубив её почти до половины. Самое страшное в рубке на лошадях – это упасть на землю под обутые в стальные подковы ноги мечущихся лошадей. Сделав укол в сторону драгуна, задрал ноги повыше, чтобы падающий конь не утащил за собою. Скользнул в сторону. Гардой ударил в лицо фузилёра, и уколом достал всадника. Прикрытый с одной стороны телом павшего коня и крупом французской лошади с другой, я рванул драгуна вниз и сразу же запрыгнул на свой трофей. Успел даже оглядеться. До моря оставалось не больше десяти метров, но сеча была воистину, не на жизнь, а на смерть. Никто и не помышлял о прекращении боя. Да в таком бою и не сдаются. Из такого боя можно только вырваться, убежать и только потом попытаться сдаться.

– Победа! – Закричал я. В этом месиве ничего, кроме близкого врага не видно, поэтому сражающиеся прислушива-

ются к тем звукам, которые возможно расслышать среди этого лязга, стука, криков и стонов.

– Победа!– Поддержали меня откуда-то из гущи. Солдаты, видимо понявшие, что везде уже победили, усилили натиск. Это оказалось последней каплей в чаше терпения французских солдат. Они, наивно надеясь и, возможно, забыв, что поле нашего сражения ограничено морем, бросились прочь, но только забежали по грудь в воду, где и остановились.

– Прекратить бой! Прекратить бой!– Пришлось мне несколько раз прокричать, прежде чем распалённые боем солдаты что-то не просто услышали, но смогли и сообразить. Разгорячённые лошади не могли успокоиться и метались по берегу, затаптывая тех, кто не забежал в море.

– Бросить оружие! Поднять руки и выходи на берег. Я гарантирую вам жизнь.

Я, сдуру, чуть не крикнул, что я король. Наверняка бы нашёлся какой-нибудь фанатик и на прощание проткнул бы меня шпагой.

Живой и даже не раненый командир эскадрона продублировал на французском мою команду. Десятисекундная пауза и, бросая своё оружие в воду, начали выходить на берег уже побеждённые французы. Это не было планомерное отступление, как это было накануне, это была чистая безоговорочная победа. Теперь никто не скажет, что французы не проиграли войну, а просто удалились восвояси. Лишь с два десятка кораблей я отпустил по своей милости. По милости

и ещё по кое-каким причинам. Но это не важно. Это потом и не вспомнят. Трубадуры ещё и приукрасят. Только пускай попробуют не сделать этого – отлучу от стола. Напряжение отпустило, но схватила боль. Сильная режущая боль в теле, в руке скручивали тело, заставляя наклоняться и сползти с лошади.

– Король ранен! Медикус! – Раздались крики. Меня подхватили и почти понесли к палаткам лазарета. Подбежал доктор. Меня уложили на песке, а доктор быстро и профессионально распорол камзол. Длинная резаная рана примерно на полдюйма в глубину рассекла мой бок, заливая королевской кровью крупный морской песок. Толстая салфетка и много слоёв бинта справились с кровотечением в этом месте. Рукав пришлось отрезать. Какой-то гад уколom шпаги почти насквозь проткнул мою державную руку. Хорошо хоть кость не задета, а то вместе с рукавом пришлось бы отрезать и руку. Насмотрелся я на это раньше. Кровь остановили, но не боль. Но я же король, ёшкин кот. Сжав зубы, поднялся. Отодвинул поддерживающие меня руки и медленно, проклиная всё на свете, пошёл к своей палатке.

– Сир, раны надо обязательно зашить. Может загноиться.

– Знаю. Сделаешь в моей палатке. Не хватало ещё мне матюкаться, и кричать в присутствии солдат. Стол там есть. Инструмент принеси.

Сбоку подошёл герцог и ненавязчиво подставил своё плечо. Вот паршивец, знает же, что и когда надо сделать. Спа-

сибо ему. С помощью герцога идти стало значительно проще и не так больно.

В палатке, обильно полив виноградным вином, медикус, как последний садист, зашил мне раны и ещё раз перебинтовал. Залив в себя ещё кувшин полусладкого, я устроился на кровати под надзором пажей. Боль потихоньку затихала. Вскоре я заснул.

Проснулся от негромкого говора, почти шёпота. Но как могут шептаться мужи, привыкшие командовать в сражениях. Я зевнул и открыл глаза.

Барон Смит, герцог де Кале, два командира полка, Шерлок и Генрих сидели вокруг нескольких довольно объёмных сундуков. Моряки их называют, по-моему, рундуками. Откинутые крышки не столько открывали, сколько закрывали мне вид.

– Ядрёна вошь, барон. Вы мне весь вид закрываете. Будьте любезны отодвинуться. Я ничего не вижу. Мне же любопытно.

– О, сир, вы проснулись. Как дела? Как самочувствие?

– Было прекрасное, пока не увидел, что что-то рассматривают без меня. И что это такое?

– Улов, сир, нашего корсара. Французская войсковая казна. Целёхонька. Богатый урожай собрали вы сегодня.

– Не радуйтесь раньше времени, барон. Как я обещал, десятую часть заберёт себе и своим солдатам маркиз Генрих. Маркиз, надеюсь, вы не забудете при дележе добычи ваших павших солдат. У них тоже остались семьи. И эти деньги надо будет передать им. Кроме этого, джентльмены, мне придётся отдать годовое жалование всем погибшим в этих баталиях. Точнее, передать его их семьям. Всем до командира батальона, редута включительно.

– Сир, но годовое – это же огромная сумма.

– Полковник, сомневаюсь, что ваша семья обрадовалась бы в случае вашей гибели. Так почему вы считаете, что вдова простого фузилёра будет плакать меньше? Или его дети станут жить лучше, чем ваши? Они все отдали свои жизни за своего короля, т. е. за меня. Я не только строгий, я ещё и справедливый. Мало того, мы соберём мальчиков – сирот и возьмёмся за их воспитание и обучение. Воспитанные с детства воинским наукам и приученные к воинской дисциплине, они станут отличными прапорами и ротмистрами. Так что сначала отдадим долги, а уж потом начнём делить шкуру убитого медведя. Но устроить пир в честь победы мы просто обязаны. Только при этом, барон, постарайтесь, чтобы пленные французы не повязали нас пьяных и не увезли за море, востребовав выкуп. Глупо может получиться.

Как здорово, что в мою голову пришла мысль устроить пир в честь победы. Перепоручив сие мероприятие коннетаблю, я блаженно, не беспокоемый никем, лежал в своих походных апартаментах. Коннетабль честно заслужил все почести, которые ему сегодня воздают, и будут воздавать. Мой личный доктор напоил меня какой-то гадостью, уверив, что это снимет боль. Хотел сказать ха-ха, но рана на боку слишком глубокая и каждое движение отдаётся сильной болью. Скажу только – хи-хи. Боль можно заглушить и алкоголем, но я с пелёнок не приучен к пьянству, поэтому лучше просто спокойно полежу, потерплю и дам возможность моему телу самому справляться с этими заморочками.

Слегка откинулся полог палатки, образуя небольшую щель, куда скромно протиснулся кардинал.

– Сир, зашёл проведать вас. Как самочувствие? Хуже не стало?

– Спасибо за внимание, падре. Болит, зараза. Что уж я только не пил, не помогает. Приходится просто терпеть. Ничего – три – четыре дня и будет легче.

– Сир, у вашего медикуса здесь нет всего, что есть во дворце. Может, вам будет лучше, если уехать в столицу? Ранения бывают разные, а там и у меня есть неплохой лекарь. Он делает отвары, даст выпить настойки. Травки очень хорошо помогают. Некоторые травы мы даже заказывали из Франции.

– Из Франции? Да, подобное лечится подобным. Если француз ранил, будем лечиться травками из Франции. Тем

более я знаю, какие бывают раны и их последствия. На-
смотрелся. Поехали, падре. Сейчас распоряджусь подгото-
вить экипаж.

– Сир, я, на всякий случай, уже подготовил его. Я подумал, что распрячь лошадей всегда успеем.

– Хорошо, когда в человеке сочетаются ум и мудрость.

Кряхтя и постанывая, я сполз с кровати и потихоньку поковылял наружу. Прямо у входа стояла моя карета. Дверца предусмотрительно распахнута, лесенка приставлена. Внутри, заботливой рукою, были разложены подушки. С помощью падре я устроился на скамеечке, обложившись со всех сторон амортизирующими подушками. Лошади начали свой неспешный бег.

– Падре, налейте хоть вина, а то дорога дальняя и мысли мои лишь о моей болячке. Надо сменить русло, по которому текут мои мысли. Может, что-нибудь расскажете интересное из вычитанного вами. Кстати, возвращаясь к нашим прежним разговорам, расскажите, что было до того, как. Да, Бог создал землю. Я читал это в Бытие – первой книге Моисея. А есть ли про это у тех же шумеров? Что-нибудь по подробнее вы читали? Расскажите.

– Сир, я вам расскажу то, что знают архивариусы Папы Римского, но не расскажут никому. Я, наверное, уже говорил вам, что только в Псалмах больше двадцати раз упоминается о том, что ликует не только земля, но и вся вселенная, и всё населяющее её, ненавязчиво доказывая нам, что

мы не одиноки во вселенной. Вот это и скрывается церковью, желая сделать Господа только Господом земли, отделяя Его от прочего. Всех, кто обращает своё внимание на эти строки, не объясняя, начинают обвинять чуть ли не в святотатстве. Но как можно за это обвинять, если это написано в Библии. Никто не отрицает, что Бог Един, точнее, Троица. Просто есть Бог, и есть его Единородный Сын. Всё просто. Итак, сир, во всей нашей вселенной насчитывается лишь шестьдесят один мир, подобный земле; эти миры – планеты видоизменения жизни. Большинство обитаемых миров населяется в соответствии с нормативными методами. На таких сферах Носителям Жизни, т.е. созданиям Бога, отвечающим за зарождение жизни, предоставляется лишь ограниченная возможность отклоняться от планов по имплантации жизни. Однако примерно каждый десятый мир называется *десятичной планетой* и выделяется в особый реестр Носителей Жизни; и на таких планетах им разрешается проводить некоторые эксперименты с жизнью с целью модифицировать или, по возможности, улучшить стандартные вселенские типы живых существ. К этой категории относилась и земля, куда они занесли плазму жизни. Всё это, естественно, сначала было согласовано и получило одобрение нашего Господа, который Первородным был введен в нашу вселенную Владыкой и будущим Богом разумных существ.

Наши примитивные предки свободно циркулировали в соленом океане. Сегодня тот же, похожий на океан, соленый

раствор свободно циркулирует в наших телах, омывая каждую отдельную клетку химическим раствором, который по всем основным параметрам сравним с соленой водой, стимулировавшей первые протоплазменные реакции первых живых клеток на планете.

В начале той эпохи земля во всех отношениях приближалась к состоянию, благоприятному для поддержания изначальных форм морской жизни. Физическая эволюция на земле и в окружающих регионах пространства медленно, но верно подготавливала почву для последующих попыток по созданию таких форм жизни, которые, по нашему мнению, были бы наилучшим образом приспособлены к формирующемуся физическому окружению – как наземному, так и пространственному.

Именно из этих прибрежных морских вод, в условиях мягкого и ровного климата более поздней эпохи, примитивная растительная жизнь вышла на берег, где высокое содержание углерода в атмосфере предоставило новым разновидностям наземной фауны приспособить атмосферу к жизни. На планете, где жизнь имеет морское происхождение, идеальные условия для имплантации жизни обеспечиваются большим числом внутренних морей, обширным прибрежным мелководьем и обилием защищенных лагун вдоль береговой линии. Воды земли быстро распределялись именно таким образом. Эти древние внутренние моря редко имели в глубину более пятисот или шестисот футов, а солнечный

свет способен проникать в океаническую воду более чем на шестьсот футов. Всё это дало морской жизни возможность быстрого и пышного роста. Хотя эта атмосфера была идеальной для растительной жизни, в ней было столько углекислого газа, что никакое животное, уже не говоря о человеке, не могло бы жить на поверхности земли. Но появились водоросли, потребляющие углекислый газ и выделяющие кислород, потом на земле появились деревья. Постепенно на земле стали создаваться условия существования животных.

Солнце изливает настоящие потоки смертоносных лучей, и наша приятная жизнь на земле возможна благодаря «случайным» воздействиям более чем сорока защитных операций, которые кажутся непреднамеренными и действие которых схоже с действием уникального озонового слоя.

Если бы не ночной «окутывающий» эффект атмосферы, потери тепла из-за его излучения происходили бы столь быстро, что жизнь можно было бы поддерживать только за счет искусственных мер. Как, например, это они предписывают обитаемому миру в созвездии Лебедя, где высоко над планетой летают устройства, сберегающие эту энергию. По своему развитию эта цивилизация обогнала нас на тысячи лет.

120.000.000 лет тому назад начался новый период в развитии пресмыкающихся. Этот этап ознаменовался эволюцией и упадком динозавров. По своим размерам наземные животные достигли предела своего развития и к концу перио-

да практически исчезли с лица земли. Существовали динозавры всех размеров – от вида длиной менее двух футов до исполинских неплотоядных динозавров, имевших семьдесят пять футов в длину; таких размеров не достигало с тех пор ни одно живое существо.

Крупнейшие динозавры появились в западной части Северной Америки. Эти исполинские рептилии захоронены по всему региону Скалистых гор, вдоль атлантического побережья Северной Америки, на территории западной Европы, Южной Африки и Индии, но не в Австралии.

По мере всё большего увеличения в размере, эти массивные создания становились всё менее подвижными и сильными; однако они нуждались в таком количестве пищи, а земля была заполнена ими настолько, что они в прямом смысле слова стали голодать, и вымерли; им не хватало сообразительности, которая помогла бы справиться с данной ситуацией.

Выдающимся событием ледникового периода стала эволюция первобытного человека. Немного западнее Индии, в районе, находящемся в настоящее время под водой, среди потомков мигрировавшего в Азию древнего североамериканского типа лемура, перешеек потом опустился в море, *внезапно* появились млекопитающие, ставшие ранними предшественниками человека. Эти небольшие животные ходили в основном на задних ногах и обладали большим мозгом по отношению к своему росту и в сравнении с моз-

гом других животных. В семидесятом поколении этого типа живых существ *внезапно* выделилась новая, более развитая группа. Эти новые млекопитающие – промежуточные предшественники человека, рост которых почти вдвое превышал рост их предков и которые обладали пропорционально увеличившимся мозгом – едва успели утвердиться, как *внезапно* произошла третья важнейшая мутация: появились приматы. В это же время, в результате обратного развития промежуточных предшественников человека, появились человекообразные обезьяны; с того дня и по сей день человеческая ветвь прогрессирует за счет постепенной эволюции, в то время как человекообразные обезьяны остались в неизменном состоянии и даже несколько регрессировали. Скажем так, кто предпочёл ходить на двух ногах, жить в пещерах, не боялся трудностей, стали человекообразными, а потом людьми. Те, кто предпочёл бездумно прыгать по веткам, наслаждаясь изобильно растущими плодами, так и остались обезьянами. Причём, все эти внезапные качественные изменения происходили, как вы понимаете, с помощью Носителей Жизни. Со стороны могло показаться, что это не их дети, но они были плоть от плоти, но с корректировкой Носителей. Так и у людей, очевидно, настанет время, когда будут рождаться дети качественно сильно отличающиеся от своих сверстников. Всё под контролем этих Носителей. Они помогают эволюции земли.

1.000.000 лет тому назад земля была зарегистрирована

как *обитаемый мир*. Мутация, произошедшая в племени прогрессирующих приматов, опять *внезапно* дала двух первобытных людей – действительных прародителей человечества.

По времени это событие примерно совпало с третьим ледниковым наступлением; поэтому очевидно, что наши древние предки родились и выросли в стимулирующем, закаляющем и трудном окружении. И единственные уцелевшие потомки этих земных аборигенов – эскимосы – до сих пор предпочитают жить в суровых северных краях.

В западном полушарии люди появились лишь незадолго до конца ледникового периода. Однако в межледниковые эпохи они продвигались на запад вокруг Средиземного моря и вскоре распространились на всю Европу. В пещерах западной Европы можно обнаружить человеческие кости, перемешанные с останками как тропических, так и арктических животных. Это доказывает, что человек жил в этих регионах на протяжении последних эпох наступления и отступления ледников.

35.000 лет тому назад великий ледниковый период завершился повсюду, за исключением полярных регионов планеты. Эта дата знаменательна также тем, что незадолго до этого на планету прибыли Материальный Сын и Материальная Дочь, которых мы знаем под именами Адам и Ева, и начался адамический судный период. Это примерно соответствует началу постледникового периода.

Теперь немного о первобытных людях. С того времени, когда животное превращается в человека, который способен избрать поклонение Создателю, и до прибытия Планетарного Князя смертные волевые создания называются *первобытными людьми*. Существуют шесть основных типов, или рас, первобытных людей, и эти расы обычно последовательно появляются в порядке цветов спектра, начиная с красного человека. Продолжительность времени, которое затрачивается на эту эволюцию первобытной жизни, колеблется в широких пределах в различных мирах. Земля, как десятичная планета, где предполагаются эксперименты, также стала исключением, т.к. все цветные дети родились в одной семье. Об этом мы с вами уже говорили.

Эволюционные расы – красная, оранжевая, желтая, зеленая, синяя и индиго – чёрная – возникают примерно в то время, когда у первобытного человека появляется простой язык, и он начинает пользоваться творческим воображением. К этому времени человек уже привыкает к прямохождению.

Первобытные люди – выносливые охотники и свирепые бойцы. Закон этой эпохи – физическое выживание сильнейших. Правление в этот период является целиком племенным. Во многих мирах, в том числе и у нас на земле, некоторые из эволюционных цветных рас стираются с лица земли на протяжении ранних расовых битв. Позднее, выживающие обычно смешиваются с привнесенной фиолетовой расой –

адамическим народом.

По сравнению с последующей цивилизацией, эра первобытного человека представляет собой продолжительную, мрачную и кровавую страницу истории. Ранний эволюционный человек не является интересным созданием. Обычно эти первобытные смертные обитают в пещерах или на скалах. Они также устраивают примитивные хижины на больших деревьях. Иногда, до обретения человеком более высокого типа интеллекта, планеты наводняются крупными животными. Однако уже на начальном этапе этой эры смертные умеют разводить и поддерживать огонь, и, по мере развития творческого воображения и совершенствования своих орудий, эволюционирующий человек вскоре покоряет более крупных и неуклюжих животных.

Обычно не позднее, чем через сто тысяч лет после появления у человека прямохождения, прибывает Планетарный Князь, который направляется Властелином Системы вслед за получением от Носителей Жизни сообщения о функционировании воли, даже если она и возникает у сравнительно немногих индивидуумов. Как правило, первобытные люди радушно принимают Планетарного Князя и его зримый персонал; более того, если их не сдерживать, они начинают взирать на этих посланников с трепетом и благоговением, которое граничит с поклонением и даже обожествлением. Нашего бывшего Князя звали Калигастрий, а сейчас временно исполняет обязанности Мелхиседек. Тот, который за 1900

лет до рождения Христа прибыл на землю, чтобы подгото- вить народ к пришествию. Калигастрия впоследствии про- звали дьяволом. Поэтому не надо путать его с Сатаной, кото- рый был другом и помощником Люцифера. Это три разные сущности, но едины по предательству. Однако Планетарный Князь не является «Князем Мира».

На протяжении этого судного периода продолжают ра- совые битвы и племенные войны, хотя реже и с меньшим ожесточением. Наступает великая эра распространения рас, достигающая своего апогея в период ярко выраженного на- ционализма. Цвет становится основой для объединения в племена и народы, и различные расы часто создают соб- ственный язык. Каждая растущая группа смертных стремит- ся к изоляции. Такому разделению способствует существо- вание многих языков. Прежде чем наступает объединение нескольких рас, беспощадные войны иногда приводят к ис- чезновению целых народов; особенно подвержены такому уничтожению оранжевая и зеленая расы.

В течение этой эпохи появляется сельское хозяйство. Раз- витие семьи несовместимо с кочевой и неустроенной жиз- нью охотника. Постепенно вырабатывается привычка к осед- лости и возделыванию земли. Быстрыми темпами идет при- ручение животных и развитие прикладного искусства. В апо- гее биологической эволюции достигается высокий уровень цивилизации, но технического развития почти не наблюда- ется; изобретательство характерно для следующей эпохи.

Когда движущая сила эволюционной жизни исчерпывает биологические возможности и человек достигает вершины животного развития, прибывает вторая категория сыновства, и начинается второй судный период милосердия и опеки. Это справедливо для всех эволюционных миров. После достижения высочайшего возможного уровня эволюционной жизни, когда первобытный человек поднимается на высшую доступную ему ступеньку биологической лестницы, на планете всегда появляются направленные Властелином Системы Материальный Сын и Материальная Дочь – Адам и Ева.

Основная задача адамического режима – помочь развивающемуся человеку перейти от стадии охотника и пастуха к стадии земледельца и садовода с последующим появлением присущих цивилизации городов и промышленности. В ныне ушедших под воду Персидского залива и Средиземного моря школах Долوماتии и Эдемского Сада во множестве учились прикладным наукам и искусству земледелия лучшие посланцы племён аборигенов. Заканчивая эти школы, они разъезжались по своим племенам, разнося по миру эти знания и умения. Поэтому во многих местах происходил одновременный прорыв цивилизации. Чем меньше людям надо было уделять внимания защите жизни, добыванию пищи, тем больше времени у них появлялось для духовного роста и развитию культуры. Тем более потом, когда потомки Адама стали жениться и выходить замуж за землян.

Дар адамической плазмы сразу приводит к улучшению интеллектуальной способности и ускорению духовного развития смертных рас. Как правило, наблюдается также некоторое улучшение физических данных. В обычном мире постадамический судный период является веком великих изобретений, управления энергией и технического прогресса. В эту эру появляются разнообразные производства и подчиняются стихии. Наступает золотой век исследования и окончательного завоевания планеты. Это время, когда с развитием естествознания происходит большая часть материального прогресса; именно эту эпоху переживает сейчас наша земля, но наш мир более чем на целый судный период отстает от обычной планетарной программы. Многие были уничтожены после согласия Калигастрия присоединиться к восстанию Люцифера. По его инициативе были закрыты школы Доломатии, в Эдемском Саду. Если бы не присоединение земли к числу восставших, кто знает, как бы мы сейчас жили. Об этом мы можем только догадываться и мечтать. Наша земля изолирована, поэтому мы развиваемся путём проб и ошибок, зачастую откатываясь далеко назад. Тексты шумеров, древних индийцев лишь капля из океана знаний, которые мы потеряли безвозвратно. Селяви, как говорят французы. Только эта селяви чисто наша, земная. А более подробно, сир, вы теперь можете спокойно прочитать сами. Война закончена. На нашей земле практически нет разрушений. Две сожжённые деревни, сир, из которых вовремя убежали жители, даже

считать смешно.

Я слушал кардинала, его спокойную, размеренную речь, а у меня перед глазами вставала моя старенькая няня, которая на ночь всегда рассказывала мне сказки, и я всегда мужественно старался не заснуть и дослушать до конца её рассказ. Но я засыпал. И я заснул.

01.12.2012г.

На обложке: фото рисунка автора – Мищенко Владимира, <https://e.mail.ru/attachment/15743551210167554429/0;2?x-email=89515452575%40mail.ru>